

Марыяна Сакалова

**Общественные объединения и
движения в Беларуси
в конце XVIII – начале XX века:
проблемы становления
гражданского общества**

Минск 2002

В монографии анализируется процесс развития сети добровольных объединений от элитарных дворянских «частных обществ» до общественных организаций, объединявших различные социальные слои населения, который шел в Беларуси на протяжении всего XIX века, а также процесс консолидации либерального, консервативного и социалистического общественных движений. Предлагается периодизация процесса самоорганизации общественных сил и становления общественных движений конца XVIII- начала XX в. На основе богатого фактического материала показано, что формирование слоя гражданских активистов («субъектов гражданского общества»), развитие сети добровольных общественных объединений, расширение их социальной базы, разработка идеологических оснований широкой общественной легальной деятельности создавали фундамент процесса формирования гражданского общества и, вместе с тем, вынуждали правительство предпринимать шаги в направлении эволюции к правовому государству. В результате, самоорганизующиеся общественные силы стали оспаривать у государства традиционно-монопольное право регламентации всех сторон жизни общества, что послужило предпосылкой формирования сферы общественной жизни, свободной от государственного вмешательства - гражданского общества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава 1. Общественные объединения и общественное мнение в Беларуси в конце XVIII - первой трети XIX в.

1.1 «Частные общества» и просветительская конспирация

1.2 Общественное мнение

Глава 2. Общественная активность и общественные движения во второй трети XIX в.

2.1 Общественная активность

2.2 Консервативное и либеральное общественное мнение как начальная фаза формирования общественных движений

Глава 3. Общественные объединения и движения в последней трети XIX - начале XX в.

3.1 Формирование общественных объединений

3.2 Либеральное движение

3.3 Консервативное движение

3.4 Радикализация общественного движения и распространение социалистических идей. Нелегальные общественные объединения

Заключение

Список использованных источников

Введение

В контексте сегодняшнего дня, когда белорусское общество находится в поисках дальнейшего пути развития, выявления своей идентичности, проблематика развития общественных движений и формирования общественных объединений приобретает исключительно актуальное гражданское значение. Историческая перспектива при изучении институтов гражданского общества, исследование их «родословной» вносят значительный вклад в осмысление современных социальных процессов. Однако, несмотря на актуальность и важность темы, общественные объединения и движения как факторы формирования гражданского общества в Беларуси в конце XVIII - начале XX в. так и не стали предметом специального исследования. По существу, богатые традиции гражданской жизни в Беларуси, начавшие складываться еще на рубеже XVIII - XIX в. и, пусть с перерывами и «откатами назад», развивавшиеся на протяжении всего XIX и начала XX в., оказались недооцененными историками и забытыми общественностью. Кроме того, сегодня требует пересмотра ряд устаревших стереотипов, сложившихся как в результате разобщенности и дробности освещения при исследовании различных аспектов формирования общественных объединений и движений, так и вследствие теоретической непроработанности вопроса.

В связи с этим становится очевидной необходимость исследования изменений в общественной жизни Беларуси в XIX в., связанных с процессом формирования гражданского общества. В данной работе будут рассмотрены такие аспекты сформулированной выше проблемы, как консолидация либерального, консервативного и социалистического общественных движений, а также формирование различных структур, организаций и ассоциаций, которые стали опосредующими звеньями между индивидом и государством. При этом необходимо отметить, что хотя понятие «общественное движение» в широком смысле слова включает различные области общественной жизни, любые проявления

общественной активности, в том числе религиозные, национальные, культурные и т.п. движения, в данном исследовании мы вынуждены ограничиться движениями, в основе которых лежат те или иные социальные идеалы (т.е. представления об устройстве общества), а не политические (государственное или национальное устройство) или религиозные. В контексте проблемы формирования гражданского общества наибольший интерес представляют универсальные (либерализм, социализм, консерватизм), а не локальные (национализм) общественные движения. Ведь в отличие от либерализма, консерватизма и социализма, выработавших идеалы общественного устройства как таковые, национальное движение ставит своей целью обустройство единичной этнической общности и в силу этого носит локальный характер. Кроме того, в отличие от собственно «социальных» движений, в национальном движении доминируют политические и культурно-лингвистические требования. К этому следует добавить, что включение в сферу исследования национальных движений потребовало бы обращения к истории международных отношений, геополитических изменений и т.п. А такое расширение темы исследования увело бы в сторону от основной задачи работы- анализа факторов формирования гражданского общества. Вместе с тем, национальные требования не могли не оказывать влияния на исследуемые общественные движения, и именно поэтому в работу включен анализ некоторых аспектов, связанных с национализмом.

Как известно, процессы, связанные с переходом от феодального общества к буржуазному (гражданскому), имели место на всей территории Европы с конца XVIII в. Вовлечена в этот процесс была и Российская империя, в состав которой входила территория современной Беларуси. Именно с конца XVIII в. в Беларуси начался процесс самоорганизации общественных сил и консолидации либерального, консервативного и социалистического общественных движений, который к началу XX в. привел к созданию политических партий. А законодательные акты, принятые в Российской империи в 1905-1906 годах, обеспечили необходимый минимум прав и свобод, сделавший возможной самоорганизацию граждан для защиты своих интересов и целей. Вместе с тем, эти законы свидетельствовали о признании государством области гражданской активности, отдельной и отличной от деятельности государственных институтов. Это позволяет рассматривать конец XVIII и начало XX в. как своего рода исторические рубежи в процессе формирования гражданского общества в Беларуси.

В XIX в. участие индивидов в общественной жизни (публичной сфере деятельности) в Российской империи и, в частности, в Беларуси, определялось двумя терминами: «общественная самодеятельность» и «общественность». Основой общественной самодеятельности являлись коллективы, складывавшиеся объективно, в связи с различного рода житейскими обстоятельствами - совместным проживанием, совместным обучением и т. п. Такие добровольные объединения создавались гражданами для того, чтобы добиваться удовлетворения своих законных интересов и реализации прав. Эти объединения характеризовались фактическим или формальным единством - устойчивостью состава, структуры и связей между членами.

Термином «общественность» обозначались определенный слой или группа людей, объединенных общей деятельностью, позицией или мнением, принадлежавших к некоему воображаемому сообществу - читающей и дискутирующей публике - «поверх» многочисленных сословных разграничений. «Общественность» ассоциировалась также с общественным мнением, которое воспринималось как самостоятельная сила и часто открыто противопоставлялось государственной, «официальной» точке зрения. Принадлежность к общественности не обозначалась формально (членство), а определялась через мнение (дискурсивная) или действие (практическая).

Нетрудно заметить, что термин «общественность» с функциональной точки зрения совпадает с принятым в социологии представлением о начальных фазах формирования общественного движения, которое в наиболее общей форме можно представить следующим образом. Определенная часть людей в обществе не имеет возможности удовлетворить свои потребности (экономические, культурные, политические), что вызывает неудовольствие, фрустрации, энергия переключается на борьбу против существующих или воображаемых препятствий; возникает состояние эмоционально-психического беспокойства. Благодаря контактам, осознанию большинством людей общности своего положения, эмоционально-психическое беспокойство перерастает в социальное. Последнее проявляется в дальнейших поисках контактов, дискуссиях в неформальных кругах (такими неформальными кругами могут считаться и светские салоны и нелегальные кружки учащихся). Состояние социального беспокойства - исходный момент общественного движения. Затем спонтанно возникают различные формы агитации, дискуссий и пропаганды, посредством которых отыскиваются способы разрешения проблем, вызвавших социальное беспокойство. Эта

деятельность осуществляется теми, кто наиболее остро ощущает недовольство или владеет определенными концепциями и представлениями о необходимых переменах. В результате этой спонтанной деятельности возникает осознание общности целей, создаются кружки и неформальные группы людей, объединенных таким осознанием. Именно в этих группах выделяются лидеры-идеологи. Однако социальные круги еще остаются свободными союзами, основанными на контактах с очень слабой институциональной связью, лишенными устойчивых отношений между его членами. Эти круги имеют свой центр объединения и определенную доминирующую индивидуальность, под воздействием которой формируются установки и взгляды. Вообще, основная функция таких кругов - обмен мнениями, они не действуют, не принимают решений, не имеют исполнительного аппарата. Их значение в обществе основано на том, что они формулируют и предлагают для обсуждения дискуссионные проблемы. В результате этих дискуссий в рамках социальных кругов и неформальных групп формируются целевые группы для реализации общих целей. Так возникают объединения, которые имеют руководство, уставы и предписания, которые регулирующие их деятельность. На этом этапе выдвигаются лидеры и руководители, развиваются институционализированные формы движения. Так что история развития общественного движения (каким бы ни было его содержание) может быть представлена, прежде всего, как процесс смены различных форм объединения индивидов: социальный круг, неформальная группа, целевая группа, организация [311, с. 27].

Таким образом, история развития общественного движения (каким бы ни было его содержание) - это, прежде всего процесс смены различных форм объединения индивидов.

Понятие «общественности» как фактора формирования гражданского общества требует не только функциональной, но и содержательной конкретизации. При историческом анализе общественных движений преобладает подход к ним как «событиям», в концентрированной форме раскрывающим смысл породивших их общественных противоречий. Как единичные, эти общественные движения могут классифицироваться на основании определения основной массы участников; мотивации (религиозной, классовой и т.п.); целей (социальных, национально-освободительных, пацифистских, региональных); особенностей стратегии (революционные, реформистские); тактики (экстремистские, популистские, легалистские, гражданского неповиновения). Вместе с тем очевидно, что единичные, неповторимые по своей сути общественные

движения формируются не на пустом месте. Их ценности, цели и средства всегда вынужденно соотносятся с некими целями и ценностями более общего порядка. За такими понятиями как «просветительство», «масонство», «революционная демократия», «народничество» и т.п. стоят (при всей их внутренней дифференцированности) комплексы идей, формирующие цели общественной и политической деятельности. Эти комплексы ценностей и идей определяются как доктрины, стили мышления или традиции. Цель исследования общественного движения вообще, и задача данной работы, в частности, в том и состоит, чтобы, преодолевая разобщенность и дробность освещения (нередко допускаясь в качестве издержек необходимого разделения труда и расчленения одного объекта между различными направлениями историографии), показать развитие форм общественных объединений и общественных движений.

При этом необходимо принимать во внимание принципиальную ограниченность нашего взгляда, взгляда из сегодняшнего дня на любое исторически развивающееся явление, берущее начало достаточно глубоко и предполагающее определенный уровень сложности развития. Преодолеть, хотя бы частично, эту ограниченность позволяют методологические подходы системного анализа. В соответствии с ними, подобное нашему синтетическое исследование возможно только при размещении «содержательных ядер» - сегментов исторической реальности - в более широком контексте (парадигме). От избранной парадигмы будет зависеть прагматика - пространство размещения установок, интенций, целей, ценностей и задач исследования. В качестве парадигматической модели для изучения общественных движений и объединений в Беларуси в конце XVIII - начале XX в. мы посчитали возможным использовать такой идеальный объект, как гражданское общество.

Если понимать гражданское общество как систему общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самоорганизации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, индивидуальных и коллективных (эти интересы и потребности выражаются через научные, профессиональные и иные объединения и ассоциации, организации и опосредуют отношения между государством и индивидом), становится очевидным, что нормативную основу доктрины гражданского общества составляет идея общественной жизни, независимой от государства и служащей защите индивида. Место, занимаемое общественными движениями и многообразными ассоциациями в системе современных общественных

отношений, побуждает исследователей идентифицировать гражданское общество, прежде всего, именно с этими структурами. При этом формирование гражданского общества можно описать как многоуровневый и нелинейный процесс 1) формирования в социальном пространстве системы свободных от прямого государственного вмешательства областей, необходимых для саморазвития институтов и структур гражданского общества; 2) развития частной инициативы и гражданской самодеятельности, организации «групп интересов»; 3) появления гражданина как самостоятельного, сознающего себя таковым, индивидуального члена общества, наделенного определенным комплексом прав и свобод и в то же время несущего перед ним моральную или иную ответственность за все свои действия (часто в этом случае говорят о гражданине-собственнике, экономически свободном); 4) определенных изменений идеологических установок и менталитета (субъектами гражданского общества могут быть люди, знающие, что собственные действия - наилучший способ защиты своих интересов, решения волнующих их экономических, социальных, политических проблем; реальный или потенциальный субъект гражданского общества - это человек, уверенный в том, что добиться реальных результатов можно, лишь объединив свои действия с действиями других людей). Нелинейность процесса означает что, во-первых, его не всегда можно представить иерархически; во-вторых, возникновение любого из элементов, или складывание той или иной его структуры служит также и предпосылкой его формирования; в-третьих, о наличии гражданского общества можно говорить только тогда, когда присутствуют все упомянутые элементы.

Такой подход позволяет рассматривать развитие сети общественных объединений и формирование общественных движений сквозь призму процесса формирования гражданского общества, как факторы, в той или иной мере обусловившие развитие этого процесса, и, вместе с тем, как его существенные элементы. Это, в свою очередь, открывает новую историческую перспективу и дает возможность изучения названных феноменов в их единстве и взаимодействии. В связи с этим автор поставил перед собой следующие исследовательские задачи:

- проанализировать этапы становления и типологию общественных движений в Беларуси в конце XVIII - начале XX в.;
- проследить процесс расширения практики общественности и публичности и вовлечения в общественную деятельность различных

социальных слоев как факторы, стимулировавшие начало процесса формирования гражданского общества в Беларуси;

- выявить результаты самоорганизации общественных сил, консолидации общественных движений и оценить изменения, происходившие в общественной жизни Беларуси в конце XVIII - начале XX в. с точки зрения процесса формирования гражданского общества.

В этой связи следует отметить, что реконструкция системы общественных движений и сети добровольных общественных объединений как факторов формирования гражданского общества в Беларуси не стала еще предметом специального исследования ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Имеющиеся работы, посвященные проблемам формирования гражданского общества, часто носят теоретический и абстрактный характер, в них рассматриваются, главным образом, события новейшей истории [44; 55; 61; 207; 316; 383]. В то же время в отечественной и зарубежной историографии имеется ряд исследований, из которых можно почерпнуть обширный эмпирический материал об отдельных составляющих процесса формирования гражданского общества.

Так, хотя белорусские историки практически не обращались к исследованию сети добровольных общественных объединений, в работах, посвященных истории рабочего движения, содержатся сведения о легальных организациях рабочих [20; 21]. Разумеется, в статьях и монографиях отечественных историков в том или ином контексте упоминаются дворянские собрания, городские общественные собрания и клубы, домашние кружки, библиотеки, редакции периодических изданий, самоуправляющиеся общественные организации Беларуси и т. п., но сведения эти носят отрывочный и несистематический характер [163 – 165; 256 - 258]. Российские ученые проявляли гораздо больший интерес к данной проблеме. Наличие ряда опубликованных исследований истории отдельных общественных организаций Российской империи [7; 23; 62; 71; 86; 124; 137; 305] дало возможность А. Степанскому уже в конце 70-х - начале 80-х г. разработать классификацию общественных организаций, существовавших в Российской империи в XIX - начале XX в. Однако по своему замыслу его труды представляли собой учебные пособия, дающие лишь самый общий обзор деятельности общественных организаций [283 - 286]. В последние годы интерес российских исследователей к истории общественных организаций усилился, что, несомненно, связано с разработкой проблематики формирования гражданского общества. В 90-х г. были опубликованы монографии о предпринимательских,

кооперативных, благотворительных организациях, об истории социальной работы в Российской империи в XIX в. [93; 106; 174]. Но все эти работы написаны, в основном, на общеимперском материале и включают лишь частичные сведения об истории общественных организаций в Беларуси. В последние годы и белорусские ученые стали проявлять интерес к истории общественных организаций, однако их внимание концентрировалось, в основном, на объединениях, существовавших в Беларуси на рубеже XIX - XX в. [5; 304].

Теоретической основой анализа общественных движений в Беларуси в XIX в. послужили труды зарубежных исследователей по теории и истории консервативной, либеральной и социалистической идеологий [131; 314; 339; 344; 379; 382; 395; 397; 398; 399]. Объясняется это тем, что если, например, о либерализме и консерватизме западноевропейские и американские ученые и политологи всегда говорили вполне свободно, то в советской научной литературе, да и в современной отечественной, эти доктрины освещались гораздо уже и более противоречиво. Так, в либерализме советские ученые усматривали, как правило, разновидность буржуазной идеологии и относили рождение либерализма в Российской империи ко второй половине XIX в. (ко времени быстрого развития капиталистических отношений). Считалось, что он не оставил сколько-нибудь заметного следа в отечественной истории, поскольку оказался слабым, а его политические структуры были аморфными и далекими от жизни [1; 9; 99; 119; 120; 219]. Проблема истории консервативного движения как такового вообще не формулировалась, а консерватизм отождествлялся с реакционными политическими мерами, предпринимавшимися царской бюрократией [156; 221; 238; 267; 288; 306]. Что касается социалистического движения в широком смысле, то вместо исследования его реальной истории, ученые вынуждены были давать ретроспективу ленинского, догматического марксистского представления об истории этого явления [83; 95; 186; 187]. Вместе с тем историки, как правило, рассматривали эти движения изолированно от общеевропейского контекста, что часто приводило к искажению их сущностных характеристик [99; 119; 120; 186; 187]. Исключение в этом отношении составляют работы С. Ланды и А. Нифонтова [118; 176].

Взгляд в российской [1] исторической литературе на эти вопросы расширился в конце 80-х - начале 90-х г. Прежде всего, был преодолен стереотип, относящий либерализм к узкоклассовому буржуазному течению [54; 59; 85; 123; 135; 263; 264; 275]. Наметились новые тенденции в изучении истории консерватизма. А. Галкин, П. Рахшимир,

В. Гусев, В. Шамшурич, Г. Лебедева в своих исследованиях сопоставляют консерватизм в Российской империи и в Западной Европе, рассматривают его как сложившееся в традицию целостное образование [56; 63; 104; 138]. Наиболее глубокий анализ консерватизма дан в статье С.Г. Туронка «Некоторые подходы к проблеме реконструкции идеологической доктрины консерватизма» (ИНИОН, деп. 50030, 1995). Меньше было достигнуто в области изучения истории социалистического движения, так как здесь на первое место выдвинулась критика марксизма, а немарксистский социализм по-прежнему оставался за пределами внимания исследователей [26; 113].

В белорусской советской историографии проблемы исследования консервативного и либерального движения не ставились. Понятия «либерал» и «консерватор» при анализе идеологических позиций деятелей общественного движения употреблялись весьма произвольно. Что касается белорусской постсоветской историографии, то здесь заслуживает внимания работа В. Шалькевича, содержащая интересный фактический и теоретический материал [309]. Однако и она не свободна от произвольного толкования вышеупомянутых терминов и некоторого анахронизма.

В целом же и в советской и в постсоветской белорусской историографии либерализм рассматривался, главным образом, как фрагмент реалий, в которых развивались левые направления общественной и политической мысли [128; 163; 164; 191; 256].

Консерватизм как идейное течение, политическая доктрина и общественное движение в XIX в. в Беларуси до сих пор является наименее изученным явлением в отечественной историографии. Одна из причин этого заключается в стихийно утвердившихся в историографии точках зрения на консерватизм как на аристократическую и «ситуационную» идеологию. С одной стороны, считалось, что консервативное движение являлось реакцией феодальной аристократии на Французскую революцию, завоевание буржуазией господствующего положения в экономической и социальной жизни общества; с другой - что консерватизм как идеология возникает в определенных, исторически повторяющихся ситуациях, когда появляется угроза основам существующего социально - политического строя. Поскольку эти точки зрения были, в сущности, взаимоисключающими (в соответствии с первой время существования консервативной идеологии ограничивалось концом XVIII - первой третью XIX в., вторая давала возможность говорить о консерватизме в любой исторический период), история консервативного

движения не мыслилась как определенный, целостный предмет научного исследования. Как правило, ставился знак равенства между консерватизмом и реакционностью, и оба термина часто использовались довольно произвольно, главным образом для характеристики противников буржуазных реформ, которые проводило российское правительство в XIX в. Сами же буржуазные реформы зачастую определялись как либеральные, хотя на самом деле ничто не свидетельствовало о том, что царские сановники руководствовались либеральной политической доктриной, наоборот, все реформы проводились исключительно с целью поддержания устойчивости существовавшей политической системы. Александр II не был человеком либеральных убеждений, он не изменял политическому курсу Николая II ни в гражданских, ни в военных делах, возглавлял наиболее консервативные секретные комитеты по крестьянскому вопросу в 1846 и в 1848 г. и участвовал в создании цензурного комитета Бутурлина. Сами же буржуазные реформы XIX в. в целом носили консервативный характер, несмотря на усилия либеральных бюрократов во главе с великим князем Константином. Так, отсутствие адекватных представлений о консерватизме как автономной идеологической теории создавало проблемы даже при определении характера политики правящей элиты, не говоря уже об общественных и политических течениях, провозглашавших более широкие, а часто и расплывчатые, неопределенные идеалы и цели (что значительно усложняет анализ их идейной ориентации).

Исследование социалистического движения, в сущности, сводилось к истории распространения марксизма и развития социал-демократического движения. Социалистическое движение в белорусской и советской историографии традиционно рассматривалось в рамках так называемого революционно-демократического или освободительного движения, а в работах, посвященных периоду 90-х г. XIX в. - 1917 г. термин «социалистическое движение» как таковой практически не употреблялся и был заменен терминами «марксизм», «научный социализм» - с одной стороны, и «мелкобуржуазный социализм», «народничество» - с другой. Социалистическое движение не рассматривалось как широкое общественное движение и изолировалось от европейских. Имена А. Сен-Симона, Ш. Фурье, В. Флеровского, К. Каутского, Э. Бернштейна и многих других употреблялись только в полемическом контексте, а идеология социалистов-революционеров или народных социалистов характеризовалась только с точки зрения марксистского социализма. Часто терминология, используемая в таких случаях, являлась продуктом политической полемики конца XIX - начала XX в., особенно полемики

марксистской. Историки не подвергали критической оценке неологизмы, созданные для определенных политических целей. Одним из таких терминов является, например, понятие «легальный марксизм», которое ортодоксальные русские социал-демократы начали использовать примерно в 1900 г. по отношению к русским «ревизионистам» и который впоследствии стал употребляться и для характеристики социально-политических течений предыдущего периода [287; 373]. Подобные неточности затрудняют исследование проблемы распространения социалистических идей и формирования социалистического движения в Белоруссии.

Таким образом, становится очевидной необходимость восстановления общей картины, системы общественных движений в Беларуси в XIX в., а также изучения последних как одного из факторов формирования гражданского общества.

При работе над книгой использовались материалы, хранящиеся в исторических архивах Беларуси, Литвы, России. В этих архивах хранится значительное число фондов дореволюционных общественных организаций, однако, уровень их сохранности недостаточен. Многие документы и целые фонды исчезли еще до революции, так как в то время общественные объединения обладали незначительными возможностями для правильной постановки делопроизводства и архивов. Тем не менее, автору удалось выявить довольно широкий круг источников. Это, во-первых, документы государственных учреждений, санкционировавших деятельность общественных объединений и контролировавших общественные движения, а также законодательные акты царской администрации [204 –206; 261].

Сведения об объединениях, возникавших в XIX в., содержатся в архивных фондах Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге: в фондах различных министерств, а также в фонде хозяйственного департамента полиции (благотворительные общества, общества вспомоществования, потребительские и др.) и департамента общих дел МВД [228]. Ценнейшим источником для изучения истории общественных объединений являются фонды канцелярий генерал-губернаторов и гражданских губернаторов, а также различных местных административных органов, хранящиеся в архивах Беларуси и Литвы [60; 172]. Были изучены содержащиеся в фондах канцелярии генерал-губернатора Витебского, Могилевского и Смоленского [172, ф. 1297], фондах Витебского [172, ф. 1430], Минского [172, ф. 295] и Могилевского [172, ф. 2001] гражданских губернаторов дела об учреждении различных

обществ и их отчетах, предоставляемых губернаторам, об открытии публичных библиотек и др. гражданских инициативах. Отчеты различных добровольных объединений и их уставы содержатся также в фондах губернских присутствий по земским и городским делам [172, ф. 22, ф. 2508] и городских дум.

Другим ценным источником являются опубликованные и неопубликованные документы общественных объединений - протоколы и стенографические отчеты заседаний, отчеты о деятельности объединений, докладные записки и ходатайства. Большой интерес представляют также различные статистические отчеты и памятные книжки губерний, издававшиеся во второй половине XIX в. Широко использовалась мемуарная литература [8; 12; 25; 27; 46; 49; 77; 79; 109; 125; 166; 336; 342; 346; 353; 367; 369; 371; 376; 406], периодические издания, выходившие на территории так называемого Северо-Западного края и в России, а также публицистические произведения [32 – 41; 84; 94; 141 – 155; 157; 159; 167; 173; 213; 231; 287; 337; 380; 381]. Последняя группа источников имеет особое значение для изучения общественных движений. Поскольку у приверженцев консерватизма или либерализма в Беларуси XIX в. трудно найти упорядоченное изложение доктрин, об идеологической позиции того или иного деятеля можно судить только на основании его отдельных замечаний или высказанных и зафиксированных мыслей, публицистических произведений и мемуаров. Интересную информацию также можно почерпнуть в сборниках документов и материалов, изданных в разное время в Беларуси, России и Польше [10; 11; 51; 52; 67; 92; 317 – 319; 360; 361; 409; 410].

В заключение следует добавить, что географические рамки предлагаемой работы не ограничиваются территорией современной Беларуси. Поставленная проблема с необходимостью требует включения в исследование города Вильны, который на протяжении всего XIX в. оставался культурным, общественным и административно-политическим центром региона.

[1] Поскольку российские исследователи изучают общественные движения на всем пространстве Российской империи, их труды дают определенную информацию и для анализа общественных движений в Беларуси.

Глава 1.

Общественные объединения и общественное мнение в Беларуси

в конце XVIII - первой трети XIX в.

1.1 «Частные общества» и «просветительская конспирация»

Военные действия, хаос юридических, имущественных и кредитных отношений, потеря имений и состояний, тоска по утраченной Отчизне, неопределенность надежд и страх перед будущим - вот основные черты, определявшие настроение «общества» Беларуси на рубеже XVIII - XIX в. [4; 366]. Однако политика российских императоров на полученных при разделе территориях была достаточно лояльной. В царствование Екатерины II установился «концессионный» порядок учреждения частных обществ, который носил поощрительный характер, так как уставы обществ этого времени включали больше привилегий и пожалований, чем обязанностей для зарождавшейся «общественности». Общества делились на «законом утвержденные» (официальные) и «законом не утвержденные» (неофициальные), т. е. общества, уставы которых утверждены императрицей и поэтому имеют силу закона, и общества, уставы которых «не известны правительству, а посему не принимаются за действительные и все их правила, положения и постановления вменяются ни во что», полиция может подвергнуть их «уничтожению и запрещению, если посчитает такое общество бесполезным или противным общему благу и частным пользам» [204, т. 21, № 15379]. Этими юридическими нормами и определялся порядок создания общественных объединений в первые десятилетия XIX в. Считалось, что качество цели, преследуемой обществом, уже дает ему достаточное легальное основание для существования и без правительственного утверждения, конечно, под ответственность руководителей общества. Правительственное утверждение правил и уставов частных обществ требовалось только в тех случаях, когда были необходимы особые преимущества или «изъятие из общих узаконений». Дела подобного рода отнесены были к компетенции Комитета Министров, который рассматривал в период царствования Александра I уставы обществ, испрашивающих особые права, денежные пособия, бесплатную пересылку корреспонденции, участки земли и т.д. Все же

прочие частные организации - масонские ложи, литературные и научные кружки, «тайные общества» существовали легально, хоть и без утверждения правительством [266, т. 1, с. 427-429].

Терпимость и «либеральность» политики Александра I по отношению к «присоединенным от Польши землям», возможность широко обсуждать проблемы хозяйственных усовершенствований, ликвидации барщины и крепостного права, развитие книжно-журнального дела и образования порождали определенный оптимизм. «Теперь, как и в польские времена, мы имеем в значительной части то, что нам отчизна давала, и не имеем тягот и опасностей человеческой резни; хоть и без Польши - мы в Польше, » - так характеризовал преобладающие в первом десятилетии XIX в. настроения мемуарист [359, т.2, с.246].

Такая ситуация способствовала росту общественной активности и созданию многочисленных официальных и неофициальных кружков и групп. Тем более, что практика создания частных обществ начала распространяться еще в конце XVIII в. Аристократы, выходцы из Беларуси, принимали участие в деятельности научных обществ в Варшаве [389]. При этом необходимо отметить, что процесс самоорганизации общественных сил шел преимущественно в среде дворянства, а общественная самодеятельность развивалась прежде всего там, где она поощрялась или даже инициировалась государством - в сфере благотворительности и научной деятельности. Так, в 1802 г. было создано благотворительное общество в Бресте; в 1807 г. возникло Виленское человеколюбивое общество; в 1810 - Общество добропорядочности в Новогрудке; в 1811 г. - Минское благотворительное общество, в 1821 г. - Общество вспомоществования недостаточным ученикам Виленского университета; в 1822 г. - Слуцкий попечительный о бедных комитет и Гродненское благотворительное общество; в 1823 г. - Могилевское и Минское епархиальные попечительства о бедных духовного звания. И все же общественная благотворительность не получила еще достаточно широкого развития. Прежде всего, потому, что общественная активность, как уже отмечалась, ограничивалась рамками дворянского сословия. Кроме того, при крепостном праве помещики сами должны были заботиться о крестьянах, вследствие чего благотворительная деятельность сосредоточивалась, в основном, в городах.

Другим типом общественных объединений стали разнообразные научные общества. В соответствии с реформой, проведенной на основании либеральных разработок Эдукационной комиссии, проектов

французского просветителя Ж. Кондорсе и по примеру немецких университетов, Виленский университет стал не только учебным заведением, но и научным обществом. Ежемесячно профессорский состав должен был собираться на академические заседания, где зачитывались научные доклады; два раза в год происходили «публичные заседания», проводимые для неуниверситетского общества. Как научное общество, университет объявлял конкурсы и поддерживал связи с другими научными обществами. Профессора Виленского университета в 1805 г. объединились в Виленское медицинское общество, устав которого был утвержден специальным указом 12 мая 1806 г. [349, s.19].

Вместе с тем возникали и неофициальные литературные и научные общества. В 1804 г. группа студентов университета С. Старжинский, Я. Твардовский (будущий ректор университета), Л. Боровский, Л. Пинадел, Я. Рихтер и др. объединились для организации журнала «Tygodnik Wilenski» (в 1804 г. вышло 23 номера) – первого в крае студенческого издания. В 1805 г. были созданы Общество наук и искусств (1805-1809 г.), Общество моральных наук (1805-1807 г.), Общество изящных искусств (1805-1806 г.). Членами этих неофициальных кружков были как студенты, так и профессора университета. Необходимо заметить, что такая самостоятельная деятельность была новым явлением в общественной жизни и, будучи абсолютно легальной, часто встречала противодействие. Независимость «обществ» от университетских властей (ректора) вызывала возражения даже у сторонника просветительской философии, вольтерьянца и физиократа Г. Стройновского; не слишком доброжелательно относился к кружкам и Я. Снядецкий. Так, когда встал вопрос о публикации в 1806 г. отчета о полугодовой деятельности Общества наук и искусств, ректор потребовал смены его названия на «Общество молодежи, совершенствующейся в науках и искусствах при Виленском университете». Студенты отказались, так как справедливо усмотрели в этом посягательство на свою автономию, однако вынуждены были пойти на компромисс, приняв название без прибавки «при Виленском университете». Но в 1807 г название общества сменили на «филоматическое», отказавшись от сведения целей своей деятельности к узко понимаемому «совершенствованию молодежи» [323, t.3, s. 553-556]. Хотя общество было чисто научным, оно не избежало влияния духа эпохи Просвещения. По инициативе А. Марцинковского члены кружка разработали проект перевода семи томов трудов А. Песталоцци, который, к сожалению, не был осуществлен. Однако А. Марцинковский перевел книгу известного поклонника и последователя Песталоцци Э. Шаванна, которую приобрели гимназические библиотеки не только

Беларуси и Литвы, но и Польши [349, s. 32]. Педагогические проблемы занимали и членов Общества моральных наук. Интересно, что членами этого кружка были не только студенты университета и некоторые профессора, но и учителя виленских гимназий.

Деятельность научных обществ положила начало «практике публичности», пробудила интерес к наукам у широкой общественности («публики»). Публичные заседания профессорского состава университета, Общества наук и искусств, других кружков вызывали большой интерес - иногда приходило столько людей, что не хватало места. Увлечение наукой, чтение серьезных книг становится модой: магнат А. Платер занимается химией, в университетских залах часто можно встретить аристократов. «Все Вильно грезит науками», - писал в письме своему брату И. Лелевель [Цит. по 349, с. 31].

Деятельность кружков дает примеры первых, хотя и спорадических выходов за рамки сословной и религиозной замкнутости. Членами филематического общества были как католики, так и униаты. Студент-еврей выступал с сообщением на заседании Общества наук и искусств - если бы он не покинул Вильно, то был бы принят в действительные члены общества. Крестьянский сын Ш. Жуковский, сын униатского священника А. Марциновский, аристократ К. Монюшко на равных принимали участие в кружковой работе [349, s. 40-41].

Другим центром общественной активности в первой трети XIX в. были масонские ложи. Масонство ведет свое происхождение от ремесленных средневековых объединений строителей и архитекторов (так называемое оперативное масонство), которые с изменением экономической и социальной ситуации (прекращение строительства соборов в XVIII в., особенно в период реформации в Англии, разложение феодальных отношений) стали принимать в качестве членов состоятельных людей и аристократов. Постепенно гильдии превратились в общества, где обсуждались различные мировоззренческие проблемы (так называемое спекулятивное масонство). Основным принципом деятельности таких обществ являлась терпимость, прежде всего религиозная. В результате покровительства, которое оказывала деятельности спекулятивных лож аристократия, представители других социальных слоев (в Англии, прежде всего, купечества) стали рассматривать участие в деятельности лож как некий символ социального успеха. Кроме того, Масонство процветало в Англии и других протестантских странах, а также во Франции эпохи Просвещения и революции, поскольку масонские идеалы религиозной терпимости и равенства всех людей соответствовали духу

эпохи Просвещения. В католической Европе, масонство часто приобретало мистические и глубоко религиозные черты. Однако религиозная терпимость как принцип масонства часто давала возможность сосуществовать мистикам и рационалистам в одной ложе. Как уже отмечалось, масонство было гетерогенным и с социальной точки зрения: врачи, низшие офицеры, чиновники, купцы и даже ремесленники становились членами лож. Общее руководство, тем не менее, в большинстве случаев принадлежало аристократии. Одним из принципов деятельности масонства была, прежде всего, лояльность по отношению к правительству и стремление воздерживаться от участия в политической жизни.[1] Именно это было одной из причин прекращения деятельности масонских лож на территории Беларуси и Литвы в период так называемых «разделов Польши». В 1808 г. была восстановлена ложа «Счастлиное освобождение» в Несвиже, в которую входили офицеры бывшего польского войска и местная шляхта. В течение 1809-1812 г. была восстановлена ложа «Усердный литвин» в Вильно. В 1812 г. «литовские ложи» официально отказались от работы до тех пор, пока «взволнованный нашествием французских войск край не придет к полному спокойствию» [69, с. 237].

С прекращением боевых действий деятельность масонов возобновилась. Так, уже в 1813 г. в виленской ложе «Усердный литвин» состояло 23 человека, среди них - 3 университетских профессора и 6 духовных лиц. Председателем ложи был М. Длусский, который вместе с тем занимался широкой научно-публицистической деятельностью. В ложу также вступили виленский гражданский губернатор А. Лавинский, губернский предводитель дворянства граф Сулистровский, главный смотритель государственных лесов в Литве граф Л. Платер, профессор университета, филолог Г. Гроддек. В 1816 г. была образована ложа в Минске. Ее возглавил Я. Ходзько, принимавший активное участие в культурной и политической жизни города. В середине 1821 г. ложи существовали во всех губернских городах Беларуси и Литвы, а также в Несвиже, Новогрудке и Слуцке. По некоторым данным, они объединяли около 800 человек [341, с. 273-274]. Большинство среди литовско-белорусских масонов составляли крупные землевладельцы и аристократия. Вместе с тем, в состав лож входили также офицеры, представители «свободных профессий» (учителя, профессора, адвокаты и т.д.), чиновники. В ложи вступали как по идеологическим мотивам, так и из-за снобизма, желания следовать моде. Практика преимущественного инициирования богатых людей придавала организации солидность, а убеждение в том, что масоны поддерживают «своих» приводило к тому,

что к вступлению в ложи стремились люди, искавшие полезных знакомств для продвижения по службе и т.д. Эти люди не забивали себе голову ни значением масонской символики, не интересовали их также и идейные поиски масонов. «По всей Литве всякий хоть сколько-нибудь достойный человек, к какому бы классу общества он ни принадлежал (кроме евреев), хлопотал о славном в то время имени масона, которое также чрезвычайно легко получал», - вспоминал об этом времени Я. Ходзько [Цит. по: 341, s. 278].

Одним из основных направлений деятельности масонов была благотворительность. Члены ложи «Усердный литвин» обеспечили обучение ланкастерскому методу преподавания в Петербурге двоих человек, в 1819 г. платили стипендию 4 студентам Виленского университета. В том же 1819 г. на средства, собранные виленскими масонами, была организована экспедиция на Ближний Восток выдающегося востоковеда И. Сенковского. Масоны были среди организаторов Общества помощи недостаточным ученикам Виленского университета [317, t. 3, s. 305; 341, s. 283; 358, s. 8-9].

Развитие просвещения и идеалы, проповедовавшиеся преподавателями гимназий и университета, стимулировали создание объединений учащихся средних учебных заведений. В 1809-1810 г. существовала подростковая военно-спортивная организация уездной школы в Новогрудке – «Корпус учеников», в 1813-1815 г. – «Войско Марса и Аполлона» - в гимназии Молодечно. Члены этой организации занимались не только спортом, но и ставили перед собой цели самовоспитания и литературного образования. Организаторами этого союза был Т. Зан, А. Ходзько и др. [371, s. 94-104].

Значительные изменения характера общественной активности происходят после 1815 г. После 25 лет войн и революций многим казалось, что мир коренным образом изменился. «Опыт прошлого утрачен... Сегодняшнее наше положение абсолютно новое», - отмечал польский публицист в 1820 г. [368, s. 207]. А если ситуация совершенно новая, то можно ее сформировать в соответствии со своими идеями, не прибегая при этом ни к «Петрову топору, ни к якобинской гильотине» [347, s.38]. Вместе с тем, «дарование конституции» Царству Польскому, императорские указы 1816 и 1817 г. об отмене крепостного права в Эстляндской и Курляндской губерниях порождали надежды на возможность обеспечения «свободы гражданской жизни» [347, s. 38]. Такие настроения стимулировали общественную активность. Доказательством этого служит простое перечисление неофициальных

обществ, кружков и групп, которые возникли в Беларуси и в Литве после 1815 г. : Общество шубравцев (1817-1822 г.); Общество филоматов (1817-1823 г.)[2] и его низшие ступени (зависимые кружки)[3]; Общество мыслящей молодежи (1817-1820 г.), Виленское литературное общество (1819-1820 г.), антилучистые (1820 г.); кружок в виленской гимназии (1819-1821 г.); научное общество в Свислочской гимназии (1819-1824 г.), Моральное общество в Свислочи (1819-1820 г.), Виленское типографическое общество (осн. в 1818 г.); Союз достойных мужей в Вильно (1820 г.) [323, s. 552 - 567; 349, s. 57 -61].

Эти кружки и группы охватывали различные слои населения - от аристократии - до ремесленников. Отличительной чертой вышеперечисленных обществ являлся интерес к «общественным вопросам». Многие из них (шубравцы и антишубравцы, лучистые и антилучистые) возникали именно в процессе публичной полемики. Интерес к общественным вопросам определял также и эволюцию этих кружков от космополитически-рационалистической ориентации - с одной стороны, к патриотически-либеральной и консервативно-легитимистской - с другой.

Активная «публика» группировалась также вокруг периодических изданий «Kurier Litewski» («Литовский курьер»; выходил с 1759 г.; с 1815 г. редактировался и издавался А. Марцинковским при помощи Я. Рихтера), «Dziennik Wilenski» («Виленский дневник»; выходил в 1805-1806 г. под редакцией Ф. Снядецкого при сотрудничестве С. Юндзилла и др.; возобновлен в 1815 г. К. Контрымом, издавался до 1830 г.; с 1818 г. - редактор А. Марцинковский), «Tygodnik Wilenski» («Виленский еженедельник»; в 1804 г. выходил под редакцией В. Избицкого и С. Старжинского как орган научного студенческого общества; возобновлен в 1815 г. И. Лелевелем и М. Балиньским; в 1815 г. редактором стал И. Шидловский; в последний, 1822 г. существования редактировал М. Ольшевский) [361, t. 2, s. 173 – 175; 403, s. XXVIII - XXVIII].

Местом встреч представителей местного образованного общества: профессоров, учителей, врачей, литераторов, публицистов - был книжный магазин И. Завадского. Здесь встречались те, кого, пользуясь современной терминологией, можно было бы назвать гражданскими активистами - К. Контрым, Я. Шимкевич, А. Марцинковский, Я. Рихтер, М. Балинский, Л. Платер, Я. Ходзько, В. Путткамер [361, t. 2, s. 174].

Однако изменение внутренней политики Александра I в связи с политической конъюнктурой в Европе периода реставрации

трагическим образом повлияло на начавшую развиваться общественную активность в крае. Убийство в 1819 г. писателя А. Коцебу, агента российского императора в студенческих союзах Германии, смерть герцога Беррийского во Франции, революции в Испании и Неаполе, а с другой стороны, расстрел английских радикалов под Манчестером (1819 г.) и постановления карлсбадского конгресса Священного союза положили начало паническому отречению Александра I от «либерализма».

Это проявилось, прежде всего, в «антимасонской реакции». В Беларуси и Литве слухи о закрытии лож стали распространяться еще в 1819 г. В 1820 г. было запрещено печатать масонские тексты, начался сбор информации о масонах-офицерах. Известия о ликвидации лож в Модене (1820 г.) и на Сицилии (1821 г.) заставили и белорусско-литовских масонов готовиться к ликвидации. И они не ошиблись. Императорский Указ 1 августа 1822 г. об уничтожении масонских лож и других тайных обществ предписывал в категорической форме закрыть все неутвержденные правительством общества и впредь не допускать существования обществ, уставы которых не утверждены правительством. Необходимость данной репрессивной меры мотивировалась «беспорядками и соблазнами, возникшими в других государствах от существования разных тайных обществ и умствований ныне существующих, от которых проистекают столь печальные в других краях последствия» [204, т. 38, № 29151]. Этой ситуацией воспользовался Новосильцев, который вел в Вильно следствие по делу филоматов. Это следствие в польской историографии характеризовалась как «великая провокация», поскольку результатом его стало фактическое запрещение какой бы то ни было легальной общественной деятельности.

Выступление декабристов в 1825 г. вызвало новую серию репрессивных законов. В 1827 г., одновременно с учреждением корпуса жандармов, был принят Устав о предупреждении и пресечении преступлений, шестая глава которого посвящена мерам предупреждения незаконных и тайных обществ: было запрещено образовывать какие либо частные общества без высочайшего разрешения, испрашиваемого через Комитет министров. Оставшиеся общества фактически перестают быть частными: получив титул императорских и возможность пользоваться казенными пособиями, они вместе с тем оказываются в прямом подчинении у царской администрации. В этих условиях попытки «общественности» найти возможности для самостоятельной деятельности, как правило, оказывались безуспешными. Показательным примером в этом отношении может служить Белорусское вольное экономическое

общество (1825-1841 г.). Инициатива его создания принадлежала генерал-губернатору Витебскому, Виленскому, Смоленскому и Калужскому Н. Хованскому [172, ф. 2779, оп. 1, д.1]. В 1824 г. были созданы Могилевское и Витебское вольные экономические общества. Причем среди уставных целей Могилевского общества значились не только «улучшение земледелия», но и забота о «сохранении здоровья земледельцев» и «изыскание всех полезных способов к улучшению состояния шляхты, которая не доказала своего дворянского происхождения» [172, ф. 2779, оп. 1, д.1, л. 37 об. - 38]. Однако в 1825 г. Могилевское и Витебское общества были объединены в Белорусское вольное экономическое общество, уставные цели которого сводились к улучшению сельского хозяйства, испытанию новых сельскохозяйственных орудий и т.п. [172, ф. 2779, оп. 1, д.6, л. 1 - 2]. Деятельность общества свелась к управлению принадлежавшей ему фермой. Сужение целей общества привело к тому, что многие помещики утратили к нему интерес и уже в 1839 г. отказались принимать участие в его деятельности [172, ф. 2779, оп. 1, д.6, л. 79]. Попытки генерал-губернатора и даже министра Киселева оживить деятельность общества потерпели неудачу, и через два года оно прекратило свое существование [172, ф. 2779, оп. 1, д.6, л. 149 об.].

Фактическое запрещение независимой легальной публичной деятельности в Российской империи, а также события в других странах[4] свидетельствовали о том, что в автократических государствах невозможно легальное выражение интересов людей, которые не хотят считать себя просто поданными, а являются активными гражданами. Место публичных обществ заняли конспиративные кружки: патриотический ученический союз в Свислочской гимназии в 1826 г., «Племя Сарматов» в Вильно в 1827 г. Вместе с тем оживляются ожидания, связанные с предстоящим общеевропейским восстанием «против деспотов». Проблемы идеологии и общественного мнения отходят на второй план – разрабатываются планы военных компаний, идет сбор денег и оружия.

1.2 Общественное мнение

Как отмечалось во введении, одним из системообразующих факторов в процессе формирования гражданского общества являлась сфера публичности (общественного мнения). Известно, что общественное мнение охватывает не только сформировавшиеся теории, но и такие воззрения, которые не сведены в строгую понятийно-логическую систему. Играя, тем не менее, важную роль в общественной жизни, оно

так или иначе связано с тем, что занимает общество: одни конкретные проблемы перестают его интересовать, уходят из поля зрения, другие, напротив, выдвигаются на первый план и занимают свое место в подвижной шкале его категорий и ценностей. Формируется и исторически определенная иерархия этих ценностей [101; 214]. При этом необходимо учитывать, что возможность формулировки тех или иных проблем для обсуждения зависела от дискурсивных рамок, имеющих, в свою очередь, исторический характер[5]. На рубеже XVIII - XIX вв. эти дискурсивные рамки определялись такими понятиями, как рационализм, индивидуализм, космополитизм, с одной стороны, и клерикализм, легитимизм, традиционализм- с другой [97, с. 258-260; 310, с. 51-131; 343, с. 234-235].

С одной стороны, общественная мысль этого периода выступала как преемница радикальных традиций конца XVIII в. Феодализм с его сословным делением, корпорациями, локальными привилегиями и правами воспринимался как всеобщее «разъединение», «дух розни». Главным сюжетом истории была непрерывная борьба цивилизации с любым духом исключительности. Предполагалось, что после множества войн и конфликтов дело «объединения рода людского» увенчает европейская федерация, новый, открытый мир - «от Филадельфии до Щорсов», с единой, написанной Б. Констаном, и переведенной на все языки конституцией [347, с. 33].

Конечно, утрата независимости и разделы Речи Посполитой ощущались в Беларуси как провал внутренней и внешней политики, просто как горе «утраты отчизны». Однако в глобальной перспективе прогресса цивилизации это воспринималось как эпизод. Речь Посполитая, хоть и разделенная, была частью братства народов, идущего по дороге прогресса. Важным казалось не столько восстановление целостности страны, сколько уничтожение деспотизма королей, своих или чужеземных, а также тирании сословных, религиозных и идейных предрассудков. Просветители даже с некоторым удовлетворением признали падение Речи Посполитой, анархический строй которой считался пережитком варварства в противовес «просвещенному абсолютизму» Екатерины II.

Вместе с тем, общественное мнение было «захвачено» обсуждением событий и последствий французской революции и спасением старого порядка, что выразилось в антитезе рационализм-клерикализм.

С одной стороны, «весь образованный слой общества ... состоял из офранцузившихся вольтерьянцев» [280, т. 10, с. 32]. В Вильно, Гродно, Несвиже, Новогрудке читали польские переводы произведений Вольтера («Задиг или судьба», «Век Людовика XIV» и др.) [191, с. 232].

Вольномыслие, антиклерикализм, антикрепостнические идеи, рационализм, «вечные неизменные права личной свободы, защиты, взаимной помощи, частной собственности» - вот основные характерные черты мировоззрения этого «слоя общества». При этом, в отличие от французских просветителей, характерным был отказ от попыток разрешения политических проблем [395, с. 52]. На первый план выходила этическая проблематика, узко понимаемая наука и так называемый польский франклинизм.

Другая же часть общества «шла за духовенством... не вдавалась в споры, подражала французской роялистской эмиграции..., читала Р. Шатобриана[6], ревностно исполняла католические обряды» [327, с. 20]. С их точки зрения «грехом» философии XVIII в. был не только материализм или атеизм, но и отрицание природного общественного порядка, вынесение на суд разума общественных вопросов, раз и навсегда решенных церковью и традицией. Эти подходы отстаивались аббатом Нонно в вышедшей в Несвиже в 1782 г. книге «Жизнь и заблуждения Вольтера» и в вышедшей в 1786 г. в Вильно книге М. Богуша «Философ без религии» [191, с. 232].

Противостояние рационалистического и клерикального мировоззрений наиболее ярко проявилось в этот период в обсуждении проблем образования. Когда в 1806 г. школы Виленского учебного округа были отданы под руководство Виленского университета, ректоры стали требовать модернизации системы обучения в иезуитских школах, началась борьба за светское обучение [323, т.3, с. 234].

Вообще с деятельностью профессоров и студентов Виленского университета было связано оживление интеллектуальной жизни в Литве и Беларуси. В университет были приглашены известные профессора, принадлежавшие к европейской элите А. Снядецкий, С. Юндзилл, Ф. Смутлевич и др.; курсы лекций читали физиократы И. Стройновский (1752-1815), А. Снядецкий (1756-1830), В. Стройновский (1759-1834). В 1810 г. в университете была создана кафедра политэкономии (при помощи консультаций С. Сисмонди), где читали лекции Я. Зноско (1722-1883) и М. Малевский (ректор университета с 1816 по 1822 г.). С идеями просветителей-физиократов могли знакомиться не только студенты, но и вся читающая публика: в 1785 г. в Вильно была опубликована книга И.

Стройновского «Наука права природного, политического и государственного»; в 1811 г. лекции Я. Зноско были изданы в виде отдельной книги, а в 1816 г. - его работа «Очерки политической экономики, ее истории и основных экономических систем»; в 1814 г. - книга Я. Снядецкого «Жизнь и деятельность Г. Коллонтая», в 1808 г. - работа В. Стройновского «О соглашении помещиков с крестьянами» [309, с. 10-19]. Большой интерес проявлялся к социально-политическим концепциям французских (К. Гельвеция, М. Вольтера, Ж. Д Аламбера, Ж.-Ж. Руссо, Ж. Кондорсе) и польских (Г. Коллонтай, С. Сташиц) просветителей. Университетская профессура и студенчество проповедовали господство материи над духом (Я. Снядецкий), являлись сторонниками концепций «чистой науки». Именно эти идеи и настроения определяли деятельность студенческих кружков в первое десятилетие XIX в.

В стенах университета развивалась также и клерикальная мысль Д. Ришардо (1769-1849), И. Лобажевского (1750-1826), М. Маркиановича (1780-1830) [309, с. 10-19]. Особое влияние на формирование клерикально-легитимистской идеологии оказали воззрения французского арстокарата, иезуита Ж. де Местра. Этот идеолог и общественный деятель был сторонником религиозного провиденциализма, считал, что действия людей как свободных существ определены «божественной рукой»; религия для него была «духовной прививкой» против зла, изначально свойственного человеческой природе. Монархия, сильное патерналистское правительство необходимо, по мнению Ж. де Местра, для того чтобы вести граждан к земному счастью и вечному спасению [399, s. 25]. Единственную реальную опору «старого порядка» де Местр видел в иезуитах. А чтобы иезуиты могли воспитывать «добрых подданных», считал он, необходимо создать иезуитскую академию. Тогда иезуиты без препятствий смогут воспитывать добрых подданных, верных и благодарных своему монарху [360, s. 235]. Идеи де Местра нашли поддержку российского императора, и в 1812 г. в Полоцке по его инициативе была открыта иезуитская академия.

После наполеоновских войн, когда стал очевидным кризис идей Просвещения, в рамках противостояния рационализм - клерикальный легитимизм начался процесс оформления либерального и консервативного мировоззрений. Либерализм формировался как реакция, с одной стороны, на попытки восстановить «старый порядок», а с другой - на крайности якобинской диктатуры, как воплощение идей и ценностей Просвещения. Далекое от революционности и мечтаний

просветителей-радикалов о всеобщем равенстве и общей собственности, первые теоретики либерализма видели в свободной, не руководимой никем деятельности единственные основания политической и общественной жизни. Либерализм первых десятилетий XIX в. был не экономической или политической доктриной, а скорее стилем мышления. В сконденсированном виде содержание его можно выразить лозунгом «через прогресс к свободе», что означало стремление к обретению свободы в разнообразнейших сферах гражданской и общественной жизни, а также освобождение от разного рода предрассудков, от всего, что стесняет разум и мышление, к уничтожению различных форм угнетения человека, ликвидации монархического абсолютизма и любой другой формы политической тирании.

Вместе с тем, критика революции сопровождалась общей реакцией против рационализма и антиисторизма эпохи Просвещения, что привело к формированию и распространению идей органического развития. Как отмечал Н. Кареев, «и всесветная революция, и всемирная монархия Наполеона начали встречать отпор со стороны отдельных национальностей, как только последние знакомились на практике с попытками приведения всего к одному знаменателю, и тогда против универсальных политических начал мало-помалу стали выдвигаться национальные традиции, которые весьма скоро, однако, сделались своего рода подспорьем для внутренней феодально-клерикальной реакции» [96, с. 272]. В рамках этого нового дискурса и развивалась общественная мысль в Беларуси в 1815-1830 г.

Элементы формирующегося либерализма проявлялись в защите тех принципов мировоззрения эпохи просвещения, которые уместались в границах описанной выше ориентации, то есть стремились снять с идей просвещения ответственность за французскую революцию. Так, в статье, появившейся в «Виленском еженедельнике» в 1816 г., отмечалось, что истинные либералы не имеют ничего общего с теми, кто «подкапывает троны и низвергает алтари»; политика может считаться либеральной, если соответствует моральным целям развития человека, способствует его усовершенствованию, стремиться к осуществлению гражданских свобод и гарантирует защиту независимости индивидуума. Деятели французской революции, по мнению автора статьи, не придерживались либеральных принципов, так как нарушали права человека и не уважали права собственности [327, с. 23]. В отличие от политических принципов просветительской идеологии, в формирующемся либеральном мировоззрении на первый план выходили достоинства отдельных

личностей, а не «политическая доблесть». Вместе с «политической доблестью» отошли на второй план и проблемы революции. Считалось, что именно от индивидуальных устремлений, усилий и инициативы, а не от изменения государственно-политического устройства зависит благополучие всего общества. Внимание «образованного общества» привлекали естественные науки, проблемы развития промышленности как основа общественного процветания.

Типичными примерами в данном контексте могут служить взгляды шубравцев и позиция членов масонских организаций. Так, в публицистике шубравцев борьба за научное мировоззрение, против религиозного обскурантизма за профессионализм чиновничества пропаганда светского и женского образования образования занимали гораздо больше места, чем политические требования (отмена крепостного права, конституция введения нового гражданского права и законов, идентичных Кодексу Наполеона [403, s. LVII-LIX]. Именно шубравцы начали дискуссии о новом содержании понятия «народ», именно они на страницах ежедневного издания стали обсуждать возможности улучшения социально-экономического положения края. Проявился в публицистике шубравцев и кризис просветительской традиции. Наряду с элементами либерального мировоззрения, в статьях «Ведомостей с мостовой» высказывались и мнения, ставшие впоследствии основой консервативной идеологии. Так, шубравцы утверждали, что крестьяне нуждаются в патриархальной опеке священников и помещиков, а к проектам отмены крепостного права относились скептически [403, s. LXXV].

Масоны придерживались в целом умеренных социальных и политических позиций, подчеркивая необходимость сочетания свободы и равенства с уважением к порядку и верностью правительству. Однако наряду с религиозной терпимостью и гуманизмом в ложах распространялись рационализм, антиклерикализм, признание конституционной монархии в качестве политического идеала. Поскольку в этот период эволюция масонства шла в направлении отхода аристократии и наплыва мелкого и среднего дворянства и даже мещанства, новые адепты усиливали активность масонства в общественной жизни. Несомненной удачей масонов стала организация поминальных служб по Т. Костюшко 10-13 декабря 1817г.: эти службы проводились в костеле, евангелической церкви и синагоге, что являлось лучшим способом пропаганды религиозной терпимости. Обращает на себя внимание и активность масонов на дворянском собрании в Вильно

в 1817 г., когда обсуждалась необходимость отмены крепостного права. Активное участие принимали члены масонских лож и в издательской деятельности: члены масонских лож И. Марциновский, И. Лахницкий, К. Контрым, Я. Рихтер в разное время редактировали такие издания, как «Курьер Литовский», «Виленский дневник», «Магнетический дневник», «Ведомости с мостовой».

Результатом изменения социального состава лож стало стремление к их реформированию. Так, виленские масоны Я. Шимкевич и К. Контрым, которые вели борьбу с обскурантизмом с позиций прогресса, в 1818 г. выступили с программой реформы масонства. Программа подвергала критике масонскую обрядность, тайные ритуалы и предлагала превратить масонские ложи в открытые научно-благотворительные общества. Эта программа не получила одобрения, однако часть ложи «Усердный Литвин», прежде всего профессора университета и «лица свободных профессий», основали новую ложу. Если в традиционных ложах «тратили время» на обряды, таинственность, мистические ритуалы, то в реформированной ложе занимались наукой, ибо ставили целью достижение всеобщего блага через просвещение [341, s. 287].

Взгляды шубравцев и масонов-рационалистов вызывали критику клерикалов и легитимистов. Так, в одной из статей журнала «Виленский дневник», подписанной псевдонимом *Symplicyis Pazrodziarski*, говорилось, что призыв к равенству и братству обернулся в Европе опустошением и кровопролитием, а слово «либеральность» посыпано пеплом пожарищ [327, s. 43]. Орган иезуитской Полоцкой академии «Полоцкий ежемесячник» настаивал на том, что философия не должна заботиться о том, какие политические перемены необходимо произвести, достаточно «добрых обычаев и полиции» [327, s. 69]. В полемике с зарождавшимся либерализмом использовались теории общественного организма, вечного и неизменного народного характера. Противники шубравцев ставили своей целью культивировать «истинное» просвещение, поставить «народные собрания», т. е. дворянские сеймики на «ту ступень благородства», которую они занимали в прошлом, отдать честь и славу шляхетским учреждениям и доблестям, противопоставить «добросовестную науку» и «благородные дела», которые бы с полной очевидностью показали разницу между шляхтой и мещанством [403, s. XLIX].

В полемике рационалистов-прогрессистов и их противников-антишубравцев (в 1817 г. последние выпустили пять номеров

сатирической газеты «Болтун») появляются новые темы: отношение к традиции, к «добрым прошлым временам». Для традиционалистов все, что существовало в старые времена, было достойно сохранения. Кроме того, в соответствии с романтическим представлением о «духе народа» распространяется мнение, что каждому народу необходимо сохранять свою индивидуальность и противостоять фальшивому прогрессу. Большой популярностью стали пользоваться работы фольклориста В. Доленги-Ходаковского, который утверждал, что счастливое будущее может быть основано не только на отрицании господствующих антигуманных форм общественной жизни, но и на возрождении старых форм духовной жизни и общественных отношений, а прогресс славянских народов зависит непосредственно от возрождения дохристианского прошлого [164, с. 36-38]. Так, если на языке начавшего формироваться либерального мировоззрения защита народности – это борьба за «народ», который движется по пути прогресса вместе с другими европейскими странами, то на языке традиционалистов – это неизменное сохранение культуры и социальных установлений. Именно против консервативного культа народности, который «под паспортом этого святого слова хочет в наше состояние, правовое и политическое, вселить...правила, эпоха которых давно уже прошла» [347, с. 51] была направлена критика шубравцев. «Прекрасным достоянием цивилизации является то, что все полезные вещи народ сейчас же принимает, это раскрывает достоинства народа и добрые качества других народов... все народы сближаются и становятся единым просвещенным обществом, закон которого определяется совершенствующимся разумом человека» [403, с. LXII]. В «Индийских письмах», опубликованных в «Ведомостях с мостовой» появляется критика «доброжелателей», которые не знают вовсе народа. «Кривая и болотистая дорожка» ведет к «святыне народности». Истинная народность – не потакание предрассудкам, а раскрытие добродетелей народа посредством развития прогресса и цивилизации [403, с. LXII].

Во втором десятилетии XIX в. появляется и еще один элемент будущего консерватизма, который дает возможность отличать его от простой реакции, – отношение консерваторов к реформам. Последнее стало очевидным, например, во время обсуждения необходимости отмены крепостного права на Виленском губернском дворянском собрании 1817 г., а именно в речи Михаила Пашковского, делегата Ошмянского уезда. Критикуя дворян, требовавших немедленной отмены крепостного права, он не подвергал сомнению принципиальную возможность такой реформы. Однако делегат Ошмянского уезда

говорил, что не получил никаких инструкций на этот счет от тех, кто его выбрал, в то время как решение вопроса затрагивает «кардинальные права собственности» всех дворян. М. Пашковский опасался также, что отмена крепостного права может привести к «несчастьям», которые под лозунгами «свободы, равенства, филантропии, либерализма, просвещения, духа времени чуть ли не по всей Европе вызвали кровавую рознь». Не отрицая возможности проведения реформы, он настаивал на том, чтобы реформа была всесторонне обдумана и разработана на основе практического знания края, обычаев, людей.

Чрезвычайно показательными являются следующие слова Пашковского: «Как честный человек, не желающий говорить неправду собравшимся; как верный подданный, не желающий касаться вопросов, являющихся делом Трона; как спокойный гражданин-обыватель, не желающий принимать на себя какую бы то ни было ответственность перед правительством; как делегат уезда, который не уполномочил меня решать этот вопрос; как человек, истинно заботящийся о благополучии крестьянского люда...; как член огромного царства российского... – не хочу принимать участие в дебатах на эту тему...и свидетельствую, что пока не будет оглашена воля Монарха, любой шаг будет... вредным для края» [365, s. 27-28]. Позиция Пашковского доказывает, что консервативно настроенные элементы не являлись противниками «прогрессивных» реформ как таковых. Как и «прогрессисты», они могли стремиться к более или менее радикальным реформам (речь при этом идет именно о реформах, а не о реакционных мерах). Разница же заключалась в средствах, при помощи которых те и другие стремятся воплотить в жизнь свои столь отличные друг от друга политические идеалы. Для консервативных элементов важным было придать старому, уже давно существующему новую форму согласно новым потребностям времени. Реформы представлялись им как бережное преобразование старых порядков.

Яркой иллюстрацией общественного мнения первой трети XIX в. является также изменение мировоззрения членов общества филоматов. В 1816-17 г. А. Мицкевич, Т. Зан и О. Петрашкевич, Э. Полушинский, Б. Сухецкий, И. Ежовский создали общество, главными целями которого были «упражнения в науке и литературе», а также воспитание у членов таких добродетелей, как скромность, дружелюбие и т.п. [318, t.1, s. 11, 14, 25, 26]. Закрытый характер кружка (именно в этом смысле употреблялось слово «тайный») обуславливался тем, что его участники стремились проводить жесткий отбор членов и, кроме того, не хотели

подвергаться критике и насмешкам товарищей. Постепенно у участников кружка сформировалась мысль о том, что важно не только воспитывать себя, необходимо также оказывать влияние и на свое окружение. В 1818 г. был принят новый устав, в котором уже говорилось, что целью общества является самосовершенствование и, «по мере возможности - всеобщее просвещение» для установления «лучшего мира» [318, t.1, s. 52, 59]. Для этого предполагалось издавать ежегодник своих работ. Морально-общественные тенденции издания должны были стать одной из сил всеобщего прогресса, «первым шагом для начала открытой деятельности, первой атакой на публичное мнение» [349, s. 101]. Переход филоматов от тайной, скрытой деятельности к открытой и публичной совпал по времени с реформистскими тенденциями в среде масонства (проект К. Контрыма и Я. Шимкевича) [358, s. 123-125].

Мировоззрение филоматов этого периода можно определить как деизм, приправленный скептицизмом, со «спокойными патриотическими тенденциями», без каких бы то ни было бунтарских проявлений или политических целей [349, s. 303]. Главными обязанностями членов общества и в 1818-1819 г. оставалась подготовка научных докладов. В этот период даже если и появлялись «народно-национальные» стихи, то носили они этнографически-краеведческий характер. Вместе с тем Т. Зан стремился трактовать цели филоматов - общее добро и всеобщее просвещение - как борьбу при помощи науки и просвещения за освобождение поработанного польского народа. Однако уже в марте 1819 г. А. Мицкевич, утверждал, что «общество должно расширить... просвещение в польском народе... упрочить незыблемость народности; расширять либеральные принципы; пробуждать дух общественной активности (деятельности публичной), заниматься тем, что имеет значение для всего народа, а также извлекать из просвещения все, что может понадобиться польскому народу» [349, s.312]. Я. Малевский предлагал даже изменить название общества на Общество друзей родины. И хотя это решение не нашло всеобщей поддержки, стало ясно, что просвещение как таковое уже не может служить целью, а только средством для достижения «благополучия края» [349, s.276].

В 1821 г. многие из филоматов уже рассматривали преимущественный интерес к науке как педантизм, а Я. Чечот вообще считал такую ориентацию недостатком. Главной целью общества должно было стать руководство различными молодежными кружками и обществами; ставилась задача создавать такие кружки не только среди молодежи, но и среди остальных граждан. М. Рукевич писал, что «во всех

провинциях старой Польши, куда только может достичь наше влияние, необходимо создавать объединения, которые занимались бы только распространением просвещения, взаимопомощью и помощью бедным. Таким объединениям в любое время легко будет придать необходимое направление» [Цит. по: 349, s. 338]. Руководители филوماتов стремились установить контакты с масонской ложей, обществом карбонариев и отделом Патриотического общества в Вильно. В 1821 г. филоматы настолько изменили свои цели и принципы, что уже не могли сохранять название «любителей наук». Было принято следующее решение: «Общество перестает называться филوماتическим и становится «обществом без названия» [318, t. 2, s. 430-432]. Традиционная линия филوماتов - возрождение народа посредством просвещения - приобретает «повстанческий оттенок» под воздействием идей испанской, португальской и итальянской революций 1820-1821 г. [318, t. 3, s.14]. Вместе с тем общество перерастает рамки простого студенческого союза. Так, в 1821 г. среди 15 наиболее активных его членов было четверо студентов, двое выпускников университета, пять учителей, трое «лиц свободных профессий», один агроном [349, s. 347]. В 1823 г. филоматы принимают название «патриотический союз». Молодежное общество превращается в политическую организацию заговорщического характера, основная цель которой - подготовка «национального восстания». Такое изменение мировоззрения, как уже отмечалось, определялась романтической реакцией против антиисторизма и сциентизма просвещенческой идеологии.

Именно эта тенденция набирала силу в конце 20-х - начале 30-х г. в обществе, фактически лишенном легальных возможностей деятельности.

Таким образом, в XVIII - первой трети XIX в. шедший преимущественно в среде дворянства процесс самоорганизации общественных сил имел место прежде всего там, где общественная самодеятельность поощрялась и инициировалась государством - в сфере благотворительности и научной деятельности. Деятельность различных благотворительных, научных и литературных обществ положила начало практике публичности и дала первые примеры выхода за рамки сосоловной и религиозной ограниченности. В конце 20-х г. XIX в. большинство обществ прекратило деятельность, а оставшиеся оказались в прямом подчинении у царской администрации. В этих условиях место публичных обществ заняли конспиративные кружки. Рационалистическое мировоззрение эволюционирует в этот период в сторону патриотически-либерального, формируются также элементы

консервативного общественного мнения как реакции против рационализма эпохи Просвещения.

[1] В конституции масонов 1722 г. подчеркивалось, что масон - лояльный подданный гражданской власти в любой стране, где он живет и работает; если же «брат» оказывается замешанным в бунте против государства, необходимо осудить его бунт, но из ложи – не исключать. В последнем положении заключались, как отмечают многие исследователи, предпосылки политизации лож (Andersons Constitutiions of the free Masons edition of 1723. New York, 1905) [341, s. 50-51].

[2] Общество филоматов несколько раз меняло названия: в 1821 г. - «Общество без названия», 1823 г. - «Белые» (Патриотический союз).

[3] Союз друзей 1819-1822 (с 1821г. - «филареты», с 1822 г. - «филадельфы»); лучистые (1820 г.) в Вильно; Согласные братья - «Зоряне» (1822 – 1825 г.) в Свислочской гимназии.

[4] В 1818-1822 годах было подавлено студенческое движение в немецких университетах, ликвидированы восстания в Ломбардии, Неаполе и Пьемонте, осуществлена интервенция французских войск в Испанию.

[5] Дискурс- отложившийся и закрепленный в языке способ упорядочения действительности и видения мира. Выражается в разнообразных (не только вербальных) практиках, а, следовательно, не только отражает мир, но и проектирует его) [139, с. 141-151].

[6] Р. Шатобриан (1768-1848), французский писатель-романтик, публицист и общественный деятель. С 1818 г. издавал журнал «Консерватор».

Глава 2.

Общественная активность и общественные движения во второй трети XIX в.

2.1 Общественная активность

Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, в 1827 был принят Устав о предупреждении и пресечении преступлений, запрещавший образовывать какие либо частные общества без «высочайшего разрешения». В 30-50-х г. XIX в. в Беларуси было создано только одно благотворительное общество: епархиальное попечительство о бедных духовного звания в Полоцке (1833 г.). В марте 1848 г. Николай I вообще запретил образовывать новые благотворительные общества, заявив о том, что «всякий имеет возможность оказывать пособие бедным личным подаванием либо через посредничество приказов общественного призрения» [Цит. по: 31, с. 286]. После закрытия Виленского университета и упразднения Виленского учебного округа (1832 г.), закрытия Виленской медико-хирургической академии (1842 г.), единственным научным учреждением в Беларуси и Литве в этот период было Виленское медицинское общество (1805-1940 г.), которое стремилось продолжать научные и культурно-организационные традиции Виленского университета. Однако, будучи вынужденным строго соблюдать указания царской администрации и пункты своего устава, медицинское общество имело ограниченные возможности для влияния на положение дел в крае [3, с. 7-9]. Просветительские традиции Виленского университета продолжали учащиеся Минской гимназии. В 40-х г. здесь существовали полуофициальные ученические группы, называвшееся «публичными кружками» (*Kola publiczne*) – кружок историков (М. Катаньский, М. Лапицкий), кружок математиков и физиков (Микульский), спортивный кружок (Л. Бардский) [317, s. 500-534].

Политика репрессий и запретительных законов, последовавшая за подавлением восстания 1830-1831 г., крайне настороженное отношение властей к любым общественным объединениям и выражениям независимого мнения приводили, в конечном счете, к усилению оппозиционных настроений и созданию нелегальных обществ. В период так называемой «николаевской реакции» нелегальные объединения

возникали прежде всего в среде учащейся молодежи: демократическое общество студентов Виленской медико-хирургической академии (1836-1839 г.; руководители и наиболее активные члены - Ф. Савич, Я. Загорский, К. Рапчинский, М. Ловицкий, В. Спасович), Братский союз литовской молодежи (Вильно, Лида, Новогрудок, 1846-1849 г.; Ф. и А. Далевские, А. Янковский, К. Маевский, В. Клечковский, Э. Иодко, К. Добкевич), Союз литовской молодежи в Минске (1847-1851 г.; П. Вейшторт, М. Бокио, И. Довнар), Союз литовской молодежи в Петербургском университете (1847-1848 г.; З. Сераковский, Я. Гейштор, И. Огрызко, А. Оскерко, В. Спасович) и ряд немногочисленных групп и кружков [52; 268; 269; 335; 348; 387; 404]. В 1835 г. студенты - выходцы из Беларуси и Литвы - организовали в Петербургском университете полулегальное землячество, которым руководили Я. Барщевский, В. Давид, С. Голебиовский. В 1844 г. С. Голебиовский и В. Давид были арестованы, организация была разгромлена, однако земляческие связи продолжали сохраняться. На рубеже 50-60-х г. в землячестве выделилось руководящее ядро – К. Калиновский, Э. Вериго, И. Зданович, Ф. Зенкевич, Э. Юндзилл, И. Ямонт, и деятельность студенческого «огула» активизировалась [308, с. 70-81; 348, s. 226].

Для легального обсуждения проблем, волновавших общественность, оставались лишь такие возможности, как дворянские салоны-кружки и сдерживавшаяся многочисленными цензурными ограничениями издательско-публицистическая деятельность. В 30-начале 50-х г. XIX в. идейные поиски и мнения общественности Беларуси и Литвы отражались на страницах различных периодических изданий: «Tygodnik Petersburski» (Петербургский еженедельник), 1830-1858 г.; «Balamut Petersburski» (Петербургский баламут), 1830-1836 г.; «Wizerunki i Rostrzasanie Naukowe» (Литературные портреты и научные рассуждения), Вильно, 1834-1843 г.; «Athenaeum», Вильно, 1841-1851 г.; «Egida», 1833 г.; «Rubon» (1842-1849 г., Вильно); «Rocznik Literacki» (Литературный ежегодник), Петербург-Вильно, 1843-1849 г.; «Swistek», Вильно, 1845 г.; «Pamietniki Umyslowe» (Поучительные записки), Вильно, 1845-1846 г.; «Lud i Czas» (Народ и время), Вильно, 1845 г.; «Gwiazda» (Звезда), Петербург- Киев, 1846-1849 г.; «Pamietnik Naukowo-Literacki» (Научно-литературные записки), Вильно, 1849-1850 г. и др. [345]. [1] Раскрытие нелегальных кружков, запрещение в 1849-1851 г. практически всех польскоязычных журналов, жесткие полицейские репрессии нового виленского генерал-губернатора А. Бибикова, который сменил в 1850 г. Ф. Мирковича, на несколько лет ввергли общество в состояние апатии и даже морального кризиса, нанесли новый удар по легальной

общественной деятельности. З. Вишневецкий, один из агентов Третьего отделения доносил в 1851 г., что в Литве и Беларуси господствует «онемение духа и тревога», общественная мысль «плутает в попытках найти в отдаленном будущем какие-нибудь надежды, связанные с событиями за границей - в Германии или Франции и деятельностью демократического комитета в Лондоне», о «самостоятельности, отличной от европейских движений, деятельности не думают» [60, ф. 378, д. 32, л. 56; 335, s. 341].

Тем не менее, актуальные политические и общественные проблемы обсуждались в дворянских салонах и кружках - у Р. Тышкевича, Э. Мостовского, А. Киркора, Г. Огинской, А. Одынца, Р. Подберезского. Вокруг виленского дворянского общества (литовского комитета), активными деятелями которого были каноник Л. Трынковский, адвокат С. Казакевич, дворянин Э. Ромер, публицист А. Балинский, группировались прогрессивно-реформаторские кружки Я. и Н. Еланских в Мозырском, Л. Орды - в Кобринском, Ожешко - в Пинском уездах [60, ф. 439, д. 2, д.4, д. 7; 269, с. 81; 335, s. 54-56].

Определенную роль в стимулировании общественной активности играла деятельность эмигрантских организаций М. Волловича, Ш. Конарского, Я. Рера, О. Скаржинского и других. Они не только создавали конспиративную сеть участников планировавшегося восстания за восстановление Речи Посполитой, но и знакомили помещиков, мелкую шляхту, чиновников, учащих с идейными поисками и находками эмиграции, международными революционными событиями. Это позволяло общественности Беларуси и Литвы формировать и более четко артикулировать собственные взгляды.

С середины 50-х г. в Беларуси, как и во всей Российской империи, наблюдалось значительное оживление общественной деятельности, связанное с обсуждением проектов отмены крепостного права и другими процессами, порожденными внутри и внешнеполитическими событиями. Немаловажным фактором активизации общественности Беларуси и Литвы в это период стало возвращение из ссылки участников восстания 1830-31 г. и членов нелегальных молодежных кружков 40-х г. Отмена крепостного права и другие реформы внушали надежду на то, что весь старый режим в целом, с его нищетой и невежеством, патриархальностью и культурной отсталостью, можно уничтожить усилиями здравомыслящих и самоотверженных людей. «Мы были уверены, - вспоминал об этом времени Я. Гейштор, - что крестьянская реформа воплотится в жизнь, будут организованы различные общества;

край, издавна жаждущий разумного труда, выйдет на дорогу истинного прогресса» [336, s. 92]. Именно легальные добровольные объединения открывали реальный выход для стремления к обновлению и изменению общества. Стали возникать различные добровольные объединения, которые отражали появление нового гражданского сознания и стремления к самостоятельной общественной деятельности.

Поскольку благотворительность была наиболее доступным видом общественной деятельности, в пореформенный период в Беларуси было создано 9 новых благотворительных обществ[2] [Подсчитано по: 22]. Правда, по-прежнему такие общества создаются только в городах. Необходимо отметить, что в 60-х г. к филантропии как одному из способов работать на благо общества относились положительно даже в радикальных кругах. Те, кто считал, что для устранения бедности необходимы коренные социально-политические перемены, а не благотворительность, могли воспользоваться формой благотворительного общества, чтобы решать какие-либо прогрессивные задачи, будь то предоставление работы женщинам, просвещение народа и даже устройство концертов и спектаклей для сбора средств на революционные цели. Так, в 1837 г. члены кружка Ф. Савича предпринимали попытки организовать «кассу братской помощи» для бедных студентов. При этом получавшие помощь члены кружка должны были передавать деньги на покупку журналов и газет для нужд кружковцев [268, с. 78-80; 348, s. 172].

В начале 60-х г. XIX в. в Беларуси получают развитие и новые гражданские инициативы, в частности, создание публичных библиотек. В 1862 г. были созданы «библиотеки молодежи» в Ошмянах и в других городах. Эти библиотеки с ежемесячными общими собраниями, собственным помещением вскоре превратились в общества «Пентковичи» (правое крыло партии «красных») [223, с. 283-296].

Довольно широкой поддержкой белорусской общественности пользовались общества трезвости. Первые такие организации возникли в США на рубеже XVIII и XIX в., а к концу 70-х г. XIX в. существовали уже международные общества трезвости. В 1858 г. движение в пользу трезвенности охватило всю Ковенскую и часть Виленской губерний, в 1859 г. к нему присоединилось население Гродненской губернии. Как отметил В. Шалькевич, эти общества связывали людей узами общественной солидарности и расковывали их инициативу, «свидетельствовали о начале автономизации индивидуальной человеческой деятельности от государственных структур» [309, с. 41].

Отдавая решение отдельных вопросов (пусть второстепенных и незначительных) в руки самих членов общества, государство освобождало поле для независимой общественной активности.

В 1855 г. была создана Виленская археологическая комиссия (1855-1865 г.), одной из целей которой было частично компенсировать отсутствие университета в крае. Членами первого научного общества, разрешенного после восстания 1830-1831 г. стали Е. и К. Тышкевичи, А. Киркор, Т. Нарбут, Ю. Крашевский, М. Балинский и др. [309, с. 41]. В рамках общества была организована комиссия по созданию Виленского научного общества, в которую входили свыше 200 представителей интеллигенции, в том числе и некоторые бывшие профессора и сотрудники упраздненных Виленского университета и Медико-хирургической академии [3, с.11]. Польский исследователь М. Стольцман, исследовавший проект устава этого общества, пришел к выводу, что оно могло стать высшим учебным заведением, созданным исключительно на общественных началах [394, с. 53].

Рост общественной активности в этот период проявился также в осуществлении ряда издательских проектов. И. Огрызко и Э. Желиговский в январе-феврале 1859 г. издали в Петербурге 15 номеров газеты «Slowo». Умеренные прогрессисты использовали для распространения своих взглядов официальные издания, прежде всего «Виленский вестник» эпохи редакторства А. Киркора (1860-1861) [13; 90, с. 338; 256, с. 22-23; 336, с. 109].

В 1859 г. на дворянском съезде в Минске было принято решение о необходимости создания в крае сельскохозяйственного общества по примеру варшавского. Эта идея была с одобрением принята дворянами других литовско-белорусских губерний. В составлении устава общества участвовали Я. Гейштор, М. Ромер (Ковенская губерния), И. Шишко, Р. Ясинский (Виленская губерния), Б. Крупский, Ю. Карпович (Минская губерния), Я. Пенковский (Гродненская губерния). Предполагалось также создать и Кредитное общество. Предложения о создании обществ были включены в адрес императору наряду с просьбами о введении преподавания в школах на польском языке, восстановлении Виленского университета и объединения исторической Литвы с Царством Польским [336, с. 80-89]. Несмотря на то, что отказ императора принять адрес показал иллюзорность надежд общественности Беларуси и Литвы на содействие имперских властей, попытки объединить активные и влиятельные элементы общества не прекратились. Я. Гейштор и Ф. Далевский разработали план создания «организации граждан». В

соответствии с этим планом в каждой губернии должны были «выбираться» по два человека из граждан губернии, которые бы общались между собой, руководя общественным мнением (вначале они должны были назначаться инициаторами проекта, а в перспективе «если народ заинтересуется» предполагалось проводить реальные выборы). В каждом уезде эти люди опирались на двоих «хороших знакомых», которые помогали бы им распространять «все, что полезно для края», оказывать влияние на молодежь и «образованный народ». Время от времени эти «гражданские активисты» должны были съезжаться в Вильно и обсуждать различные насущные проблемы. Необходимо отметить, что упомянутые объединения носили характер личных союзов людей, связанных общими интересами и часто происхождением, семейными контактами [390, s. 15]. Эти квази-партии пробовали реализовать определенную политику и вместе с тем представляли определенную программу и идеологии. Так, целями «организации граждан» были: «распространение здоровых понятий», скорейшее разрешение крестьянского вопроса, создание общественных организаций - сельскохозяйственного и кредитного обществ, негосударственных школ, обществ трезвости, а также антизаговорщицкая пропаганда [336, s. 108-115].

В 1860-1861 г. в связи с развитием манифестационного движения в Варшаве деятельность «организации граждан» активизировалась. С одной стороны, ее приверженцы пытались доказать (прежде всего, эмиссарам Л. Мерославского, приехавшим в Вильно с целью организации манифестационного движения в Литве и Беларуси), что наиболее важной является проблема «экономически-политическая», то есть «новое устройство отношений с крестьянами», что демонстрации только порождают настороженность властей и приводят к «разделению с народом» [336, s. 104].

С другой стороны, они стремились использовать ситуацию для расширения возможностей легальной работы в крае. Так, В. Старжинский в 1861 г. обратился к виленскому генерал-губернатору В. Назимову с разъяснениями о том, что манифестации – это не бунт, а результат невозможности открыто выражать свое мнение и влиять на ситуацию в крае [336, s. 120].

В 1862 г. в Вильно состоялись два «съезда», в которых принимали участие А. Еленский, Н. Гедройц (Вильно), И. Домейко, Солтан, Замойский (Гродно), А. Ельский, А. Оскерко, И. Могильницкий, А. Лаппо (Минск), Ст. Платер-Зибберг, И. Лопатинский, А. Окушко (Витебск), Ст.

Любомирский, И. Бржостовский (Могилев). На этих собраниях «организации граждан» были подтверждены основные направления деятельности: приняты мемориалы о создании кредитного общества и восстановлении университета; рекомендовалось расширение деятельности сельскохозяйственных кружков (первые такие кружки были созданы в Ковенской губернии); одной из важнейших задач по-прежнему считалась необходимость оказывать влияние на избрание «достойных» предводителей дворянства. Был избран комитет организации - А. Еленский А. Оскерко, В. Старжинский, Ст. Платер-Зибберг, Ф. Далевский. Важным моментом стало принятие решения о рецензировании (а, в сущности, цензуре) статей членов организации, предназначенных для печати. Таким образом, была создана полулегальная система депутатов-помещиков, возглавлявших реформаторскую и просветительскую деятельность в крае [336, s. 200-207].

В 1861-1862 г. сформировались и еще два центра объединения общественных сил (и, вместе с тем, направлений общественного мнения). Это, прежде всего, противники самостоятельной деятельности общественности. А. Чапский, М. Огинский, А. Домейко, А. Платер выступали против «организации граждан», поскольку она игнорировала деятельность отдельных предводителей дворянства и стремилась подменить органы царской администрации [336, s. 206].

К весне 1861 г. наметились признаки складывания объединительного центра и более радикально настроенной части «общества», возникают планы создания единой организации. Царские репрессии против мирных манифестаций в городах Литвы и Беларуси летом 1861 г. способствовали популяризации лозунгов восстания. Вскоре после разгона демонстрации 6 августа 1861 г. в Вильно образовался так называемый «Комитет движения» - центр по подготовке восстания. В июле 1862 г. Центральный национальный комитет в Царстве Польском принял меры по укреплению повстанческой организации, в частности, было предусмотрено создание «провинциальных комитетов» в Литве и Беларуси. Комитет движения был переименован в Литовский провинциальный комитет, руководство которым взял на себя К. Калиновский. В созданный в 1863 г. Отдел, управляющий провинциями Литвы, взявший на себя руководство действиями повстанцев на территории Литвы и Беларуси, вошли также и представители «организации граждан». Как известно, на протяжении всего периода восстания шла борьба между социальными радикалами (красными) и

умеренными (белыми), которая особенно обострилась в заключительный период восстания (исполнительный отдел Литвы июль 1863 г. - август 1864 г., «диктатура Калиновского»). Безусловно, события периода восстания были школой для политически активных дворян Беларуси и Литвы, поставили на очередь дня новые проблемы и вопросы, прежде всего социальные. А опыт восстания ускорил процесс идейного размежевания и самоопределения различных социальных сил.

Однако противостояние поляков, борющихся за восстановление независимой Речи Посполитой, и имперской России, стало фактором, объективно препятствовавшим расширению гражданской самодеятельности в Беларуси. Военное положение, введенное после восстания 1863-1864 г., тормозило процесс утверждения гражданского права; а продолжавшееся противостояние «русского и польского элементов», как и политика русификации в крае, задерживали объединение «локальных миров» в большое общество, характеризующееся ростом ответственности личности за общество в целом. Кроме того, в очередной раз репрессии, ссылки и эмиграция исключили из общественной жизни часть наиболее активных и влиятельных деятелей края. «Па зьнішчэнні паўстання 1863 г. для беларускага нацыянальнага руху ствараюцца нязвычайна дрэнныя умовы, » [201, s. 44] - эти слова В. Пичеты можно отнести и ко всему общественному движению на территории Беларуси. Так, в апреле 1863 г. в крае были запрещены все читальни при библиотеках [172, ф. 295, оп. 1, д. 1741, л. 16]. Учреждаемым здесь благотворительным обществам необходимо было получать высочайшее разрешение через комитет министров [206, т. 13, № 441]. Так что на гражданской самодеятельности в Беларуси фактически не сказалось облегчение процедуры регистрации «добровольных обществ» в связи с передачей «прав разрешения» последних в компетенцию отдельных министерств [206, т. 36, № 3748; т. 37, № 37852; т. 41, № 43191]. В 1863 г. Министерство внутренних дел отказалось дать разрешение на создание нового благотворительного общества в Вильно [31, с. 135]. Подвергались преследованиям участники «трезвенного движения». В 1865 г. Археологическая комиссия была переформирована в государственную Археографическую комиссию.

2.2 Консервативное и либеральное общественное мнение как начальная фаза формирования общественных движений

Отличительной чертой социо-культурной ситуации 30-х г. в Беларуси и Литве было сохранение просвещенческих традиций и эклектизм, что проявилось прежде всего в публицистике. Так, «Эгида», издававшаяся

уроженцем Дрогичина В. Згерским, бывшим вместе с А. Товянским, Т. Жебровским создателем общества антишубравцев [363, s. 124], проповедовала универсальный энциклопедизм и псевдоклассицизм. Доповстанческую просвещенческую традицию продолжали «Литературные портреты и рассуждения» (М. Балинский, И. Ходзько, И. Крашевский). В журналах публиковались, главным образом, переводы научных работ, критиковалась романтическая поэзия. Сотрудники «Петербургского баламута» А. Рогальский и Ф. Ежовский, сотрудничавшие в молодости с шубравцами, критиковали аристократию, пропагандировали просвещенческий рационализм. Как и для рационалистов начала XIX в., для них был характерен «политический оппортунизм», т.е. отсутствие интереса к романтической идее народа и приверженность просвещенческому идеалу «отчизны».

Вместе с тем на страницах большинства периодических изданий этого времени рационалистические традиции Просвещения, сциентизм эклектически соединялись с романтическим историзмом, регионализмом и католицизмом («Атенеум», «Рубон», «Литературный ежегодник»). Сциентизм также часто соседствовал с критикой индустриализма («Петербургский баламут»). Критикуя недостатки шляхты, публицисты этих изданий, вместе с тем, считали, что именно шляхта при помощи науки и просвещения поможет обществу избавиться от социальных пороков [345, s. 39]. Следствием такого эклектизма были открытость программы и невыраженность идеологических установок периодических изданий. Так, в 30-40-х г. в «Петербургском еженедельнике» сотрудничали как традиционалисты-католики М. Грабовский, И. Головинский, Г. Ржевуский, так и их будущие оппоненты - прогрессисты Я. Юркевич, Я. Марцинковский, Р. Подберезский.

Приверженность просвещенческим традициям, с одной стороны, и глубокая религиозность - с другой, были характерны и для членов Литовского комитета («виленского дворянского общества»), поддерживавшего связи со сторонниками А. Чарторыйского. Идеологом этих кругов был священник Л. Трынковский, который, в соответствии с просветительской идеологией, выступал в защиту крестьян, критиковал сословный эгоизм шляхты и призывал руководствоваться в отношении крестьян «законами разума», считая их братьями, равными себе людьми. Его работа «Гений веков или прогресс просвещения» («Geniusz wiekow, czyli postep oswiaty») публиковалась в сборниках «Бирута» (1837 г.) и «Смесь» («Pisma rozmaite» (1838 г.) [269, с. 81; 335, s. 54-56]. Вместе с тем Л. Трынковский резко критиковал сциентизм и рационализм таких

журналов как «Литературные портреты и научные рассуждения». Эклектизм присутствовал и в произведениях Ф. Бохвица (1799 - 1856) «Мои представления о целях существования человека» («Obraz mysli mojej o celach istnienia czlowieka», 1839 г.) и «Рассуждения о воспитании человека» («Pomysly o wychowaniu czlowieka», 1847). Вера в прогресс, связанный с развитием естественных наук и промышленности, надежда на то, что покончить с бедностью и голодом можно путем расширения круга собственников и наделения всех равными правами, требование освобождения крестьян от крепостной зависимости, обеспечение неприкосновенности личности и права собственности, были основными идеями его произведений. Вместе с тем, для них был характерен религиозный пиетет и стремление примирить католическую религиозность и рационалистическую философию [301, с. 299; 325, s. 115-125; 345, s. 50-52].

Наряду с эклектизмом в общественной мысли на первый план стали выдвигаться антииндивидуалистические течения: демократический католицизм, стремившийся к переустройству общества на основе своеобразно понятого христианства, и якобинизм, которому стало приписываться значение чисто социальной доктрины. Более того, высказывалось мнение о тождестве принципов католицизма и якобинизма, требующих безусловного подчинения личного начала общественному [97, с. 199]. А распространение романтической идеологии способствовало росту антипрогрессистских настроений, враждебных цивилизации, индустриализму, экономическому индивидуализму. Новое общественное устройство представлялось не аристократическим, не капиталистическим, а христианским. При этом антипрогрессизм принимал различные оттенки: социалистические (Сен-Симон), мессианистически-романтические (Мицкевич), охранительные (Ржевусский). Так, сен-симонисты находили одобрение у Г. Ржевусского за критику капиталистических принципов, антиреволюционные настроения и подчеркивание общественной значимости религии [401, s. 53]. А радикально настроенный Ф. Савич считал, что необходимо бороться за осуществление христианских идеалов. Его мировоззрение определялось идеями Сен-Симона, Ламенне, Мицкевича; при этом идеализация прошлого, независимой Речи Посполитой выходила на первый план [347, s. 200-201].

Эклектичность общественной мысли проявлялась также в отсутствии ясно очерченной границы между революционной мыслью и консервативной идеей народа: националистический традиционализм

(исторический национализм) часто сочетался с идеологическим национализмом (революционным). Как известно, национальная идея, которая исходила из признания за тем или иным народом права на самостоятельное существование, как правило, совмещалась с идеализацией традиционной старины и бытовых (этнографических) особенностей народности. Поэтому национальная идея, доведенная до логического конца, становилась консервативной. Такой консерватизм был довольно популярным в это время в Европе: в Германии И. Г. Фихте и Г. В. Гегель развивали мысль о преимуществе немецкого национального духа, в котором они готовы были видеть воплощение самого разума истории; в Италии о первенстве и преимуществах своей национальности среди других народов писал Д. Джимберти; русские славянофилы также сосредоточивали внимание на всемирно-историческом призвании России. Польские мессианисты утверждали, что именно на долю их соотечественников выпало великое дело «освобождения народов». Родоначальники этой теории Г. Вронский и А. Товяньский считали, что только поляки способны выполнить миссию освобождения человечества от «нездорового состояния», только они могут осуществить идеал добра и правды через соединение религии и политики. Несмотря на определенные различия подобных теорий (например, различную религиозную окраску), все они характеризовались уверенностью в национальной исключительности того или иного народа и консервативными установками [97, с. 420].

Идеи национального мессианизма были усвоены и деятелями революционного подполья, в частности Ш. Конарским, являвшимся сторонником идеологии «Молодой Европы». Как и предшествовавшее ей карбонарское движение, «Молодая Европа» была ориентирована на восстание. Однако повстанческая идеология приобретала в новом движении специфические национальные цели: каждый народ имеет отдельную миссию, которая и составляет содержание его народности. Сторонники Дж. Мадзини критиковали космополитизм карбонариев, их социальный радикализм, «слепое послушание» неизвестному руководству. Осуждение социального неравенства сопровождалось уверенностью в необходимости восстановления древнехристианской демократии. В идеологии «Молодой Европы» эклектически сочетались религиозность, демократизм, идеи Сен-Симона о новом христианстве, мистицизм Ламенне и фурьеризм. Переход к обществу демократического равенства предполагалось осуществить благодаря «морально-политическим» изменениям.

Радикальные демократы, связанные с И. Лелевелем и Польским демократическим обществом, соединяли национальную идею с просвещенческими идеалами и революцией, с идеей всеобщего прогресса. По их мнению, для того чтобы связать эгоистических индивидов в народ, необходимо было осуществить социальную революцию.[3] С одной стороны, такие принципы готовили почву для социализма, а с другой - приводили к утрате идеологией конспиративного движения определенности. «Если республика нам поможет, то будь республиканцем; если конституционная монархия - имей конституционную монархию, - писал М. Мохнацкий. - Революционеры не должны придерживаться какой-либо системы, плавая вместе со временем» [362, t. 4, s. 555-564]. Вот почему проникнутая духом мессианизма «Книга народа польского и польского пилигримства» А. Мицкевича была очень популярной у учащейся молодежи. Под ее влиянием находились даже такие радикально настроенные деятели как Ф. Савич, А. Рениер и др. Находясь в тюрьме, В. Савич написал «Исповедь кающегося грешника», которая чрезвычайно напоминала вышеупомянутую работу А. Мицкевича не только по форме, но и своей мистической окраской: проникновенное восхваление свободы соединялось с обращениями к всевышнему [269, с. 108-109; 342, t. 2, s. 528-541].

В 1835-1838 г. Ш. Конарский предпринял попытку объединить оппозиционные круги Литвы и Беларуси в «Союз польского народа». Широкие основания его программы: укрепить национальность, пробудить дух просвещения, расширить образование, превратить земледельцев в «сынов отчизны», исправлять фальшивые мнения - объединили и членов «виленского дворянского общества», и студентов, группировавшихся вокруг Ф. Савича. Однако, «карбонарские и лелевелевские» высказывания Ш. Конарского о том, что необходимо «растоптать шляхетские привилегии, уничтожить религиозные предрассудки, одним словом, уничтожить внутреннее и внешнее угнетение простого народа для того, чтобы устроить наше отечество согласно принципам религиозной, политической, гражданской свободы и социального равенства» [«Polnoc», 1835. Цит. по: 88, с. 246], спровоцировали раскол среди объединенных им людей. «Умеренные» стали требовать отъезда Ш. Конарского за границу и передачи в их руки руководства организацией. В студенческих же кругах, благодаря влиянию Ш. Конарского, все более популярной становилась повстанческая идеология[4], хотя основными задачами, по-прежнему, считались борьба за религиозную свободу, защита народной культуры и

языка, а не разрешение социальных проблем [60, ф. 378, д. 32, л. 56; 60, ф. 432, оп. 2, д. 6, л. 24; 335, s. 342]. Однако многие кружки, возникавшие под влиянием деятельности Ш. Конарского были, по словам польского исследователя М. Вержговского, «эфмеридами конспирации» [404, s 36], поскольку существовали они недолго, никакой выразительной программы не имели, а члены их были очень немногочисленными. Такими были, например, кружки И. Богдановича и И. Возняковского в Вильно, члены которых (подростки и студенты) читали А. Мицкевича и газету Я. Чиньского и Ш. Конарского «Polnos», работы Ст. Сташица «Предостережение Польши», «Три конституции» И. Лелевеля, «Польских якобинцев» Я. Чиньского, «Историю французской революции» Э. Лапоннери, «Слова верующего» Ф. Ламенне и т. п., мечтали о независимости и готовились «выступить, когда начнется общеевропейская революция» [404, s. 36-38].

В 1838 г. был арестован Ш. Конарский и раскрыты нелегальные студенческие кружки. Страх перед революционным движением вынудил власти усилить надзор за «направлением мыслей» жителей Беларуси, велись поиски политических заговоров и тайных обществ, жандармы не останавливались даже перед фабрикацией политических дел [125].

Эти события способствовали распространению в обществе чрезвычайно настороженного отношения к демократической конспирации. Многие из тех, кто симпатизировал демократическим и радикальным идеям, после ареста Ш. Конарского перестают верить в возможности конспиративной деятельности. Одновременно начинают консолидироваться достаточно пестрые с точки зрения социального состава и идеологии течения, объединенные стремлением к сохранению «органических основ» общественного организма при осторожном проведении только самых необходимых и неизбежных реформ [357, s. 74]. Такая позиция, ставшая впоследствии классической для консерватизма, была сформулирована еще британским политическим философом и публицистом Э. Берком (1729-1797) в книге «Размышления о революции во Франции» (1790). Э. Берк рассматривал общество как органическое целое, в котором индивидуумы выполняют различные роли и функции (социальная организация сложна и всегда основывается на дифференциации и иерархии). В таком обществе управление должна осуществлять естественная элита, которая выделяется по происхождению, богатству или образованию. Общество в целом объединяют древние традиции и обычаи; постепенные изменения могут происходить только тогда, когда они получают всеобщую поддержку.

Понятие «общественного организма», введенное Э. Берком подчеркивало невозможность переноса рационально сконструированных политических доктрин на жизнь нации, политических институтов одной нации - на другую. Ведь социальный процесс, по его мнению, - это результат проб и ошибок, накопленного и переданного от поколения к поколению опыта, воплощенного в институтах и ценностях, которые не сконструированы человеком сознательно [17]. Такое мировоззрение не было тождественно реакционности, ведь последняя - не что иное, как отрицание общества, которое сложилось в результате адаптации к новым требованиям жизни [131, с. 593]. Элементы, которые впоследствии стали конституирующими основаниями консервативной доктрины, заметны уже в работах М. Мохнацкого. Так, он противопоставлял историчность априоризму, традицию - утопии, жизнь - доктрине [362, t. 4, s. 273-275]. Хотя Мохнацкий не представлял себе реставрации независимой Речи Посполитой иначе, как в духе «либеральных принципов, революционными средствами», его идеалом все же было не «фантастическое здание», а «древнее строение», не «утопии мудрствующих теоретиков, а древняя монархия Болеслава и Ягеллонов» [362, t. 4, s.60].

Консервативные настроения постепенно начинают вытеснять просвещенческую идеологию со страниц публицистических изданий. Так, в 1833 г. в «Петербургском еженедельнике» появилась статья «Об истории, рассматриваемой с точки зрения религиозной и философской», направленная против просвещенческого понимания исторического процесса, в 1834 г. - статья Грабовского, критиковавшая идеологические основания французской социальной повести и противопоставлявшая им романтическую традицию с ее идеализацией старины и религиозности. В 1841 г. вышел в свет первый том «Смещения обычаев» Генриха Ржевусского. Апология аристократии, религии, прославление иезуитов соседствовали в книге с презрением к народу, который Г. Ржевусский называл организмом, живущим «растительной жизнью». Произведение вызвало бурную полемику, оживило прогрессивно настроенные круги и одновременно заставило сторонников охранительных тенденций определеннее сформулировать свою позицию. «Смещение» в Белой Руси сделало карьеру», - писал М. Грабовский [337, t. 1, s. 164]. Стало ясно, что «время журналов неопределенного идеологического содержания прошло» [337, t. 1, s. 164]. Консервативно настроенные публицисты во главе с Г. Ржевусским объединились в так называемую «котерию» или «пентархию». Их взгляды основывались на концепциях Ж. де Местра и Л де Бональда.[5] Члены «котерии» стремились «нейтрализовать

прогрессивные идеи в западном крае», отражать «здоровые представления о мире» [345, s. 81, 83, 117, 118]. В четвертом томе журнала «Атенеум» была напечатана статья Г. Ржевусского «О законах цивилизации народов» («O prawidlach cywilizacji narodow»), в котором автор пропагандировал идеи де Местра о роли божественного провидения в развитии цивилизации, критиковал также теории прогресса и отрицал возможность каких бы то ни было компромиссов с прогрессистами [345, s. 12]. В своих работах «Интеллектуальные прогулки» и «Смещение обычаев» Г. Ржевусский разрабатывал такие элементы консервативной доктрины, как критика демократии и трактовка понятия «свобода». Так, с точки зрения Г. Ржевусского, истинная личная свобода может существовать только под крылом единовластия монарха. Именно нежелание подчиняться иерархии, являющееся результатом моральной развращенности народа, нарушает эту свободу. Более того, по мнению Ржевусского, свобода – это привилегия, которой может пользоваться только аристократия [380, t. 2, s. 310; 381, t. 3, s. 27]. Консервативные публицисты объединялись также вокруг журнала «Рубон», редактором которого был объявивший себя сторонником консервативной доктрины К. Буйницкий (1788-1879). «Богобоязненность, уважение к закону и местным властям, любовь к родине, патриархальная простота», – вот основные ценности, которые защищал журнал [345, s. 195]. Буйницкий стремился защищать «законы иезуитов», которые стояли на страже «старопольских обычаев». Идеи К. Буйницкого, частично позаимствованные из статьи Г. Ржевусского «Цивилизация и религия», в своей враждебности по отношению к прогрессу, противопоставлении славянского и западноевропейского миров роднили его и с русскими славянофилами. Консервативные тенденции проявлялись и в других изданиях, например в гродненской «Ондине» и виленских «Поучительных записках» [345, s. 108-223]. Однако и на страницах этих изданий вместе с пропагандой взглядов «котерии» находили место и идеи постпросвещенческого эклектизма.

Окончательное определение позиций публицистов наступило после событий 1846-1848 г. Как справедливо отметил польский исследователь М. Инглот, с одной стороны баррикад встали эклектичные ранее «Атенеум» и «Рубон», а с другой – также эклектичные до этого «Звезда» и «Литературный ежегодник» [345, s. 107]. Доминирующим фактором для журналов «Звезда», «Научно-литературные записки» и «Литературный ежегодник» стала борьба с идеологией «котерии». Так, публицисты «Звезды» подчеркивали, что журнал создается для того, чтобы предоставить свои страницы идейной полемике [345, s. 198-199, 248,

348]. Те же цели провозглашались и в программном документе «Научно-литературных записок» - письме А. Сова (Э. Желиговского): журнал должен был стать живым словом общественной жизни и заниматься насущными проблемами, а не идеализацией старопольских обычаев. При этом отмечалась необходимость рассматривать отношения различных слоев общества с точки зрения прогресса, а не раз и навсегда установленных провидением законов. Крестьянский вопрос, материальное положение сельчан, их внутренняя жизнь и отношение к высшим классам – вот основные проблемы, которые следует обсуждать на страницах журнала. Р. Левицкий, публицист «Звезды» утверждал, что пока положение крестьян не изменится, нельзя думать о каком бы то ни было прогрессе [345, с. 245]. Споры «Петербургского еженедельника» и «Звезды» привели к оживлению общественной мысли в Беларуси и распространению прогрессистских философско-политических взглядов, а вместе с ними - и элементов либеральной идеологии.

Необходимо отметить, что либерализм при этом понимался еще слишком широко. В соответствии с традицией начала XIX в., этот термин часто использовался для определения позиции, враждебной деспотизму, тирании.[6] Такое широко понимаемое либеральное движение направлялось против «старого порядка», т.е. абсолютизма и феодализма [97, с. 193]. Представителями либерального стиля мышления считали тех деятелей, которые в большей или в меньшей степени выступали против феодализма и его защитников, а также против клерикализма [97, с. 201]. Широко понимаемая либерально-прогрессистская оппозиция носила, в основном, политический характер (прежде всего потому, что основным требованием было восстановление Речи Посполитой). Кроме того, в ту эпоху «требовать конституции» было... готовою программой всех недовольных существовавшими порядками в странах, не имевших политической свободы, а «обещать конституцию» было... формой, в которой абсолютные правительства выражали свое согласие на уступки недовольным подданным» [97, с. 191]. Социальные же требования провозглашались лишь в наиболее общей форме, как «освобождение народа от угнетения и тирании».

Вот почему в студенческих и молодежных кружках (Братский союз Литовской молодежи, минский кружок, кружок С. Сераковского) сосуществовали умеренные и радикальные настроения, а республиканский легитимизм и конституционализм оставались двусмысленными. Среди участников кружков были и сторонники национальной романтической идеи, и приверженцы принципов

радикального либерализма [92, с. 55-114; 268; 335, s. 164-203; 387, s. 231]. Так, в манифесте Братского союза литовской молодежи говорилось, что группа выступает за установление республики и наделение крестьян землей, «за освобождение от чуждой системы правления и создание конституционного строя или такого, который окажется необходимым» восстановленной Речи Посполитой [335, s. 306-308]. Одни члены Братского союза (Янковский, Микутович) выступали за широкую агитацию среди крестьян и ремесленников. Другие (братья Далевские) считали, что прежде всего необходимо привлечь к патриотическому движению шляхту, побудить ее сделать уступки крестьянам, чтобы создать таким образом широкий «народный фронт» [335, s. 300-304]. Участники кружка И. Огрызко и В. Спасович ставили своей целью «переделать существующий неудовлетворительный порядок на лучший». Их девизом были слова: «любовь в качестве основы, прогресс в качестве цели» [332, s. 226]. Они являлись сторонниками умеренного течения. Так, Ф. Далевский после возвращения из ссылки в середине 50-х г. включился в осуществление программы «органического труда». А взгляды В. Спасовича развивались в направлении классической либеральной доктрины, о чем свидетельствовала его трактовка проблемы собственности. «Переход от коллективной формы собственности к частной положил начало освобождению человека,- писал он,- теперь уже не принадлежность к определенной общности и привязанность к земле, а собственная индивидуальность становится для человека истоком его прав» [166, с. 537].

События 1846-1848 г. стимулировали кристаллизацию умеренных и радикальных течений среди либерально настроенных индивидов. Радикально-демократические программы начинают резче обособляться от умеренно либеральных. Под воздействием галицийских событий 1846 г. радикализировались взгляды оппозиционно настроенных представителей «образованного класса». «Бойня 1846 г. оказала мощное влияние на наше сознание - настроение было... демократическое, если не анархическое,- писал Я. Гейштор,- распространялся уже не конституционализм, а республиканизм, популярной стала идея народного восстания, или, другими словами, демократической революции» [336, s. 89]. Если умеренные рассматривали политические изменения как самоцель, а мирную пропаганду в печати как способ их осуществления, то радикалы (якобинцы, красные) рассматривали политический переворот как средство для начала социальных изменений - политический радикализм эволюционировал в сторону социального. В основу разделения умеренного и радикального (прежде всего, социально-

радикального) либерализма легли отношения к демократии (как к форме государственного строя). Умеренные видели в демократии способ решения социальных конфликтов при участии всех граждан и достижении компромисса. Вот почему для некоторых из них были приемлемы и конституционная монархия, и демократическая республика, а важной задачей являлось обеспечение свободы индивида или меньшинства при демократии. Социальным же радикалам (и это обуславливало их эволюцию в сторону социализма) был присущ своего рода организационный фетишизм: участие всего народа в управлении государством казалось им самодостаточным.

По-разному трактовали умеренные и радикалы и само понятие «народ». Как известно в либеральной публицистике второй трети XIX в. словом «народ» обозначались все социальные слои. Вместе с тем, «народ» (narod) часто противопоставлялся «простонародью» (lud), не имевшему «свободной воли», а потому остававшемуся предметом заботы духовенства и либеральных просветителей. Радикалы (И. Лелелвель, Польское демократическое общество) в соответствии с традицией XVIII в. отождествляли «народ» (narod) со шляхтой и противопоставляли ему «lud» - крестьянство. «Lud» для радикалов был не безвольной пассивной массой, а основной силой борьбы, символом нового общества [345, s. 227-231]. При этом демократизм превращался в демократический абсолютизм [122, с. 215]. «Всевластие возвращается народу (ludu)», - говорилось в документах Польского демократического общества [354, s. 27]. Радикалы заявляли, что говорят от имени простонародья (народных масс) и действуют в его интересах: «Все для народа (ludu), все через народ (lud) - вот самый главный принцип демократии. Народ (lud) или демократия не знает полумер. Все для всех и через всех - этот лозунг в состоянии сдвинуть массы» [370, s. 27-28].

С точки зрения радикалов создание справедливого и свободного общества требовало уничтожения существующего порядка и борьбы против правящей элиты, которая пользуется народным богатством. Вот почему сторонники радикализма в Беларуси отличались от умеренных либералов не столько представлениями о принципах устройства справедливого общества, сколько антипомещической направленностью и попытками найти поддержку у крестьян и ремесленников. Так, Ф. Савич считал, что всех помещиков «нужно повесить, всех вырезать»; члены кружка Ф. Савича Загорский, Грицкевич и Рапчинский стремились познакомиться с ремесленниками и создать «в демократическом духе общество».[7] В 1847 г. появляется воззвание Ю. Бокшанского (1824-

1863), призывавшее крестьян к восстанию против помещиков и представителей захватнической власти. Эти веяния проявились в публицистической деятельности А. Незабытовского (1819-1849), сторонника социальной революции, контактировавшего с Польским демократическим обществом. Еще ранее М. Воллович (1806-1833) говорил о необходимости уничтожения помещичьего землевладения, освобождения крестьян с землей [309, с. 47].

То, что умеренный либерализм конституировался в постоянных дискуссиях с социальным радикализмом, привело к необходимости переосмысления понятия «революция». В дискуссиях по поводу восстания 1830-1831 гг. выявляется различие между понятиями «восстание за независимость» и «революция». Если раньше «под революцией понимали просто изгнание врага с польской земли» [370, с. 65], то теперь революция не отождествлялась с восстанием за независимость, а противопоставлялась ему. Вообще понятие революции означало уже, прежде всего, революцию социальную. Рождалось убеждение, что вооруженной освободительной борьбы следует избегать, поскольку она не только чревата огромными жертвами, но и угрожает перерасти в социальный переворот. Эти настроения отразились в вышедшей в 1846 г. поэме Э. Желиговского «Иордан», в которой современники усмотрели резкую критику конспиративной деятельности и повстанческой идеологии. Я. Гейштор писал об этой поэме: «В первый раз открыто было сказано, что нам нужны не заговоры и жертвы, а совершенствование себя, создание в нашем окружении добросовестной и честной сферы деятельности, преимущественно для народа» [409, с. 18]. Становилось популярным мнение, что только легальная деятельность, политическая, хозяйственная и воспитательная могла поддержать надежду на изменение ситуации.

В результате осмысления последствий восстания 1830-1831 гг. и «весны народов» эволюционирует консервативное общественное мнение. Стремившиеся к сохранению основ «старого порядка» сторонники А. Чарторыйского вынуждены были идти на компромисс с прогрессистами, признавая необходимость реформ. Это послужило толчком к формированию так называемого «эволюционного консерватизма». В известном обращении 29 ноября 1845 г. А. Чарторыйский официально признал необходимость освобождения крестьян, считая это единственным средством, которое может уберечь от «социальных потрясений» [335, с. 147]. Признанный лидер консервативно настроенных кругов утверждал: «Крестьянский вопрос относится к

наиважнейшим..., которыми мы должны заниматься: он касается не только друзей нашей страны, но и уже, можно сказать, является вопросом жизни и смерти. Очевидно, что если удастся вражеским правительствам, раздирающим Польшу, разрешить окончательно вопрос между землевладельцами и крестьянами, и укрепить в сердце народа неприязнь к шляхте, которую они сейчас пытаются посеять, разодранное племя поляков покорится и будет уничтожено... Это убеждение стало почти всеобщим в крае, и лучше продумывать способы сопротивления этому злу, предлагая и с нашей стороны определенные советы и рекомендации» [335, s. 200]. Однако в подобном деле предполагалась сугубая осторожность: необходимо было ограничиваться моральным давлением на помещиков в направлении осуществления аграрных реформ и отказа от части классовых привилегий. Близкие к кругам А. Чарторыйского помещики Беларуси стремились реализовать предложенную программу. В 1846 г. группа помещиков договорилась о вынесении на сеймиках в Вильно и Гродно проекта отмены крепостного права и отправки соответствующего адреса императору. Однако их инициатива была категорично отклонена виленским генерал-губернатором Ф. Мирковичем. Он объяснил «дерзкой шляхте», что дворянское собрание не имеет полномочий «выдвигать постулаты об изменении общественного порядка», в частности, отмены крепостного права; освобождение крестьян зависит только от желания и воли императора [300, с. 122, 127, 277]. Несмотря на это «объяснение», через два года, в 1848 г., дворянское собрание Минской губернии обсудило предложение Э. Оскерко, А. Еленского и С. Берновича о ликвидации личной зависимости крестьян от помещиков и отправке нового адреса царю. Подобный этому проект разработала в начале 40-х г. часть дворянства Гродненской губернии. В 1848 г. в Сенат было подано коллективное заявление «помещиков Северо-Западного края» о признании их крепостных свободными. Все эти проекты и прошения были отклонены. Вот почему отдельные помещики самостоятельно освобождали своих крестьян от крепостной зависимости [335, s. 25].

Видя неизбежность реформ, консервативно настроенные элементы, как и деятели умеренно-либеральной ориентации, стремились разработать такую программу действий, которая бы соответствовала основополагающим принципам их мировоззрения и противопоставила бы революционным программам конструктивную, «органическую» модель [357, s. 70]. Такая модель была разработана в среде варшавских позитивистов и галицийских консерваторов (Р. Поппель первым противопоставил программу органического труда планам восстания).

Естественно, что с самого начала в этой программе проявились консервативные и либеральные тенденции.

Консервативно настроенные деятели (А. Замойский, В. Старжинский) критиковали «фальшивых консерваторов» типа Г. Ржевусского за обскурантизм. Понимая необходимость реформ, они были сторонниками сильной власти, так как только она, по их мнению, могла удержать порядок при проведении реформ. Руководство же «органической работой» должно было находиться в руках «просвещенной аристократии». Эти требования сочетались со стремлением сохранить иерархически-органическое социальное устройство и критикой «искусственного наделения крестьян землей», защитой неприкосновенности помещичьей собственности [357, s. 94, 96]. Сторонниками сильной государственной власти и противниками «подмены» государственных и сословных органов общественными комитетами в Беларуси были А. Домейко, А. Чапский, Огинский, А. Платер. Они стремились ограничить цели и задачи программы органического труда и даже реально противодействовать осуществлению либеральных вариантов этой программы. Так, А. Домейко, вместо подготовленного адреса императору с широкими требованиями, подал отредактированный им адрес, в котором содержались только требования восстановления Виленского университета, введение польского языка в школах и делопроизводстве, введение гласного суда и равных прав в браках. Суть программы этих деятелей сводилась к следующему: «добиться некоторого обособления западного края путем возвращения учреждений и порядков времен Александра I и дать возможность краю развиваться на строго легальной почве при равноправии различных верований и этнографических элементов под эгидой верховной власти монарха» [168, с. 562]. «Либерализм» таких программ был этикеткой, скрывавшей охранительные тенденции [357, s. 87].

Либеральный вариант программы органического труда осуществляли помещики, стремившиеся к реальному реформированию общества. Вместе с пропагандой прогрессивных методов обработки земли, развития промышленности и торговли, либерально настроенные дворяне требовали временного освобождения от налогов тех помещиков, которые имели или строили фабрики, стремились организовать общество, которое давало бы помещикам субсидии для строительства фабрик.

Программа «органического труда» в ее либеральном варианте стала основой деятельности «комитета (организации) граждан». Важно отметить, что само название организации свидетельствовало о новом

восприятию понятия «гражданства». Традиционно гражданами могли считаться только дворяне. Однако уже восстание 1830-1831 гг. спровоцировало пересмотр веры в фактические и потенциальные возможности шляхты и показало необходимость расширенного понимания гражданства как круга общественно активных лиц [395, s.26]. Очевидным было также и то, что в «органической работе» невозможно было ограничиться деятельностью только шляхты, поскольку в такую работу должны были быть вовлечены представители всех сословий. В связи с этим, задачей шляхты стало «направление к гражданству как можно большей части общества». Начало распространяться мнение, что гражданином может стать всякий, кто будет придерживаться определенных моральных принципов. «Можете стать гражданами, если будете исповедовать моральные ценности, которые – наши в силу рождения, и подчиняться нам в товарищеском порядке», - с такими призывами обращались дворяне к представителям «низших» социальных слоев [357, s. 79].

Вместе с тем, «организация граждан» стремилась к ограничению роли государства в жизни общества. (Необходимо отметить, что такие стремления проявились еще в нач. 40-х г., когда предводитель дворянства Витебской губернии Э. Мостовский предлагал передать дворянству права выбирать начальников полиции и членов судов и ограничить полномочия полицейских властей [335, s. 182-183].) Взгляды этих кругов выражала газета «Слово», которая издавалась И. Огрызко и Э. Желиговским при содействии известного русского либерала Кавелина [14, с. 29-61].

Расхождение либеральных и консервативных кругов с очевидностью проявилось в период манифестационного движения 1861 г. Консерваторы, являясь сторонниками сильной власти, стояли перед дилеммой: любая вооруженная борьба за независимость давала шансы взять руководство в свои руки, хотя и таила угрозу радикальных социальных реформ. Поэтому вплоть до восстания 1863 г. консерваторы не полностью приняли программу органического труда, а часть из них склонялась к необходимости восстания за восстановление Речи Посполитой. Вот почему, в манифестационном движении наряду с радикально настроенными элементами приняли участие самые консервативные помещики, которые противились реформам и отмене крепостного права в любой форме.

Царские репрессии против мирных манифестаций в городах Беларуси способствовали популяризации лозунгов вооруженной борьбы, усилили

размежевание в либеральном движении. Умеренные и радикалы, которые до этого «находились между собой в дружбе и согласии, несмотря на существующие различия в понимании отдельных вопросов» [94, с. 149], расходятся принципиально. В августе 1861 г. в Вильно был организован Комитет движения (К. Калиновский, С. Чехович, Э. Вериго). Будучи социальными радикалами, члены его «выдвигали программу подготовки масс к народной революции, которая ставила своей целью свержение самодержавия, уничтожение крепостничества, а также достижение национальной независимости» [94, с. 159]. Интересно, что называя себя «либералами», они считали необходимой «кулачную революцию» [94, с. 119-120]. Связь с демократической эмиграцией и русским революционным движением способствовала также проявлению просоциалистических тенденций в мировоззрении отдельных представителей социального радикализма. Так, по оценке Б. Лимановского, К. Калиновский находился под сильным влиянием «федеративных идей «Колокола» ...являлся сторонником общественных принципов, сформулированных Ворцелем, признанных Лелевелем, развитых Герценом» [94, с. 192].

Таким образом, период 30-50-х г. чрезвычайно важен как период оформления консервативной и либеральной доктрин. Эти доктрины формировались при обсуждении таких проблем, как революция, аграрная реформа, демократия, свобода и равенство и т.п. В постоянных столкновениях и дискуссиях с консервативно-конфессиональными и социально-радикальными течениями конституировался умеренный либерализм. В консерватизме выявились несколько течений. Наряду с параконсерватизмом М. Мохнацкого, который понимал революцию как «реставрацию республиканской монархии польского народа», формируется непримиримый консерватизм Г. Ржевусского и «котерии». При разработке программы «органического труда» проявляются элементы эволюционного консерватизма.

Программа «органического труда», объединившая в середине 50-х г. умеренных либералов, часть консерваторов и даже социальных радикалов, сыграла роль своеобразного фермента, средства борьбы против политического романтизма и подготовила почву для распространения идеологии позитивизма. По меткому замечанию Б. Скарги, в программе «органического труда» проявились «первые моменты перелома, который завершился в 70-х г.... С этой программой связывался комплекс теоретических вопросов... что такое общество, каковы его задачи и задачи индивидуума, какие факторы ведут к

объединению и дезинтеграции общества, о его прогрессе» [385, s. 212]. И тем самым были созданы предпосылки для более четкого формулирования либеральной и консервативной доктрин, конкретизации их социального содержания.

Консолидация консервативного и либерального движений в этот период не состоялась прежде всего, потому что в обществе превалялся интерес к поиску приемлемых и эффективных форм реальной практической деятельности, а не озабоченность «чистотой доктрин». Кроме того, «польский вопрос», который все еще занимал наиболее активную и политизированную группу населения Беларуси – дворянство - в определенной степени оставлял в тени, затруднял осознание принципиальных идеологических различий. Ситуацию усугубляло также культивирование идей «солидаризма» всех слоев и групп местного населения во имя успеха восстания за восстановление Речи Посполитой.[8]

Несмотря на это, для второй трети XIX в., по сравнению с предыдущим периодом, характерно качественное изменение сферы публичности (общественного мнения). Вследствие осмысления событий восстания 1830-1831 гг. и «весны народов» происходит размежевание консервативно и либерально настроенных публицистов. В либеральной среде оформляются умеренное и радикальное направления. Консервативное общественное мнение разделяется на «эволюционистов» и «непримиримых». С середины 50-х г. активизируется легальная общественная деятельность, формируются центры объединения сторонников различных направлений общественного мнения. Эти центры еще остаются свободными союзами, основанными на контактах с очень слабой институциональной связью. Основная их функция – не столько прямое действие, сколько обмен мнениями, формулировка вопросов для обсуждения и выработки взглядов «общественностью». Такую ситуацию социологи считают начальной стадией формирования общественных движений [53; 311].

[1] Выходившие и распространявшиеся в этот период русскоязычные издания- «Губернские ведомости» или «Вестники», а также «Курьер литовский» (с. 1840 г. - «Курьер Виленский») являлись изданиями правительственными, официальными.

[2] В 1859 г. официально был отменен указ 1848 г.

[3] В такой концепции не было предпосылок для формирования либерального мировоззрения, а антагонизм революции и традиции утрачивал принципиальное значение.

[4] В 1838 г. кружок Ф. Савича переименован в «Молодую Польшу».

[5] Л. де Бональд (1754-1845) считал, что человек не способен открывать новые истины; вся духовная жизнь, как и социальные порядки, имеют своим основанием непоколебимую традицию, которая выражает божественную волю.

[6] Термины «либерал» и «либеральный» впервые были использованы в Испании в начале XIX в. для обозначения тех членов избранных кортесов, которые ставили своей целью борьбу за осуществление принципов французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г.

[7] Идеал справедливого общества Ф. Савича ничем не отличался от умеренно-либеральных представлений: «все люди имеют одинаковые права в отношении свободы и равенства... люди...не должны по законам справедливости занимать в обществе место, которое не соответствует их способностям, образованию и потребностям человечества» [60, ф. 439, оп. 2, д. 6, л. 24].

[8] Так, даже «умеренные» И. Огрызко, Я. Гейштор и другие из-за «солидарности с народом» приняли участие в восстании, будучи, в принципе, против такого способа решения «национального вопроса».

Глава 3.

Общественные объединения и движения в последней трети XIX - начале XX в.

3.1 Формирование общественных объединений

С конца 60-х гг., несмотря на многочисленные препоны, процесс самоорганизации общественных сил становится более интенсивным. Традиционные государственные институты и самые различные социальные группы снова приходят в мобильное состояние, характерное для периода 1857-1862 г. Так, в «Обзоре Минской губернии за 1876 г.» читаем: «Освобождение крестьян, быстрое развитие школ, железные дороги, прошедшие через губернию в двух направлениях и новые учреждения - крестьянские, судебные, народного здравия и общественного призрения - расшевелили общество» [181: 1876, с. 26]. В мае 1867 г. вышли два правительственных указа: о прекращении дел политического свойства, касающихся польского мятежа, и положение Комитета министров об ограничении подсудности лиц гражданского ведомства военному суду в Северо-Западном крае, что свидетельствовало о смягчении режима исключительных законов [257, с. 12].

Общественная активность в городах на первых порах была связана с деятельностью дворянских и городских общественных и сословных собраний и «домашних кружков». Либерально-оппозиционные силы группировались в Могилеве вокруг С.Б. Езерского, в Минске - на журфиксах у артиллерийского полковника С.П. Чапранова, в Пуховичах и Блони - вокруг семьи Бонч-Осмоловских. В условиях жесткого контроля за деятельностью любых общественных объединений такие кружки зачастую принимали тайный характер и попадали в разряд антиправительственных и даже революционных [25, с. 172]. Негласный политический надзор не делал большого различия между тайным политическим кружком и домашним или литературным кружком, возникшим без разрешения властей. К общественным собраниям и клубам власти относились более терпимо: официально зарегистрированные «собрания» обеспечивали возможности для жесткого полицейского контроля. В 70-х-80-х гг. подается множество прошений об открытии общественных собраний и городских клубов. Утверждаются

уставы Минского (1879), Новогрудского, Ошмянского (1878), Горецкого (1888), Мстиславского (1879), Борисовского (1870), Пинского (1876), Слуцкого (1868), Оршанского (1886) клубов и общественных собраний [172, ф. 295, оп. 1, дд. 2135, 2136, 2582, 2585 и др.]. В уставных целях клубов и общественных собраний отмечалось: «собранию предоставляется устраивать для своих членов и гостей балы и маскарады, танцевальные вечера, музыкальные и литературные драматические представления, выписывать книги, газеты и другие издания, а также приглашать лиц по разным наукам для чтения лекций» [172, ф. 295, оп. 1, д. 2582, л. 12]. Так, общественное собрание Полоцка устраивало «литературные вечера, где читали ученые сочинения современных знаменитостей: Бокля, Макколея и других». Автор корреспонденции из Полоцка в «Вестник Западной России» отмечал: «... современный нигилизм залетел из столицы и в нашу глушь. Между нами появлялись личности, проповедовавшие «материальность идеи» [32, с. 50]. Будучи местом встреч «культурного общества» того времени клубы часто становились одним из существенных факторов в процессе самоорганизации общественных сил. В условиях жесткой цензуры, при отсутствии независимой прессы и небольшом количестве периодических изданий, эти объединения выполняли функцию распространения идей. В 90-х гг. с относительным ослаблением государственного контроля и развитием других форм общественной самодеятельности, интерес к общественным собраниям и клубам падает. Так, в 90-х гг. было подано только два прошения о создании общественных собраний - дворянами Орши (1890) и минским мещанином Ф. Косиловским [172, ф. 295, оп. 1, д. 4293].

В 90-х гг. XIX в. произошли значительные изменения и в самой старой сфере общественной деятельности - благотворительности. Выросло число вновь образуемых благотворительных обществ: если в 80-х гг. в Беларуси было создано 21 благотворительное общество, то в 90-х - 83 [22: Минская губ., с. 1-19; Могилевская губ., с. 1-20; Витебская губ., с. 1-21; Гродненская губ., с. 1-24; Виленская губ., с. 1-23]. Изменился и характер их деятельности. Подавляющее большинство обществ, учрежденных в первой половине XIX в., были общеблаготворительными филиалами Императорского человеколюбивого общества. В 80-90-х гг. новые неправительственные благотворительные общества создавались в соответствии с нуждами и потребностями местного населения: помощь нуждающимся учащимся, учителям, ремесленникам и т.д. Деятельность общественных благотворительных объединений распространяется и в уездах. Так, из 40 благотворительных обществ, существовавших в

Минской губернии к началу XX в., 8 находились вне городов [22, Минская губ., с. 18].

В 90-х гг. XIX столетия в одном только Минске были учреждены Общество вспомоществования ученикам Минского еврейского первоначального училища с ремесленным отделением, Общество попечения о семьях ссыльных каторжных, общества «Милосердие» и «Христианская семья», Общество попечения о больных и раненых воинах, Общество вспомоществования ученикам женской и мужской гимназий, Общество вспомоществования учащимся в подведомственных Минской дирекции народных училищ низших учебных заведений [197: 1890-1900]. Ряд новых форм филантропии был позаимствован из Европы. Так, в 1900 г. был утвержден устав Минского акционерного общества дешевых гигиенических квартир. В Европе и Англии такая форма благотворительности была известна под названием «пятипроцентная филантропия»: общество предложило продавать акции, обещая небольшой и стабильный доход, и таким образом финансировать строительство дешевых жилых домов для городской бедноты. Благотворительные концерты, спектакли и лотереи также в какой-то мере объединяли граждански активное население Беларуси. В общем, можно сказать, что, несмотря на строгий контроль царского правительства над филантропией (ибо оно уже было «научено» участием радикалов в благотворительных организациях России в 60-х гг. и боялось, что благотворительность может либо пойти слишком далеко, либо принять непредвиденные и нежелательные формы), общественные благотворительные организации способствовали развитию гражданского сознания и появлению более зрелых форм самоорганизации общества [159; 172, ф. 295, оп. 1, дд. 6634, 6636, 6009; 181: 1875; 196: 1882].

В 80-х-90-х гг. растет количество православных братств[1] и расширяется сфера их деятельности.[2] К 1890 г. в Беларуси было создано 15 православных братств, которые занимались не только «укреплением духа православия». Так, Гродненское Софийское православное братство определяло в качестве направлений своей деятельности «ремесленное народное просвещение, оказание помощи ремесленникам, рабочим, учащимся», Могилевское богоявленское братство помимо «поддержания церквей» занималось «распространением и поддержанием грамотности, духовным просвещением, учреждением библиотек, складов книг и брошюр, устройением народных чтений» [22; 293; 295]. Перечень этих дел напоминает перечень занятий, которые А.

Токвиль упоминал в описании американских гражданских ассоциаций [289, с. 490].

Продолжает развиваться и становится более организованным «трезвенное» движение. В середине 60-х гг., как уже отмечалось, власти, напуганные размахом движения, запретили его. Но широкое народное движение оказалось в центре внимания радикальной интеллигенции, и под давлением общественности власти вынуждены были снять запрет. В Беларуси к концу 90-х гг. практически во всех волостных центрах обществами трезвости были организованы чайные. Всего в Виленской губернии было 72 чайных общества трезвости, в Витебской - 69 (из них только 20 в городах), в Гродненской - 58 (14 в городах), в Минской - 60 (15 в городах), в Могилевской - 125 (9 в городах) [22: Минская губ., с. 18; Могилевская губ., с. 21; Гродненская губ., с. 20; Витебская губ., с. 16; Виленская губ., с. 23]. Литературные чтения, спектакли и другие мероприятия, проводившиеся там, имели большое значение для просвещения народа и привлечения его внимания к общественным проблемам [62].

Дальнейшее развитие получила организация на общественных началах просветительских учреждений. В 90-х гг. воскресная школа была открыта в Витебске. В 1900 г. была открыта бесплатная женская воскресная школа в Могилеве [198: 1901, с. 56]. В 1898 г. в Минске была открыта субботняя школа для девочек, а в 1904-1905 г. - мужская воскресная школа. Общественно-политическое значение воскресных школ было всем достаточно ясно, однако школы отнюдь не были чем-то вроде тайных обществ. Создание таких школ давало выход самым естественным профессиональным интересам пробуждавшейся интеллигенции [86; 124; 190; 223, с. 472].

Деятельное участие в работе просветительных учреждений в Минске в 90-х гг. принимал Г. Гершуни (впоследствии он стал социалистом и в 1901 г. перешел на нелегальное положение). Он открыл в Минске бактериологический кабинет, устроил подвижный музей школьных пособий, организовывал школьные праздники для детей, читал лекции в субботней школе для взрослых [25; 77; 79].

В конце XIX в. возникают общественные объединения, ставившие своей целью реализацию инициативы населения в области сельского хозяйства, медицинского обслуживания, культуры и спорта. С 70-х г. XIX в. до 1906 г. в Беларуси было создано 19 обществ сельского хозяйства, 5

медицинских, 11 культурно-просветительских, 8 спортивных организаций [Подсчитано по: 195-198; 281, с. 4-25].

Первые сельскохозяйственные общества были созданы в Минске (1876), Витебске (1877) и Могилеве (1879). С течением времени в их деятельности проявились следующие тенденции: сокращение региона деятельности и ограничение сферы деятельности [209; 210]. Но главное заключалось в том, что постепенно они утрачивали характер «ученых обществ и принимали в своих занятиях более практическое назначение» [Из обращения министра земледелия и государственных имуществ к предводителям дворянства 21 июня 1896 г. Цит. по: 281, с. 7]. Развитие данных тенденций привело к значительным изменениям в деятельности сельскохозяйственных обществ в 90-х гг. XIX в. При обществах организовывались отделения «для улучшения мелких хозяйств». Эти отделения занимались организацией обществ сельского хозяйства, которые охватывали приход, одну или несколько волостей и создавались в крестьянской среде при сравнительно небольшом участии «лиц других сословий» [183, с. 45]. Такое отделение, например, существовало при Минском губернском обществе сельского хозяйства. Каждый из землевладельцев, членов общества, организовывал в своем районе сельскохозяйственное товарищество и становился его попечителем. Такие товарищества существовали также при Могилевском и Витебском обществах сельского хозяйства [172, ф. 2001, оп. 1, д. 2006; 274, с. 22]. Деятельность отделений не ограничивалась сельскохозяйственными делами, при них существовали службы, которые давали бесплатные консультации по судебным делам, составляли ходатайства и т.п. [183, с. 27]. Могилевское общество сельского хозяйства в 1882 г. рассматривало проект организации библиотек при сельских школах Горецкого уезда [172, ф. 2001, оп. 1, д. 1178, л. 26].

Деятельность обществ врачей, созданных в каждом губернском городе во второй половине XIX в., также эволюционировала от «ученых изысканий» к попыткам удовлетворить местные нужды и потребности, а отсюда - к более широкой общественной деятельности [208; 211; 212]. Так, в Обществе минских врачей, известном своими оппозиционными настроениями, в 1904 г. был прочитан доклад «Врачебное дело в связи с условиями русской жизни», в котором, по словам А. Бонч-Осмоловского, говорилось, что при существовавшем тогда государственном строе никакая борьба с болезнями невозможна; только с уничтожением этого порядка врачебно-санитарное дело может дать хорошие результаты [25, с. 175].

Практически в каждом губернском городе существовали отделения общероссийских организаций: Русского театрального общества, Российского общества защиты женщин, Российского общества покровительства животным, Российского общества Красного креста [172, ф. 2001, оп. 1, д. 1792; ф. 1416, оп. 1, д. 2114; ф. 295, оп. 1, д. 6811]. В Гродно функционировало отделение Императорского русского общества спасения на водах, а в Минске - отделение Общества борьбы с заразными болезнями, в Вильно - отделение Императорского русского географического общества и Императорского русского музыкального общества [195-198]. Представители этих обществ, за исключением Русского географического, назначались в губернии и уезды только по рекомендации губернаторов или, в исключительных случаях, исправников и полицмейстеров [172, ф. 2001, оп. 1, д. 1792, л. 64, 76]. То, что власти фактически могли назначать лояльных руководителей обществ, обеспечивало условия для развития этих обществ в губерниях. Так, отделения Русского театрального общества существовали во всех уездных городах Могилевской губернии [172, ф. 2001, оп. 1, д. 1792, л. 66, 82]. Вместе с тем не малой популярностью пользовались объединения, созданные по инициативе местного населения. Так называемая разночинная интеллигенция составляла большинство в Минском музыкально-драматическом обществе, Гродненском и Могилевском литературно-музыкальных обществах, Мстиславльском музыкально-драматическом кружке и в Пинском обществе любителей театра [172, ф. 295, оп. 1, д. 3130; 197: 1890, с. 33; 198: 1895, с. 77]. В Вильно с 80-х гг. XIX в. существовал «музыкально-драматический кружок любителей», в который входили высокопоставленные чиновники и некоторые мелкие служащие. В 1898 г. в городе был организован Железнодорожный музыкально-драматический кружок, более демократичный по своему составу [195: 1887, с. 71; 1892, с. 73; 1898, с. 72].

В 1892 г. в Минске было создано Общество любителей изящных искусств [294], которое объединяло оппозиционно настроенную часть интеллигенции, чиновников и землевладельцев. В литературной секции этого общества часто обсуждали актуальные общественные проблемы. О либеральных настроениях членов Общества можно судить по тому, кого они приглашали для чтения лекций: С. Венгеров, критик и историк литературы (в 1899 г. отстранен от преподавания по распоряжению министра народного просвещения Боголепова, с 1897 г. был членом комитета Литературного Фонда, одной из самых радикальных либеральных общественных организаций); Ю. Айхенвальд, секретарь философского общества в Москве; Тан (Богораз), этнограф, народоволец,

сосланный позднее за революционную деятельность в Якутскую губернию. С ростом общественного недовольства общество стало принимать все более активное участие в политической жизни. В 1904-1905 гг. оно включилось в «банкетную компанию». Первый банкет был устроен в 1904 г. в здании Городской Думы. На неофициальной части банкета присяжный поверенный Е. Амброшкевич предложил резолюцию с требованием конституции. Второй банкет был проведен в здании Общества и сопровождался даже небольшой манифестацией. В 1905 г. по инициативе С. Ковалика члены общества создали и политический клуб. Либерально и радикально настроенные «любители изящных искусств» оказывали содействие социалистам: для сбора средств на нелегальные цели организовывали спектакли и бенефисы. Губернатор А. Курлов в конце концов закрыл общество. Через некоторое время оно возродилось под названием «Литературно-художественное общество», но просуществовало недолго [172, ф. 295, оп. 1, д. 7666, л. 6-10, 23-28].

В 70-х-90-х гг. возникает новый тип общественных организаций - кредитные, потребительские и производственные кооперативы. Теория кооперативного движения, разработанная либерально-буржуазными экономистами Г. Шульце-Деличем (1801-1883) и Ф. Райгаузенем (1818-1885), стала популярной у интеллигенции и чиновничества в 70-х гг. XIX в. Однако представители «образованных классов» в большинстве случаев не думали о пропаганде потребительских или кредитных обществ среди рабочих и крестьян, так как считали, что народ не в состоянии самостоятельно устроить такие товарищества. Поэтому сначала потребительские кооперативы носили преимущественно аристократический и сословный характер, были основаны не на самостоятельности членов, а на благотворительных или коммерческих началах и очень часто вызывали интерес только как возможность «поиграть в общественную работу» [305, с. 45]. Однако постепенно отношение к кооперативным обществам изменялось. В них стали видеть противовес «социальному движению», средство, которое может помочь бороться с пролетаризацией села и города и даст возможность решить «рабочий вопрос». Поэтому сберегательные или потребительские общества возникали по инициативе предводителей дворянства, председателей земских управ или исправников. В такие общества входили чиновники, рабочие, офицеры, мещане, помещики и т. д. К началу XX в. потребительские кооперативы существовали практически во всех губернских и уездных городах Беларуси [195-198; 259, с. 148].

Наиболее распространенной формой кредитной кооперации стали общества взаимопомощи. Самыми крупными из таких организаций в Беларуси были общества приказчиков, учителей и фармацевтов. Общества взаимного вспомоществования учителей существовали почти во всех городах, где были учебные учреждения. В 90-х гг. были созданы губернские объединения таких учреждений (1897г. - Минской и Витебской, 1899г. - Виленской и Гродненской, 1900 г. - Могилевской). Членами таких обществ могли быть не только учителя, но «лица свободных профессий». Общества были организованы на демократических началах, главными их органами были общие собрания. Важным было и то, что и официально утвержденный «нормальный устав», позволял таким обществам заниматься не только финансовой деятельностью, что открывало путь для проявления самостоятельной гражданской инициативы и приучало к демократическим «нормам деятельности» [12, с. 232].

Часто такие общества не ограничивались чисто экономическими проблемами и постепенно политизировались. Так, Могилевское общество взаимного кредита подало в 1905 г. записку о положении еврейства: евреи, утратив по закону 1892 г. активные и пассивные выборные права в городские думы отказались признать присутствие евреев-гласных, которые назначались администрацией и предложили гласным не принимать участие в думе. Евреи-гласные в городах черты оседлости отказались от выполнения своих обязанностей. Это вынудило оставшихся гласных-христиан принять резолюцию, требовавшую уравнивания христиан в правах с евреями. Из-за подобных происшествий для получения согласия на создание «добровольного общества» часто приходилось доказывать, что его открытие «есть мера совсем не революционная и что она не имеет целью... насильственное нарушение чьих-либо законных прав» [116, с. 216; 201, с. 157].

Таким образом, участие представителей различных социальных групп населения Беларуси в деятельности обществ сельских хозяев, научных, медицинских, культурно-просветительных, кооперативных и других объединений способствовало зарождению того духа «гражданской самодеятельности», который, в конечном счете, содействовал осознанию того, что цели отдельных личностей или групп индивидуумов могут быть достигнуты только на основе решения более общих социальных, политических и экономических проблем.

В конце XIX в. начинается самоорганизация наемных трудящихся. Союзы рабочих возникали в простейших формах касс и обществ

взаимопомощи ремесленников и рабочих. Общества взаимопомощи развивались главным образом в трех направлениях: 1) фабрично-заводские кассы взаимопомощи: в большинстве случаев они не были самостоятельны и действовали под контролем администрации; 2) общерабочие общества взаимопомощи, объединявшие не только рабочих разных специальностей, но и медиков, способных оказать рабочим бесплатную медицинскую помощь; 3) профессиональные общества взаимопомощи ремесленных рабочих. Последние были широко распространены в Беларуси второй половины XIX - начала XX в. В конце 80-х гг. в Минске было создано несколько касс взаимопомощи рабочих обойных и кузнечно-слесарных мастерских, в 90-х гг. кассы взаимопомощи существовали в Вильно, Сморгони, Ошмянах, в 1898 г. было учреждено Общество чернорабочих сукновальных фабрик в колонии Михалово Белостокского уезда Гродненской губернии, в 1900 г. - Общество взаимопомощи тружеников печатного дела г. Вильны для помощи своим членам «во всяких житейских потребностях, в приискании работы, дешевых квартир, оказании медицинской помощи» [20; 21;136]. В 1901 г. рабочие деревообрабатывающих предприятий г. Минска обратились к администрации города с просьбой об организации своего клуба. Предполагалось, что целями этого объединения будут «обсуждение профессиональных интересов, развитие самодеятельности, поднятие нравственного и умственного уровня рабочих» [172, ф. 295, оп. 1, д. 6985, л. 2]. Для этого предполагалось организовать библиотеку-читальню, чайную, где должны были проводиться общие собрания и «народные чтения» [172, ф. 295, оп. 1, д. 6985, л. 2 об.]. Однако Министерство внутренних дел, несмотря на благосклонное отношение к проекту начальника местного губернского жандармского управления, «не признало возможным утвердить устав» [172, ф. 295, оп. 1, д. 6985, л. 20-21].

Необходимо отметить, что значительная часть рабочих обществ взаимопомощи возникала не самостоятельно, а по инициативе хозяев и под покровительством местных властей. Государство было заинтересовано в их открытии, чтобы «изъять рабочих из-под влияния вредных наущений и посредством своевременного и справедливого регулирования их положения избежать принятия «рабочим вопросом» революционного характера». Но кассы и организации взаимопомощи с общими ежегодными собраниями и правлением из выборных членов воспитывали гражданскую активность рабочих: с увеличением числа членов, с развитием практики самоуправления союзы начинали выходить из-под контроля государства. Последнее же от попыток

осуществления либеральных мер по рабочему вопросу перешло, с одной стороны, к полуфеодалному попечительству, а с другой - к полицейским репрессиям по отношению к рабочим организациям. Попытка осуществить программу «полицейского социализма», разработанную начальником Московского охранного отделения С. Зубатовым не изменила ситуацию. В результате произошло то, чего правительство опасалось - объединения рабочих оказываются под влиянием революционных элементов, кассы взаимопомощи рабочих превращаются в кассы стачечной борьбы, становятся средой, откуда рабочие попадали в нелегальные кружки, где ввелась уже настоящая социалистическая пропаганда [21; 136].

Широкое развитие общественной самодеятельности и связь ее с распространением антиправительственных настроений вынуждали царскую администрацию усиливать влияние и контроль государственных структур над общественными. Вместе с тем, оценивая складывающуюся ситуацию, бюрократия понимала, что в целях «общественного успокоения» необходимо создать юридическое пространство для осуществления гражданских инициатив и общественной деятельности. Так, в Свод законов, изданный в 1892 г. уже были включены статьи, указывавшие правительственные органы, которые ведают делами о разрешении частных обществ и утверждении их уставов [261, т. 13, ст. 362, п. 12]. В 1897 г. в ведении комитета министров было оставлено только разрешение акционерных компаний, все же остальные дела по разрешению частных обществ были закреплены за отдельными министрами и главноуправляющими, главным образом, за министерством внутренних дел [206, т. 13, № 13736]. Министерство внутренних дел издало при этом так называемые «нормальные уставы» для тех частных обществ, разрешение образования которых было предоставлено министрам: сельскохозяйственные, потребительные, благотворительные, пожарные, вспомоществования нуждающимся учащимся и др. При условии тождественности уставов и представляемых учредителями проектов, право разрешения образования таких обществ предоставлялось губернаторам. Если устав отличался от нормального, губернатор отправлял его на рассмотрение соответствующего министра или главноуправляющего. Этот новый порядок значительно облегчил техническую сторону образования частных обществ и способствовал развитию общественной самодеятельности.

Необходимо, однако, отметить, что даже при тождественности предлагаемого и нормального уставов губернатор или министр имел право не разрешить образование общества, причем не был обязан сообщать учредителям причины отказа. Нормальные уставы фактически являлись совокупностью правил и условий, при соблюдении которых администрация может, но не обязана разрешать образование частного общества. Все частные общества в соответствии с нормальными уставами состояли в ведомстве того или иного министерства. Общие собрания могли быть созваны и по требованию министерства, губернатора или градоначальника. Губернатор мог распоряжаться имуществом общества при закрытии, имел право закрывать собрания обществ. Общества обязаны были предоставлять ежегодные отчеты губернатору. Невыполнение этого условия могло служить причиной для закрытия общества. Общие собрания могли проходить только под надзором полиции. Мероприятия обществ, даже разрешенные уставом, должны были каждый раз разрешаться властями. Свободные средства обществ могли помещаться только в правительственные процентные бумаги и только с разрешения администрации [6, с 31].

26 апреля 1905 г. был издан циркуляр министерства внутренних дел, предоставивший губернским властям разрешать создание обществ с общепользуемой целью - общественные собрания и клубы, художественные общества и кружки, общества трезвости, спортивные общества, человеко- и детолюбивые, общества покровительства животным, ветеринарные общества, библиотечные общества - при условии точного соблюдения определяемых этим же циркуляром правил [78]. 4 марта 1906 г. издаются Временные правила об обществах, союзах и собраниях, несколько ослабившие контроль властей и расширявшие возможности общественной деятельности. Эти «временные правила» регламентировали образование общественных объединений вплоть до 1917 г. [6, с. 32-33].

Таким образом, если в первой половине XIX в. общественные объединения, носившие научный или благотворительный характер, создавались в основном дворянством, то во второй половине XIX в. социальная база таких объединений расширилась - ими фактически были охвачены все социальные слои белорусского общества того времени.

Развитие сети добровольных общественных объединений, создавало фундамент формирования гражданского общества и, вместе с тем, вынуждало правительство предпринимать шаги в направлении эволюции к правовому государству. Ряд законов, принятых в конце XIX -

начале XX в. свидетельствовал о том, что законодательством было фактически признано существование области гражданской активности, отдельной и отличной от государственных институтов. Вместе с тем, размах общественной деятельности вызывал опасения государственно-полицейских структур, стремившихся ограничить самостоятельность общественных деятелей. То, что в Российской империи не была проведена широкая реформа гражданских прав, привело, как будет показано ниже, наиболее решительных общественных лидеров к необходимости уйти в подполье, чтобы продолжить деятельность, направленную на осуществление политических и социальных преобразований. В результате общественная активность стала развиваться в двух направлениях. Сущность одного выражали понятия «гласность» и «переустройство», сущность второго - слова «тайный», «революционный», «подпольный» [31, с. 279]. На основе и в рамках этих процессов в Беларуси оформлялись и консолидировались общественные движения.

3.2 Либеральное движение

Развитие либерального движения тесно связано с процессом формирования гражданского общества, в котором «отдельный человек выступает освобожденным от естественных связей, которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного конгломерата...в «гражданском обществе» различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость» [132, т. 12, с. 709-710].

Политические события и расширение общественного движения в 1857-1864 гг., знакомство с работами философов и политиков (теория эволюции Ч. Дарвина, либеральная политическая экономия, философия истории Бокля, этика английского утилитаризма, социология Спенсера и О. Конта, политические и экономические работы Дж. Ст. Милля) способствовали популяризации идей и принципов либерализма в «образованном обществе».

Как отмечают многие исследователи, 60-е гг. XIX в. были временем расцвета либерализма в сфере экономической политики в Западной Европе. При этом либеральная политэкономия играла роль не только экономической теории, но и своего рода философии. Именно при ее посредстве идеи либерализма усваивались широкими слоями «образованного общества». Общественность Беларуси знакомилась с

этими тенденциями благодаря варшавским изданиям «*Ekonomista*» («Экономист»), «*Gazeta Handlowa*» («Торговая газета»), «*Przeгляд Tygodniowy*» («Еженедельное обозрение»), в которых сотрудничали А. Светоховский, П. Хмелевский, Л. Микульский, Э. Ожешко и др. Их программа, изложенная в «Еженедельном обозрении» 2 мая 1876 г., требовала «стремиться к прогрессу во имя идей, выработанных нашим веком» [375, s. 9]. Польский историк Р. Перль (Рес) так оценил программу Л. Свентоховского и его сторонников: «Убеждения его были типично либеральными и одновременно они вполне выдерживали цензуру. Свентоховский отстаивал все возможные свободы, кроме политической. Ибо наш буржуазный либерализм родился... в такую несчастную пору, что он готов был бороться со всеми - с богом, традицией, романтизмом, со шляхтой, но только не с царизмом» [Цит. по: 378, s. 35].

Именно под влиянием этих публицистов в пореформенный период в Беларуси распространяется умеренный либерализм позитивистского толка, принявший в качестве программы либеральные варианты теории «органического труда» - «работы у основ» и «либерального индустриализма». Адресатом позитивистской идеологии являлось частное лицо, конечной целью органического труда - идеализированное буржуазно-либеральное (гражданское) общество; сам «органический труд» представлял собой деятельность частных лиц, руководствовавшихся непосредственными частными интересами, но стремившихся при этом к достижению определенных общественно значимых целей. Так, помещикам предлагалось участвовать в работе местного самоуправления, организовывать начальные школы, сельские библиотеки, сберегательные кассы и т.п. Огромное значение придавалось различного рода ассоциациям, причем понятие «ассоциация» могло тогда означать любое объединение частных лиц: научное и благотворительное общество, акционерную компанию, страховую кассу, потребительскую или кредитную кооперацию. Такие ассоциации рассматривались как противостоящие государству организации индивидов для реализации своих интересов, иногда даже враждебных существующему государственному строю. Считалось, что экономическая сфера важнее сферы политики и всегда останется сферой свободной индивидуальной деятельности, не зависящей от государства [188, с. 34-38].

Целью органического труда считалось осуществление либерального общественного идеала посредством деятельности частных лиц, руководствовавшихся непосредственными частными интересами, приносящей полезные плоды. Наибольшей гарантией прочности, считала

Э. Ожешко, обладает предприятие, которое, «не слишком рассчитывая на столь возвышенные качества, как самопожертвование, энтузиазм, героизм, опирается на более низкий, но прочный фундамент честности, умения, трудолюбия и законной выгоды» [Цит. по: 188, с. 39].

Вместе с тем, в серии статей А. Свентоховского и Л. Микульского «Работа у основ», публиковавшейся в «Еженедельном обозрении» в 1874 г., ставилась задача превращения пассивного «люда» в граждански активных членов общества посредством привлечения народа к участию в местном (волостном) самоуправлении, организации начальных школ, библиотек, и сберегательных касс [408, s. 131-132]. Всевозможные ассоциации, по мнению публицистов, помимо своих непосредственных целей, воспитывали у своих членов привычку участвовать в общественных делах. Именно поэтому А. Свентоховский и его единомышленники горячо поддерживали деятельность различных «самодельных» обществ и призывали к созданию новых [385, s. 183]. При этом позитивисты-либералы считали прерогативы государства в социально-экономической области пережитками средних веков, осуждая прямое вмешательство государства в сферу «гражданской жизни» [188, с. 46].

Необходимо также отметить, что программа «органического труда» имела и специфический политический смысл, а именно: считалось, что такая работа является единственно возможной формой легальной деятельности в стране, лишенной нормальной политической жизни [385, s. 178].

Либерально-позитивистские воззрения проникали в Беларусь и благодаря русской прессе. Так, «Вестник Европы», во главе с К. Арсеньевым и А. Пыпиным, проповедовал теорию «малых дел», имевшую ту же идеологическую основу, что и «работа у основ». Они считали, что, «в каком бы положении не находилось общество, всегда найдется сфера, в которой оно может работать себе на пользу» [202, с. 134]. Даже среди радикалов появлялись «реалисты», которые считали, что нет необходимости стремиться к созданию революционной партии. Вместо этого нужно вести подготовительную работу в разных формах, легальных и нелегальных, и в разных слоях, преимущественно среди учащейся молодежи и рабочих. В Беларуси, как и в других регионах империи, основывались различные коммерческие предприятия для «устройства промышленности на разумно-коммерческих началах»: фермы, мелочные лавки, мастерские [192, с. 213-214].

К концу 70-х гг. в среде позитивистов в связи с разной оценкой роли государства в жизни общества, сформировались радикальное (А. Свентоховский) и умеренное (Э. Пильц, В. Спасович) направления. Если в доктринах радикальных позитивистов государству отводилась очень скромная роль, при этом постепенно уменьшавшаяся, то умеренные признавали, что государство является не чем-то внешним по отношению к обществу, а «живым членом этого социального организма и даже его центральным пунктом» [321, с. 454].

Именно последняя позиция легла в основу программы еженедельника «Крај» («Страна»), издававшегося с 1882 г. в Петербурге Э. Пильцем при участии В. Спасовича. На тех же позициях стояла и редакция «Минского листка» (1886-1902), первой частной газеты Беларуси, которая стала голосом либеральной общественности. Публицист «Минского листка» Д. Бохан писал: «Только дружная культурная работа правительства и общества сможет помочь... народу в тяжелой борьбе с его экономическими невзгодами...», средство борьбы с бедностью и неграмотностью народа – «широкая общественная деятельность на ниве народного просвещения» [147]. Вот почему считалось необходимым организовывать в деревне сельскохозяйственные выставки, воскресные чтения и воскресные школы, а в городах - открывать библиотеки, производственные мастерские и курсы, театры и народные музеи [256, с. 93]. Газета пропагандировала деятельность легальных общественных организаций - благотворительных, касс взаимопомощи, крестьянских банков и т.п., призывала создавать ссудно-сберегательные кассы и потребительские кооперативы для народа, оказывать самое широкое содействие сельскохозяйственным артелям и организации мелкого крестьянского кредита [134; 148; 149; 150, 25 янв.; 151; 153]. Авторы «Минского листка» высказывали и либеральные требования о расширении общественного самоуправления, о предоставлении обществу права принимать участие в обсуждении деятельности правительства и ставить перед последним вопросы, относящиеся к разным сторонам экономической и политической жизни [150, 22 нояб.; 152; 155]. Либералы заявляли о своем недовольстве составом городских дум и настаивали на введении образовательного ценза для гласных, поскольку считали, что только образованный класс может стать носителем прогресса (и в этом требования либералов совпадали с тем, к чему стремились консерваторы). Вместе с тем они выступали за отмену сословного самоуправления, прежде всего крестьянского, за то, чтобы крестьяне слились с другими сословиями на почве общих административных, судебных и других учреждений [146; 147].

В Витебской губернии помещное дворянство разработало проект адреса на имя царя, в котором оно просило ввести в западных губерниях земство и даже намечало кандидатов на земские должности [258, с. 108]. Требования расширения земской реформы на территорию «Северо-Западного края», ликвидации сословных перегородок и распространения на все слои населения общих законов и учреждений, гласности и независимости прессы - вот те либеральные идеи, которые находили отражение в статьях публицистов «Минского листка» [257, с. 78-150].

С 1894 по 1897 г. редактором «Минского листка» был либерал К. Зиновьев, связанный с радикально настроенной молодежью и чиновничеством и даже с минскими народолюбцами. В период его редакторства на страницах газеты появлялись статьи социалистов, которые занимались нелегальной деятельностью: А. Богдановича, С. Гриневицкого, И. Плехана; много внимания уделялось освещению тяжелого положения крестьян, ремесленников; критиковалась деятельность городской думы и т.п. [191, с. 83; 256, с. 83].

Необходимо отметить, что либеральные круги вообще сочувствовали общедемократическим задачам, за которые стремились бороться социалисты, а поэтому часто сотрудничали с ними. Либералы жертвовали на пользу политического «Красного креста», помогали забастовщикам, прятали нелегальную литературу. Этому способствовала и тактика народолюбцев, которые считали необходимым «налаживание связей в администрации, войске и обществе» с целью создания «революционной атмосферы» [222, т. 2, с. 173]. Так, помощь минским народолюбцам в 80-е гг. оказывали А. Подольский, помощник секретаря окружного суда, Кобяк, служащий Либаво-Роменской железной дороги, В. Тимофеева, курсистка, дочь директора народных училищ, А. Циминский, чиновник окружного суда и др. [12, № 12, с. 222]. Члены Минского сельскохозяйственного общества - секретарь Ф. Каменский, заведующий складом М. Банковский, инженер Бехли, агрономы Белецкий, Зеленин, Матвеев - не удовлетворялись «малыми делами», чтобы постепенно улучшить существующее положение дел. Они не только обсуждали и критиковали современное им положение, считая необходимым введение демократических свобод, но и помогали социалистам - прятали нелегальную литературу, предоставляли помещения для встреч участников народолюбческих кружков. Инженер Бехли возглавлял механическую артельную мастерскую, которую создали социалисты-народолюбцы. Когда в 1887 г. состоялась забастовка кузнецов и слесарей, то организовать артель для уволенных

ремесленников помогли члены того же минского общества сельского хозяйства. А Ф. Каменский и М. Банковский добились того, что общество обеспечило артель заказами продукции для своего склада сельскохозяйственных орудий [12, № 12, с. 212, 236].

Однако все же либеральная интеллигенция отдавала предпочтение не сотрудничеству с социалистами-нелегалами, а «домашним кружкам». В Минске такие кружки складывались вокруг полковника С. Чапанова, служащего Либаво-Роменской железной дороги Кабяка, гимназического учителя математики и физики А. Доброхотова. Последний имел хорошо подобранную библиотеку книг по естествознанию и общественным наукам, а его либеральные речи пользовались большой популярностью среди ученической молодежи [12, № 11, с. 221]. Кружок либерально настроенных служащих и интеллигенции сложился в начале 90-х гг. в Гомеле [28, с. 118]. В Могилеве либеральная общественность группировалась вокруг С. Езерского. В кружок входили почти все местные интеллигенты: учителя, чиновники, работники публичной библиотеки и библиотеки могилевского общественного клуба [228, ф. 102, д. 222, л. 18, 34]. В таких кружках читали и обсуждали новинки беллетристики, статьи либеральных журналов [3], охотно знакомились и с нелегальной литературой, говорили о несправедливостях общественного устройства, об угнетенном положении рабочих, о деспотизме властей. Либерально настроенная интеллигенция и чиновники пробовали работать с «народом». Так, в Гомеле они создали кружки грамотности для рабочих. На занятиях этих кружков читали книги по всеобщей истории, истории культуры; не обходилось без обсуждения работ Бокля и Дарвина; рабочих обучали письму, географии, арифметике. Много делалось и для роста гражданского сознания рабочих. По инициативе членов того же гомельского либерального кружка рабочие-маляры Гомеля в 1894 г. подали в ремесленную управу петицию, в которой требовали вступить за них и вынудить хозяина ограничить рабочий день 14 часами [28, с. 118, 121]. В условиях жесткого контроля за деятельностью любых гражданских объединений, деятельность таких кружков часто принимала, в конце концов, тайный характер и попадала в разряд антиправительственной и даже революционной, как это произошло, например, с кружком С. Езерского в Могилеве [42, с. 125-127].

Вот почему в это время среди либералов утверждается мнение, что «тайные общества везде и всегда представляются обреченными на бессилие и бесплодие. Они являются плохой школой для политического воспитания народа, так как действуют против нетерпимости

нетерпимостью». Необходимо, «чтобы сознание свободы, ожидание ее на этом пути, служило для нее охраной против революционных стремлений» [8, с. 31-35]. Суть либеральной программы этого периода заключалась в создании вокруг правительства «атмосферы либеральных идей», а общественные организации стали в 70-80-х гг. основным средством осуществления этой программы. При этом понятие либерализма, на первый взгляд, утрачивало определенность содержания. Именно за это в начале 70-х гг. либерализм подвергался критике Н. Михайловским, бывшим в то время редактором «Отечественных записок». В статье «Прежняя либеральная литература» он писал, что если у либерализма 60-х гг. была ясно поставленная цель - эмансипация крестьян, то в 70-х гг. либералы провозглашают «общие места и расплывчатые неопределенности, которые составляют для них суррогат осязательной цели и которые зачернены как самим ходом европейской истории, так и многочисленными разъяснениями его в европейской и русской литературе» [157, т. 2, с. 125].

На самом же деле в 80-х гг. XIX в. либерализм в Российской империи сделал значительный шаг вперед в политическом отношении. Во-первых, либералы действительно много делали для политического воспитания общества, для популяризации идей права и законности, для культивирования «конституционных стремлений». Во-вторых, либеральные публицисты и деятели эпохи 70-х гг. более ясно, чем дворянские собрания 1859-1863 г. представляли себе сущность и значение правового государства, требуя юридического определения и соблюдения хотя бы минимальных прав человека и гражданина. В качестве способов борьбы за осуществление этих требований предлагалось подавать петиции, проводить мирные демонстрации, вовлекать как можно большее число людей в общественное легальное движение. В борьбе за свободы и против реакции в 80-х гг. (борьба против закрытия «передовых журналов», прекращения деятельности женских курсов, нового университетского устава, передачи народных школ в руки духовенства, лишение «гласного суда гласности») формулировалась политическая программа либерализма [15; 108; 119; 120; 158; 260]. В 1881- 1883 гг. под редакцией П. Драгоманова за границей выходит журнал «Вольное слово», основанный обществом «Земский союз». Для «западных окраин» либеральные требования были сформулированы П. Драгомановым следующим образом: «Распространение на все западные окраины земских учреждений, судебной и городской реформы, как они утверждены в остальной России, снятие граней, делящих население по религиям, освобождение

печати и частной инициативы на окраинах» [75, с. 215]. Уже упоминавшийся нами Свентоховский в статье «Политические указания» в сборнике «Огниско» писал: «С либеральной точки зрения... если перед нашими глазами стоит некий ожидаемый ... идеал общества, то он предстает не грозным, закованным в броню государством, а системой отношений, позволяющей всем индивидуальностям развиваться естественно, работать спокойно и разносторонне, проявляя свои стремления... (необходимо) увеличить умственные и материальные силы и всестороннее развитие народа..., соединенные с общим прогрессом, а также демократизации общества, привлекающей к содействию элементы, не пробудившиеся и незрелые» [Цит. по: 202, с. 388].

Во второй половине XIX в. в либеральном общественном движении начали выделяться национальные течения. Евреи выступали преимущественно за равенство и всеобщее избирательное право, поляки выдвигали либеральные требования, ставя на первое место идею национального освобождения, у белорусов либеральные требования сочетались с национально-романтической риторикой.

Таким образом, возникавшие во второй половине XIX в. в Беларуси общественные организации и группы, будучи по сути своей либеральными, занимались не теоретизированием, а разрешением своих насущных проблем, которые в конце концов сводились к установлению гражданских прав и свобод. Одновременно с этим шла консолидация либерального движения на основании осознания необходимости прочного правопорядка и одновременно с этим - политических реформ (свобода слова, печати, собраний, развитие местного самоуправления).

Лидеры либеральной оппозиции Беларуси - И. Виткевич, И. Метлин, А. Александров и др. - вошли в состав Партии народной свободы. Либеральные программы выдвигают и действовавшие на территории Беларуси Еврейский союз равноправия и польская национально-демократическая партия. Однако недифференцированность групповых интересов препятствовала эффективной консолидации либерального движения: поскольку фундаментальным принципом либерализма является жизненно необходимый минимум прав личности (свобода, собственность), в различных политических течениях, которые выражали интересы определенных групп населения, формулировались различные программы с требованием экономических, социальных, религиозных, политических и других прав.

Вместе с тем либеральное движение стало стимулом формирования и одним из первых реальных элементов гражданского общества. Этот аспект общественности устойчиво развивался в Беларуси вплоть до 1917 г.

3.3 Консервативное движение

Во второй половине XIX в. активизировался процесс консолидации консервативно мыслящей публики. Консерватизм становится более «цивилизованным», уходят на второй план религиозный обскурантизм и феодальный романтизм. Так, В. Велогловский, издатель сборника «Огниско» (Варшава, 1860-1865 г.), оставался защитником церкви и религии, говорил о необходимости сохранения в обществе социальной иерархии, не признавал идеи равенства, поскольку она, по его мнению, противоречит природе человека, подчеркивал заслуги шляхты и аристократии в общественной жизни. Вместе с тем, он понимал необходимость ограниченных социальных реформ; выступал за независимость государства от церкви, признавал достижения прогресса и материальной цивилизации. В. Велогловский критиковал романтическое отношение к общественной деятельности, которое, по его мнению, приводило к «иллюзорным мечтам» или «плачу над гробом» и говорил о необходимости упорного каждодневного труда. «Есть только три вещи, которые могут спасти народ, - писал он, - разум, труд и капиталы» [385, с. 209].

Вместе с тем, консерваторы атаковали содержание либеральных концепций, основанных на доктрине естественного права, ставили под вопрос идеи естественного состояния, общественного договора, принципы суверенности народа и прав человека; основополагающими для них были понятия «история», «жизнь», «нация» [63; 104; 131; 275; 344; 399].

Отказавшись от религиозного обскурантизма, консерваторы стали рассматривать религию как инструмент, поддерживающий в обществе определенное нравственное состояние [289, с. 241]. Наряду с религией большую роль в поддержании баланса и порядка в обществе консерватизм отводил и сословно-корпоративным формам общественной жизни. Городская и сельская общины, цех, сословная иерархия, с точки зрения консерваторов, выполняют связующую роль между индивидом и государством, предотвращают их взаимное отчуждение. Консерваторы считали, что равенство, разрушающее эту иерархию, оставляет индивида беспомощным перед лицом центральной власти. В то время,

как промежуточные структуры (сословные институты) выполняют стабилизирующую и охранительную функцию, без них происходит разрушение «естественного порядка» в обществе, его дезорганизация. Вообще порядок и стабильность - основные ценности консерватизма. Так, австрийский канцлер Меттерних говорил: «Слово «свобода» является для меня не исходным, а конечным пунктом. Исходный пункт - это слово «порядок». Свобода может покоиться только на понятии «порядка» [Цит. по: 56, с. 24]. Критикуя рационализм XVIII в., консерваторы утверждали, что человеческий рассудок ограничен, поэтому «движение жизни и истории», опыт и традиция всегда предпочтительнее абстракций, логики и любых грандиозных проектов преобразования действительности.

Крестьянская и судебная реформы, реформы местного управления вынуждали консервативно настроенные круги не только формулировать свои представления о государственном устройстве, положении сословий, отношении к собственности и т.п., но и предъявлять их в форме требований к правительству. Так, в записке Главному комитету по крестьянскому делу предводитель дворянства Виленской губернии А. Домейко[4] высказал следующие соображения. «Редакционная комиссия, желая все устроить, предвидеть, регламентировать, предрешает все вопросы и обязывает народ составить счастье свое непременно по предначертанному закону, но не согласно нуждам самого народа, разные начала реформы и многие системы преобразования применяются к одной стране. Комиссия не придерживается по Литовской губернии одной системы, не действует постепенно, но произвела какую-то смесь систем вместе и всех будущих вопросов с вопросами, возбужденными в настоящее время. Вследствие такого желания осуществить и устроить все одновременно и вдруг, не достигнута обеспеченность крестьян, выход из крепостной зависимости, но достигнуто 1) нарушение прав собственности... помещика посредством необеспечения следующего ему повиновения; 2) нарушение нынешнего хозяйственного устройства целого края посредством непостепенности и непоследовательности в действиях; 3) передача крестьян в жертву должностных лиц сельского общества, а крестьян и помещиков в руки чиновничества, посредством постановлений, клонящихся к разъединению их между собою» [228, ф. 1180, оп. 1, т. 15, д. 82, л. 415-416 об.]. В этой короткой цитате нашли отражение все основные принципы консерватизма: постепенность, естественность эволюции; соответствие местным условиям и традициям; сохранение собственности и порядка.

Минский коллежский ассессор П. Мальшевич также высказывал озабоченность сохранением порядка и справедливости при проведении реформы: «В реформе принимают участие три стороны - правительство, помещики и крестьяне. От правительства требуется, чтобы реформа не сделала ощутительного потрясения в хлебопашестве» [228, ф. 1180, оп. 1, т. 15, д. 82, л. 323]. Типично консервативным является и его отношение к проблеме перераспределения собственности в процессе проведения реформы. П. Мальшевич считал, что права собственности на землю нарушались, так как помещики не по доброй воле соглашались на выкупную сделку. Выход из этой ситуации он видел в обеспечении крестьянам возможностей для «приискания капитала», чтобы они могли сразу выкупить свои участки. Таким образом, по мнению П. Мальшевича, сохранялся баланс между «собственностью и справедливостью» [282, ф. 1180, оп. 1, т. 15, д. 82, л. 323-325].

События, связанные с восстанием 1863-1864 гг. дали толчок к становлению антидворянского консерватизма, который в попытках сплотить «русский народ» приобрел даже своеобразную демократическую окраску и который играл особенно большую роль в Беларуси (в жизни чиновничества чтение катковских «Московских ведомостей», которые проповедовали такой консерватизм, «сделалось такою же необходимостью как исполнение служебных обязанностей» [162, с. 105]). Основу этого течения по-прежнему составляли принципы сохранения порядка и лояльности по отношению к существующей власти. «Польше, равно как и России, нужны теперь не какие-либо так называемые либеральные меры: той и другой стране в совокупности нужны более твердые и крепкие основы законного порядка. Нужно, чтобы общественная жизнь держалась на таких основаниях, которые не могли бы подвергаться никаким сомнениям и продвигаться по произволу ни в дурную, ни в хорошую сторону», - писали «Московские ведомости» в 1863 г. [161]. К этому присоединялось понимание народности не только как исторически выработанного соответствия самодержавия обычаям и традициям народа, но и как прямой и открытой поддержки народом этой власти, сознательного признания им этой власти своей. Именно поэтому М. Катков поддерживал и защищал действия, предпринимавшиеся в Северо-Западном крае Н. Муравьевым. Его не смущали ни преобразования, проводимые последним, ни карательные меры против восставших, ведь консерватизму свойственно именно сочетание преобразований и реформ с организацией и юридическим обеспечением карательных действий и мер во имя сохранения порядка.

Тенденции антидворянского консерватизма прослеживаются в публикациях «Вестника Западной России». Критика ультра-крепостнического польского дворянства [32, кн. I, с. 161] сопровождается надеждой на «поворот польского просвещенного общества к тому современному порядку, где общественному деятелю нельзя опираться на одни ... гоноры предков, где личные заслуги, личный труд должен выдвигать человека из массы народной... потому что умнейшему и способнейшему, кто бы он ни был, естественно должно быть честным слугою народа» [32, кн. III, с. 303-304].

Эволюционный консерватизм, начавший оформляться еще в первой половине XIX в., проявлялся теперь в участии в осуществлении программы «органического труда» и стимуляции «национальной жизни», не только в культурной (научные и культурно-просветительные общества), но и в экономической области (развитие кооперации и ссудно-кредитного дела). При этом консерваторы призывали к классовому миру [168, с. 24-27], однако, в целом, не приняли программу «органического труда», критикуя ее за «низкий материализм», который не только не улучшит быт народа, но и станет дорогой к упадку «религии и моральности» [381, t. 3, s. 59-60, 116-117; t. 4, s. 44]. Такая позиция определяла безразличие консервативных кругов Беларуси к общественной деятельности. Им казалось, что достаточно сформулировать свои представления об общественном устройстве, государственном порядке, состоянии сословий, отношениях собственности и довести их до сведения царской администрации, которая сама позаботится о принятии необходимых мер.

Главным желанием консерваторов в этот период становится, как отмечал министр внутренних дел П. Валуев, «восстановление дворянства и землевладения, поскольку без этих элементов, консервативных и здоровых, не может существовать правильно организованное общество» [Цит. по: 306, с. 70]. Важным было и сохранение сословно-корпоративных форм общественной жизни, без которых, по их мнению, наступало разрушение общественного порядка, а произвол бюрократии ничем не ограничивался [35; 41]. Идея сословного дворянского представительства приобретала в Беларуси своеобразные оттенки, поскольку здесь отсутствовали дворянские собрания - центры объединения консервативно настроенного дворянства в империи. «Землевладелец лишен основного права дворянства выбирать представителей и защитников сословных интересов, - писал в 1875 г. в «Заметках о Северо-Западном крае» один из членов поверочных

комиссий. - Назначение предводителей дворянства передает все сословные интересы дворянства в зависимость от местной администрации, которая со времени последнего мятежа получила значительный перевес в Западном крае и относится крайне недоброжелательно вообще ко всем сословным и имущественным интересам дворянства. Исполнительный орган администрации - полиция, привыкнув грубо обходиться с польским дворянством, нередко задевает и русских людей... трудно найти поддержку и необходимую оборону в бюрократически сплоченном административном кружке. Как мировой судья, назначенный от правительства, землевладелец ощущает постоянные попытки администрации подчинить его ...своему влиянию. Все способы борьбы с польщизной ограничиваются фактической передачей влияния во всех общественных и сословных учреждениях администрации, посредством чего эти учреждения могут совсем утратить, свой характер, который определяется законом» [227, ф. 629, д. 366, л. 68-69]. В 1884 г. поместное дворянство Виленской губернии обратилось в Виленскому генерал-губернатору с ходатайством о разрешении дворянских съездов, которые были запрещены в 1863 г. [258, с. 108]. Идея сословного дворянского представительства и сохранения сословного деления общества соединялась с желанием сохранить дворянскую опеку над крестьянами. Такое патерналистское настроение было очень сильно в консервативных кругах Беларуси: требовали сохранения общины на востоке Беларуси, сохранения патриархальных отношений в крестьянской семье, запрещения семейных разделов земли, контроля или попечительства помещиков над сельскими обществами и ссудно-сберегательными кассами, выступали против переселения крестьян или требовали поставить его под жесткий контроль администрации. Так, авторы многочисленных корреспонденций в губернские газеты утверждали, что крестьяне не способны управлять своими делами самостоятельно, предлагали ввести в состав волостных судов помещиков, фабрикантов, духовенство [34; 37; 39; 141; 256, с. 45-46].

Вместе с тем, консерваторы были сторонниками широкого местного самоуправления, поскольку были уверены, что большинство в органах местного самоуправления составили бы «охранительные элементы» [227, ф. 629, д. 366, л. 70]. Стремление ослабить бюрократию и использовать предполагаемую конституцию как средство легитимации традиционных носителей власти было характерно для попыток консерваторов разработать основы реформы государственного строя. В 1882 г. с предложением таких изменений анонимно выступил «польский дворянин

и русский подданный», житель «Северо-Западного края». Автор проекта предлагал «более или менее широкое гражданское самоуправление, организованное таким образом, чтобы преимущественное влияние в нем принадлежало имущим и интеллигентным классам». В качестве первоначальных мероприятий предлагались издание императорского манифеста о «наступлении новой эры» и административная децентрализация. В соответствии с проектом, конституция, дарованная императором, должна была утвердить следующую государственную структуру. Национальное представительство складывается из Боярской думы и Земского собора. В Боярскую думу входят представители выбранных императором «благородных родов», которые являются наследственными членами думы, представители земства, ректоры университетов и главы важнейших городов империи; в Земский собор входят депутаты от каждого уезда и городов в зависимости от количества населения [231].

Консервативно настроенные помещики даже в конце XIX в. стремились задержать капиталистическую эволюцию послереформенного села, не допустить создания обезземеленного пролетариата. И в этих стремлениях они готовы были опираться на либеральные общественные силы. Вместе с либералами они предлагали признать крестьянский надел неотчуждаемой собственностью сельских обществ и дать членам обществ только право наследственного владения землей [143; 144]. Объединяло либералов и консерваторов и так называемое «культутрегерство». Как и либералы, консерваторы считали, что необходимо преодолеть недоверие крестьян к передовым средствам ведения хозяйства и распространять среди них передовой сельскохозяйственный опыт. Однако, по мнению консерваторов, это было миссией средних и мелких помещиков, священников и сельских учителей [142; 147]. Примером такой работы была для них ремесленно-хозяйственная мастерская с учебной фермой, созданная при Новосельской церкви Игуменского уезда для детей местных крестьян [172, ф. 295, оп. 1, д. 2444]. А забота об улучшении экономического положения дворян вынуждала идеологов консерватизма косвенно добиваться расширения прав «нерусских национальностей». Так, в «Заметках о Северо-Западном крае» говорилось о том, что землевладельцы края «лишены основного права собственности - права пользования», поскольку они не могут заключать сделки с лицами польского и еврейского происхождения, сдавать в аренду и продавать им земельные участки [227, ф. 629, д. 366, л. 70].

Таким образом, хотя последние десятилетия XIX в. характеризовались выработкой некоторых положений «политического консерватизма», отсутствие в Беларуси дворянских собраний, которые к концу века стали выразителями интересов консервативного дворянства, стало причиной того, что консерватизм как политическое движение не смог четко оформиться и консолидироваться. Вместе с тем, консервативное общественное движение как форма социальной активности индивидов, связывавшее «частную» и «общественную» сферы, наряду с развитием других общественных движений и формированием сети общественных объединений, стало одним из факторов формирования гражданского общества.

3.4 Радикализация общественного движения и распространение социалистических идей. Нелегальные общественные объединения

Нелегальная оппозиция Беларуси, отождествлявшая себя во с революционной традицией, была структурирована в виде различных тайных кружков и обществ. Вплоть до последних десятилетий XIX в. эти группы были малочисленными, их влияние на широкие массы общественности было невелико. Теоретически ориентированные члены этих кружков были заняты поиском идеологии, в рамках которой можно было бы выразить свои цели и идеалы.

Как отмечалось в предыдущих главах, для них все большую привлекательность приобретали идеи социализма[5]. Многие идеологи раннего социализма (А. Сен-Симон, Ш. Фурье, В. Вейтлинг, П. Леру, Ф.Р. Ламенне) придавали большое значение религии. Даже критики христианства считали, что на место христианства все же должна прийти новая религия - религия человечества.

Именно идеи христианского социализма стали распространяться среди радикальной молодежи Беларуси в первой половине XIX в. Практически во всех кружках читалась и обсуждалась книга Ф. Ламенне «Слова верующего» (1834 г.), в которой в форме библейских псалмов и евангельских притч критиковался буржуазный политический и экономический строй, как противоречивший требованиям истинной религии. Однако до конца 40-х г. XIX в., идеи социализма, как таковые, практически не обсуждались, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом, требованиям конституции и восстановления Речи Посполитой [112; 163, с. 20-22; 166, с. 537].

Как уже отмечалось, события «весны народов» привели к появлению «социального радикализма». Фурьерист П. Ястржембский[6], контактировавший с представителями радикальной оппозиции Беларуси в 1848 г., отмечал, что опыт и теория показали невозможность победить нищету посредством общественной благотворительности, касс сбережений, технического образования. «Все мыслители, которые более добросовестно занимались этим предметом и старались решить вопрос общественный (социальный, названный так в противоположность политическому, в последнем исследуется решение о лучшем образе правления, в социальном - об устройстве счастья общества, Societe, и преимущественно частных лиц, посредством хорошего образа правления промышленности), - все эти мыслители назывались социалистами», - писал он [58, т. 2, с. 201-207]. Именно произведения таких мыслителей начали привлекать внимание радикалов Беларуси: сочинения П. Прудона, А. Блана. П. Леру нередко вызывали обсуждения и споры [161, с. 561-562].

Однако в Беларуси в этот период новые «социальные» идеи еще не подвергались тщательной идеологической проработке. Надежда на осуществление политического «польского восстания», на которую накладывались сообщения о революционных событиях в Европе и близость границы, ощущение непосредственной связи с европейскими событиями звали к немедленному действию. Поэтому все социальное беспокойство этого периода вылилось, в конечном счете, в традиционные для территории формы политического восстания за восстановление Речи Посполитой.

Начало более широкого распространения социалистических идей в среде радикальной оппозиции Беларуси связано с деятельностью Большого общества пропаганды - «чайковцев» (Москва, Петербург) на рубеже 60-70-х гг. XIX в. Основной задачей истинно народной партии [7] кружковцы считали «уничтожение экономического барства и современного государственного строя «путем социальной революции», поскольку мирные реформы ничего не дадут. Готовить революционный переворот, по их мнению, необходимо было «непрерывно в среде крестьянства и городских рабочих» [291, с. 68-70].

Именно благодаря «чайковцам» сочинения Н. Чернышевского, А. Добролюбова, В. Флеровского, Д. Милля, Г. Бокля, А. Блана, О. Вермореля. Ф. Лассаля, а также работы К. Маркса («Капитал», «Гражданская война во Франции»), «Исторические письма» П. Лаврова, книги В. Флеровского («Положение рабочего класса в России» и «Азбука

социальных наук») и др. стали распространяться и в Беларуси. Члены кружка устанавливали связи с некоторыми из петербургских издателей и брали у них «на комиссию» необходимые издания. Затем эти издания распространялись кружком в Петербурге, Москве и в провинциальных городах [126; 258].

Жители Вильно А. Зунделевич и Я. Финкельштейн были ближайшими сотрудниками петербургского кружка чайковцев [60, ф. 419, оп. 2, д. 531, л. 65]. А. Зунделевич и члены его кружка в Вильно организовали систематическую доставку литературы в Беларусь. Так, в начале 1875 г. виленский полицмейстер доносил начальству, что «в недавнее время ввезено в Вильно огромное количество книг на французском, польском и русском языках - изданий социал-революционных партий в Европе» [Цит. по: 258, с. 43]. Кружок виленских социалистов снабжал литературой членов других нелегальных кружков в Гомеле, Минске и др. [228, ф. 109, оп. 3, д. 351, л. 7об.].

А потребность в литературе у многочисленных кружков самообразования была велика. К 1875 г. кружки самообразования, которые работали по программе «чайковцев», существовали почти во всех городах Беларуси [172, ф. 295, д. 3021, л. 11]. Минский губернатор писал, что «направление этих кружков социально-революционное», что кружковцы читают произведения Лассаля, Маркса, Дарвина, Прудона, но одновременно «мечтают об автономии Польши» и выступают против русификаторских мер правительства [Цит. по: 42, с. 125].

В среде радикальной оппозиции Беларуси появились «независимые активисты» (Я. Виторт, Л. Смоляк (Пожарийская), Н. Соколов, А. Зунделевич (Вильно), С. Бельский (Гродно), М. Рабинович - Черный (Шварц), вокруг которых стали группироваться оппозиционно настроенные элементы. Эти группы занимались, в основном, «добыванием» литературы (не обязательно запрещенной цензурой), ее чтением и обсуждением. Так, А. Богданович вспоминал о генезисе кружка самообразования в Несвиже: «Молодой предприимчивый еврей открыл букинистическую лавочку, которая служила и библиотекой для чтения ... а затем у него в квартире при той же лавочке были книги из числа изъятых из школьных и публичных библиотек, как сочинения Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Шелгунова, которые он выдавал из-под полы людям надежным... Я от него получил сочинения Лабуле о социализме, Михайлова, Флеровского «Рабочий вопрос», Милля «Политическую экономию» с примечаниями Чернышевского и даже нелегальную брошюру Шеффле «О сущности социализма» [24, с. 27].

Необходимо отметить, что теоретические позиции членов таких кружков были крайне расплывчатыми. Описывая «идеологию» этих групп, исследователи не могут найти в источниках ничего, кроме общих утверждений типа: «Освобождение России от ига властолюбивого ее притеснителя, спасение всего русского народа от невежества и тьмы кромешной, в которой старается правительство напрасно продержатъ его подольше, есть, конечно, дело важное, дело великое. Совершить это должны мы, господа!» [271, с. 122].

Неопределенность идеологической ориентации белорусской нелегальной радикальной оппозиции сохранилась и в период деятельности «Земли и воли» 70-х гг. Наиболее понятным и возможным способом деятельности для тех, кто пытался своей работой помочь разрешению «социального» вопроса была организация артелей, библиотек, совместное чтение и обсуждение литературы и т. п. Так, например, в 1873 г. в Вильно женский кружок Л. Смоляк основал библиотеку социалистической литературы, ставил своими задачами устройство касс взаимопомощи среди рабочих и ремесленников, организацию мастерских на артельных началах и т.п. [42, с. 121]. По воспоминаниям А. Зимионко, предпринимались попытки организации рабочих артелей в Минске [79, с. 153-154].

Активисты-радикалы принимали участие и в широко развернувшемся «хождении в народ». Как известно, это движение потерпело неудачу, так как крестьяне не желали ни прислушиваться к социалистической пропаганде, ни реагировать на социалистическую агитацию. Радикально настроенная молодежь обнаружила, что в народе существовали глубоко укорененные социальные институты (община) и настроения (преданность монархии и подозрение к интеллигенции). Было решено применить новую тактику и начать создавать колонии и поселения, чтобы жить среди народа; не учить народ, а учиться у него, то есть выявлять народные нужды и потребности. Неудачные попытки «летучей пропаганды» социализма подтвердили правильность представления об ассоциации как наиболее эффективного пути к новому строю. Эта стратегия была сформулирована М. Натансоном и А. Михайловым, которые в 1876 г. организовали Северную революционно-народническую группу - организацию, на основе которой впоследствии возникла вторая «Земля и воля». [8]

Когда вторая «Земля и воля» уже достаточно ясно сформулировала социалистический идеал в качестве цели борьбы, только некоторые нелегальные кружки в Беларуси четко определяли свои идейные

позиции. Так, Ф. Григорьева (одного из членов могилевского кружка С. Езерского) считали народником, поскольку, книги он приобретал с целью «распространения в народе». Членов того же кружка Г. Фетисову и Ж. Милютину характеризовали как решительных, активных нигилистов [42, с. 125]. Горецкий кружок М. Выржиковского имел целью «добро не только русского народа, но и всего цивилизованного мира», а средством достижения цели считалась социальная революция, то есть «полный переворот в политических, экономических и бытовых отношениях». Каждый «убежденный» должен был стремиться в массы крестьянства - «земледельческую или фабричную» - и пропагандировать несовершенство государственного строя и общества, показывать причины этого и убеждать, что улучшения можно добиться только путем общеевропейской революции [42, с. 129-130]. Кружок Я. Виторта и И. Жонголовича в Вильно был, по сути, просто нигилистическим кружком с польским националистическим оттенком. «Кружок имел целью распространение в народе..., радикальных взглядов на религию, развитие самостоятельности женщин и т.д.... Вместе с тем предусматривалось через поддержание польского языка препятствовать обрусению края и сохранить польскую национальность» [42, с. 142]. А вот члены кружка М. Велера и М. Рабиновича в Минске (1876 г.) уже работали среди рабочих и сознательно искали связей с польской социалистической партией «Пролетариат» [302, ф. 19, оп. 1, д. 33, л. 50]. Члены кружка А. Богдановича в Минске (80-е гг.) знакомы с «Манифестом коммунистической партии», историей революционного движения и классовой борьбы и, хотя считали себя народолюбцами, связей с этой организацией не имели. Как архивные материалы, так и выводы исследователей нелегального кружкового движения говорят о крайней пестроте и неопределенности взглядов членов этих кружков [60, ф. 378, оп. 3, д. 131, 121, 156; ф. 419, оп. 1, д. 6, 5; 213, с. 181].

Даже после раскола «Земли и воли»[9] радикалы Беларуси, в сущности, не решили вопрос о теоретическом самоопределении. Поскольку связи кружков Белоруссии с группами в Москве и Петербурге осуществлялись посредством личных контактов, которые были очень важны (прежде всего, для получения информации, литературы и теоретического руководства), постольку и ориентация этих кружков при расколе определялась этими факторами. В первой половине 80-х гг. активную деятельность на территории Беларуси развернули «Черный передел», а затем Северо-западная организация «Народной воли» и польская партия «Пролетариат» [21; 240; 247; 248; 254; 258]. Эти обстоятельства не дали возможности группе «Гомон» объединить кружки Беларуси на основании

общей теоретической программы. А между тем это была группа с четкими, ориентированными на «местные нужды» программными установками, полностью отождествившая себя с социализмом: «Мы - белорусы, так как мы должны бороться во имя местных интересов белорусского народа и федеративной автономии страны; мы - революционеры, потому что, разделяя программу борьбы «Народной воли», считаем необходимым принять участие в этой борьбе; мы - социалисты, потому что нашей главной целью является экономическое улучшение страны на началах научного социализма» [213, с. 67]. Гомоновцы считали, что в России нет сил, готовых вступить в борьбу с существующим правительством кроме социалистов. Деятельность же последних имеет целью «распространение идей социализма среди масс и интеллигенции путем печати и устной пропаганды. Они должны привлекать в свою среду как можно больше членов и содействовать возникновению различных ассоциаций, артелей и мелких революционных групп... пользуясь для этого как легальными, так и нелегальными средствами» [213, с. 62]. Кроме того, члены группы «Гомон» достаточно четко представляли процесс осуществления социалистической революции, разделяя его на два этапа: «Если непосредственная задача социальной революции - низвержение монархического строя, то вслед за этим неминуемо явится вопрос - кто займет место самодержавия... Мы должны противопоставить тесно организованные силы, чтобы ... привлечь на свою сторону трудящиеся массы, разъясняя народу его нужды и интересы путем возможно более широкой пропаганды и агитации и указывая на средства к их удовлетворению... (Социалисты) первые указывают народу, что делать и открывают второй акт революции» [Цит. по: 256, с. 176]. Вообще, можно даже утверждать, что в теоретическом отношении позиции группы «Гомон» были близки к принципам «научного социализма» (марксизма), который утверждался в этот период как господствующее направление в европейской социал-демократии.

Однако социалисты Беларуси были недостаточно знакомы с марксистской литературой. Термин «научный социализм» ничего не говорил местным радикалам, которые имели смутное представление об идеологических разногласиях социалистов Европы, а привычка «выбирать между польским и русским» мешала самостоятельно мыслить. Мировоззрение нелегальной оппозиции того времени ограничивалось в философском отношении материализмом и атеизмом, в политическом - анархизмом и коммунизмом. Такой же характер носила и начинавшаяся тогда пропаганда среди рабочих: «Пропаганда в рабочих кружках того

времени заключалась в анализе экономических основ капиталистического строя и попытках изобразить социалистический идеал. Политических вопросов почти вовсе не касались и поэтому политические взгляды рабочих (и не одних только рабочих) представляли смесь анархического бакунизма и якобинства...» [2, с. 240]. Характер этого движения довольно точно отражен в рапорте могилевского губернатора А. Дембовецкого министру внутренних дел 12 мая 1879 г.: «Движение это имеет характер социально-революционного. Оно состоит в постоянном получении всевозможных произведений самой крайней революционной печати, всех самых новейших журналов, издававшихся Санкт-Петербургскими подпольными типографиями, в чтении этих изданий поодиночке и в собраниях, происходящих попеременно у главных лиц, в совращении кого только можно, и в стремлении распространять между учащимися, между рабочими и крестьянами революционные мысли и понятия» [302, ф. 19, оп. 1, д. 33, л. 17].

Нелегальные кружки социалистической ориентации имели чрезвычайно размытую и неопределенную структуру. Так, кружок А. Богдановича в Минске представлял собой, в сущности, неоформленную группу индивидуумов. «Во время каникул съезжались революционно настроенные сельские учителя и проводили совещания, на которых обсуждали злободневные вопросы общественной жизни и революционного движения, обменивались нелегальной литературой, знакомились с новыми книгами, полученными из центра» [2, с. 240].

Важно отметить, что, члены нелегальных кружков Беларуси этого периода были преимущественно практиками-организаторами. Для деятелей такого типа идеологические дискуссии между социалистами-марксистами и социалистами-революционерами не играли, по крайней мере, в начале деятельности, важной роли. Важна была конкретная «революционная» работа, независимо от того, под каким названием она ведется. Благодаря активной деятельности российских социал-демократов (прежде всего группы «Освобождение труда») и активистов – марксистов (Э. Абрамович, И. и Е. Гурвич и др.) большинство социалистически-ориентированных групп и кружков Беларуси перешли в конце 80-х гг. на социал-демократические позиции [20, 21; 136; 277]. [10] Вместе с политизацией социалистической идеологии меняются и организационные формы движения. До этого оно, как было показано выше, существовало в рамках идейно и организационно нечетко оформленных кружков. Структура же социал-демократических групп отличалась жесткой централизацией; их члены должны были активно

участвовать в деятельности организации; в рамках социал-демократических объединений создавались также вспомогательные структуры - просветительно-культурные, взаимопомощи и т.п., устанавливались контакты с профессиональными союзами. Так возникал абсолютно новый тип объединений- организованные национальные политические партии (СДКПиЛ, БУНД, РСДРП, БСГ и др.) [20; 21; 255].

На основании всего вышеизложенного процесс формирования и консолидации социалистического движения на территории Беларуси в XIX в. можно представить следующим образом. Еще в начале столетия в Беларуси существовала радикальная политическая оппозиция. В рамках этой оппозиции социальные вопросы возникали постольку, поскольку необходимо было решить вопрос о будущем социальном строе независимой Речи Посполитой. События революции 1848 г. способствовали переориентации оппозиции: все чаще начинают обсуждаться вопросы не государственного, а общественного устройства, что способствовало распространению интереса к социалистическим идеям. Возникали различные формы агитации, дискуссий и пропаганды, создавались кружки и неформальные группы людей, объединенных осознанием общности целей. Однако они еще оставались свободными союзами, лишенными устойчивых отношений между его членами. Именно такими были кружки радикальной оппозиции Беларуси в 60-70-х гг. XIX в., где начинают распространяться социалистические идеи. В 80-х - 90-х гг. в Беларуси начал распространяться социализм марксистского толка, шла борьба марксистов с представителями других направлений социалистической мысли, социалистическое движение политизировалось. И конец XIX - начало XX в. для социалистического движения в Беларуси - это, прежде всего время четкого идеологического самоопределения и создания социалистических партий. Важно отметить, что одновременно с этим шел процесс консолидации национальных социал-демократий.

В целом же для процесса самоорганизации общественных сил и становления общественных движений в последней трети XIX- начале XX в. характерным было следующее. В этот период формируется сеть легальных общественных объединений, расширяется их социальная база - ими в той или иной степени были охвачены все социальные слои белорусского общества того времени. При всех существовавших различиях эти общественные организации отражали появление независимого общественного мнения, гражданского сознания и стремления к самостоятельной общественной деятельности.

Участие представителей различных социальных групп в деятельности добровольных обществ способствовало утверждению духа гражданской самодеятельности, который, в конечном счете, содействовал осознанию того, что цели отдельных личностей или групп могут быть достигнуты только на основе решения более общих социальных, политических и экономических проблем. Размах общественной деятельности вызвал опасения государственно-полицейских структур, стремившихся ограничить самостоятельность общественных деятелей. Наиболее решительные лидеры вынуждены были уйти в подполье, чтобы продолжить свою деятельность, направленную на осуществление политических и социальных преобразований; радикальные настроения эволюционируют в сторону социализма. Развитие социалистического движения привело к возникновению абсолютно нового типа организаций с жесткой централизацией. На рубеже XIX-XX в. происходит также консолидация и организационное оформление либерального движения. Хотя политический консерватизм не смог четко оформиться в общественно-политической мысли, консервативное общественное движение как форма социальной активности индивидов, связывавшая «частную» и «общественную» сферы, наряду с развитием других общественных движений и формированием сети общественных объединений, стало одним из факторов формирования гражданского общества.

[1] Существует гипотеза о религиозных корнях гражданского общества [383]. В деспотиях, где, по определению, нет других средств защиты индивида, религия - единственная сила, которая может противостоять воле государство, замечал еще Ш. Монтескье [160, с. 176]. В демократических странах ассоциации, подобные церковным конгрегациям, обеспечивали возможность избежать угрозы демократического деспотизма [290, с. 129]. Американский политолог Р. Пантэм подчеркивала значение религиозных братств для формирования гражданских традиций в Северной Италии [200, с. 159].

[2] После восстания 1863 г. сторонники Н. Муравьева предложили возродить братства в целях распространения и укрепления православия.

[3] «Новое слово», «Мир божий», «Научное обозрение», «Жизнь», «Вестник Европы», «Крај» были сравнительно широко представлены во многих общедоступных библиотеках в Минске, Гродно, Могилеве, Витебске, Ошмянах [60, ф. 378 оп.1., д. 4, ч. 1, л. 81; 277, с. 87-89].

[4] Домейко А.Ф. (1804-1878), с 1855 г.-предводитель дворянства Виленской губернии, противник повстанческого движения, с 1863 г. сотрудничал с Н. Муравьевым. Приговорен радикалами к смертной казни, однако покушение было неудачным.

[5] Обычно попытка Бабефа свергнуть правительство Директории в 1796 г. рассматривается как начало реального социалистического движения. Уже в первом десятилетии XIX в. начали обсуждаться проблемы, связанные с эксплуатацией рабочих и ухудшением условий их жизни с развитием машинного производства. Широкую популярность в Европе приобретают произведения графа А. Сен-симона, который считал, что антитезой буржуазному индивидуализму и духу наживы являются трудовые ассоциации. По его мнению, ассоциации при сохранении доминирующей роли религии могли помочь постепенно преодолеть общественный антагонизм между бедными и богатыми. В 1832 году во французском журнале «Глоб» учение Сен-Симона и его последователей было названо социализмом, и с этого времени слова «социализм» и «социалисты» получают широкое распространение. Главную причину социального зла социалисты видели не в самом государстве, а вне его (до этого существовали только государственно-политические концепции установления справедливых порядков - замена монархии республикой и т.п.). Сен-Симон писал: «Законы, определяющие характер властей и форму правления, не так влияют на благосостояние нации, как законы, устанавливающие собственность и способы пользования ею... Государственное устройство - только форма; конституция собственности - вот в чем суть». Кроме идей равенства и общественной собственности на средства производства, центральной идеей социализма являлась идея сообщества (противопоставляемая индивидуализму, ведущему к дезинтеграции общества), в котором человек может использовать все свои возможности.

[6] П. Ястржембский (уроженец Речицкого у., Минской губ.) учился в виленской гимназии, начал курс в Виленском университете, а закончил - в Харьковском в 1841 г., с 1843 г. года был помощником инспектора классов в СПб. Технологическом институте, в 1849 г. привлекался к следствию по делу петрашевцев.

[7] Слово «народный» как эквивалент слова «демократический», «на стороне народа» иногда употреблялось радикалами 1860-х и 1870-х годов. Именно в этом смысле оно использовалось членами кружка чайковцев (1869-1972), когда они говорили о необходимости создания истиннонародной демократической партии. Но чайковцы, как и

участники хождения в народ 1872-1874 годов, никогда не называли себя народниками. Они иногда говорили о себе как о «пропагандистах» или «агитаторах» (в зависимости от того, чьи взгляды они разделяли - Лаврова или Бакунина), но обычно они использовали слова «социалисты» или «социальные революционеры». В эмигрантской прессе этого времени иногда встречалось выражение «народная революция» или «народная партия», где прилагательное «народный» всегда имело смысл «демократический» и не имело специфического политического или социального содержания [103, с. 217].

[8] Фаза истории социалистического движения между началом «хождения в народ» (1872 - 1874) и терроризмом (1878 - 1881) получила название «народничество». Практически все источники сходятся в том, что понятие «народничество» возникло около 1875 года и позже применялось к группам, которые в 1878 году объединились в «Землю и волю». Концепция революции не только в интересах народа и посредством народа, но и в соответствии с его нуждами и желаниями была критерием народничества в его первоначальном смысле. При этом «народничество» приобретало антиинтеллектуальный и даже антисоциалистический оттенок. Его приверженцы считали, что интеллектуалы не должны вести народ во имя абстрактных книжных идей, привезенных из-за границы, а организовывать сопротивление правительству во имя реальных, повседневных нужд. Именно эта позиция, а не идеализация общины или вера в уникальный русский путь развития характеризовала народничество при его возникновении. В этом смысле народничество является близкой исторической параллелью так называемого экономизма, возникшего в русской социал-демократии в конце 1890-х г. В обоих случаях разочарование из-за безразличности и враждебности «масс» к социализму вынудило идеологов сформулировать новую стратегию, суть которой заключалась в отказе от социалистической пропаганды в пользу организованной агитации на основе непосредственных нужд и потребностей трудящихся. В 1878 г. слово «народник» начинает появляться в печати как политический термин. В конце 1878 г. П. Аксельрод писал о том, что созданию единой социалистической партии мешает множество фракций и групп - бунтари, народники, пропагандисты, общинники [303, с. 69-72]. Так что народничество считалось одним из направлений социалистической нелегальной оппозиции и, естественно, термин «народничество» не может применяться для характеристики всего социалистического движения этого периода. Вплоть до 1879 г., до раскола «Земли и воли» народниками назывались только противники политической борьбы в любой ее форме

(переворот, индивидуальный террор, сотрудничество с либералами, борьба за конституцию).

[9] После раскола «Земли и воли», к началу 80-х гг. XIX века, термины «народники» и «народничество» потеряли свое оригинальное значение и использовались в разных, часто противоречивых смыслах. Во второй половине 80-х г. «народничество» как политический термин практически выходит из употребления, его заменяют термины «социалисты-революционеры» и «радикалы» [287, с. 60-83].

[10] В дискуссиях радикальных публицистов 90-х гг. о перспективах капитализма в России вновь возникает термин «народник». Смысл его при этом был уже совершенно другим. Народниками тогдашние социал-демократы называли В. Воронцова, Н. Даниельсона и других. Но Н. В. Даниельсон, например, считал себя не народником, а марксистом. Он не только поддерживал тесные личные связи с К. Марксом и Ф. Энгельсом, перевел тома «Капитала», но и пытался применить методы марксистского анализа к обществам, как мы их сейчас называем, с отсталой экономикой. Он считал, что капитализм не имеет будущего в России (его сомнения основывались на отсутствии рынков, а не на вере в возможности крестьянской общины). В 1893-1894 г. марксисты в России стали называть народниками всех социалистов, которые были их противниками. Несколько позже П. Струве провел параллель между народниками и немецкими «утопическими» социалистами домарксистского периода. Так российские социал-демократы для своих полемических целей объединили в понятии «народничество» людей совершенно различных политических и идеологических направлений (главным образом социалистов не-марксистского толка).

Заключение

Таким образом, на протяжении всего XIX века в Беларуси шел процесс развития сети добровольных объединений от элитарных дворянских «частных обществ» до общественных организаций, объединявших различные социальные слои населения. Эти общественные объединения отражали появление независимого общественного мнения, гражданского сознания и стремления к самостоятельной общественной деятельности.

В процессах самоорганизации общественных сил и становления общественных движений, которые шли в Беларуси на протяжении периода с конца XVIII до начала XX в. можно выделить следующие этапы.

1. Конец XVIII - первая треть XIX в. Процесс самоорганизации общественных сил шел преимущественно в среде дворянства, а общественная самодеятельность развивалась прежде всего там, где она поощрялась государством - в сфере благотворительности и научной деятельности. Деятельность различных благотворительных, научных и литературных обществ положила начало практике публичности и дала примеры первых выходов за рамки сословной и религиозной замкнутости. В конце 20-х годов XIX в. большинство обществ прекращает свою деятельность в результате полицейских преследований, а оставшиеся оказываются в прямом подчинении у царской администрации. В этих условиях место публичных обществ занимают конспиративные кружки. В этот период рационалистическое мировоззрение эволюционирует в сторону патриотически либерального и формируются элементы консервативного общественного мнения как романтической реакции против рационализма эпохи Просвещения.

2. Вторая треть XIX в. Политика репрессий и запретительных законов, последовавшая за восстанием 1830-1831 г., крайне настороженное отношение властей к любым общественным объединениям вообще

привели к усилению оппозиционных настроений и созданию новых нелегальных обществ. Несмотря на это, для второй трети XIX в. характерно дальнейшее развитие сферы публичности («общественного мнения»). Вследствие осмысления событий восстания 1830-1831 г. и «весны народов» (особенно «галицийской резни» 1846 г.) происходит размежевание консервативно и либерально настроенных публицистов. В либеральной среде оформляются радикальное и умеренное направления. Консервативное общественное мнение разделяется на «эволюционистов» и «непримиримых» традиционалистов. С середины 50-х годов, в связи с началом проведения политики реформ, легальная общественная деятельность активизируется, формируются центры объединения сторонников различных направлений общественного мнения (организация граждан, комитет движения), начинается процесс консолидации общественных движений.

3. Последняя треть XIX - нач. XX в. Формируется сеть легальных общественных объединений, расширяется их социальная база: ими в той или иной степени, были охвачены все социальные слои белорусского общества того времени. Размах этой деятельности вызвал опасения государственно-полицейских структур, стремившихся ограничить самостоятельность общественных деятелей. Наиболее радикально настроенные общественные лидеры вынуждены были уйти в подполье, чтобы продолжить свою деятельность, направленную на осуществление политических и социальных преобразований, радикальные настроения эволюционируют в сторону социализма. Развитие социалистического движения привело к возникновению абсолютно нового типа организаций - политических партий с жесткой централизацией и целым рядом вспомогательных структур. В этот же период происходит консолидация и организационное оформление либерального движения. Что касается политического консерватизма, он не смог четко оформиться в общественно-политической мысли, однако консервативное общественное движение как форма социальной активности индивидов, связывавшая «частную» и «общественную» сферы, наряду с развитием других общественных движений и формированием сети общественных объединений, стало одним из факторов формирования гражданского общества.

Возникновение многочисленных общественных объединений в Беларуси на протяжении всего XIX в. свидетельствовало о складывании предпосылок формирования гражданского общества. Участие представителей различных социальных групп в деятельности

добровольных обществ способствовало утверждению духа гражданской самодеятельности, который, в конечном счете, содействовал осознанию того, что цели отдельных личностей или групп могут быть достигнуты только на основе решения более общих социальных, политических и экономических проблем.

В свою очередь, формирование слоя гражданских активистов («субъектов гражданского общества»), развитие сети добровольных общественных объединений, расширение их социальной базы, разработка идеологических оснований широкой общественной легальной деятельности создавали фундамент процесса формирования гражданского общества и, вместе с тем, вынуждали правительство предпринимать шаги в направлении эволюции к правовому государству. Ряд законов, принятых в конце XIX - начале XX в. свидетельствовал о том, что законодательством было фактически признано существование области гражданской активности, отдельной и отличной от государственных институтов.

В результате, самоорганизующиеся общественные силы стали оспаривать у государства традиционно-монопольное право регламентации всех сторон жизни общества, что послужило предпосылкой формирования сферы общественной жизни, свободной от государственного вмешательства - гражданского общества.

Список использованных источников

1. Аврех А.Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопр. истории. - 1989. - № 2. - С. 85-97.
2. Агурский С. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863-1917). - Минск: Белгиз, 1928. - 348 с.
3. Александравичюс Э.А. Культурно-организационное движение в Литве 1831-1863 г.г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Акад. наук Лит. ССР. Ин-т истории. - Вильнюс, 1986. - 17 с.
4. Анішчанка Я.К. Беларусь ў часы Кацярыны II. – Мінск: Веды, 1998. - 212 с.
5. Анішчанка Я.К. Царызм і легальныя культурна-асветніцкія арганізацыі на Беларусі ў пачатку ХХ стагоддзя // Навіны Бел. Акад. Навук. - 1992. - № 45-46. – С. 25-29.
6. Ануфриев Н. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопр. административ. права. - СПб., 1916. - С. 15-44.
7. Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. - Л.: Прибой, 1929. - 310 с.
8. Арсеньев К.К. За четверть века (1871-1894). - П.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. - 615 с.
9. Арсланов Р.А., Джангирян В.Г. Освободительное движение в России во второй половине XIX века. - М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1991. - 94 с.
10. Архив «Земли и воли» и «Народной воли»: Сб. док. / Ред. и предисл. С.Н.Волка. - М.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. - 454 с.

11. Архивные материалы муравьевского музея в Вильно, относящиеся к последнему восстанию 1863-1864 гг. в пределах Северо-Западного края: В 2 ч. - Вильно: Губ. тип., 1913-1915. - Ч. 1.- 1913. - 464 с.; Ч. 2.- 1915. - 466 с.
12. Багдановіч А. Да гісторыі партыі «Народная воля» у Мінску і Беларусі // Маладосць. - 1995. - № 11. - С. 215-239; № 12. - С. 208-229.
13. Бардах Ю., Леснодарский Б., Пиетрчик М. История государства и права Польши. - М.: Юрид. лит., 1980. - 559 с.
14. Баренбаум И.Е. Иосафат Огрызко (1826-1890). - М.: Книга, 1964. - 115 с.
15. Барриве Л. Общественное движение в царствование Александра Второго: Ист. очерки. - М.: М-во образования, 1909. - 155 с.
16. Белецкий А.В. Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева: В 2 т. - Вильна: Изд. О-ва ревнителеев рус. ист. просвещения, 1906. - Т. 1. - 89 с.; Т. 2. - 93 с.
17. Берк Э. Размышления о революции во Франции. - Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. - 411 с.
18. Берлин И. Четыре эссе о свободе. - London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. - 395 с.
19. Бикулич В.Б. Революционная организация восстания 1863-1864 гг. в Литве и Белоруссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Акад. наук Лит. ССР. Ин-т истории. - Вильнюс, 1973. - 38 с.
20. Бич М.О. Рабочее движение Беларуси в 1861-1904 гг. - Минск: Наука и техника, 1983. - 280 с.
21. Бич М.О. Развитие социал-демократического движения в Беларуси в 1883-1903 гг. - Минск: Наука и техника, 1973. - 232 с.
22. Благотворительность в России. - СПб.: Типолитограф. Ныркина, 1901. - 457 с.
23. Бланк Г.Я. Основы теории и истории потребительской кооперации СССР. - М.: Изд-во Центросоюза, 1963. - 222 с.
24. Богданович А.Е. Страницы из жизни М. Горького. - Минск: Наука и техника, 1965. - 229 с.

25. Бонч-Асмалоўскі А. Ліберальна-апазіцыйны рух на Беларусі // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху: Зб.; Саст. А.Сташэўскі, З.Жылуновіч, Ё.Ігнатоўскі. - Менск: Цэнтр. Выкан. Каміт. БССР, 1924. - С. 169-176.
26. Буднишний О. Кровь по совести: терроризм в России. Вторая половина XIX века // Отеч. история. - 1994. - № 6. - С. 203 - 208.
27. Бурбіс А. Беларуская Сацыялістычная Грамада ў першым перыядзе яе працы (1903-1907) // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху: Зб.; Саст. А.Сташэўскі, З.Жылуновіч, Ё.Ігнатоўскі. - Менск: Цэнтр. Выкан. Каміт. БССР, 1924. - С. 177 - 181.
28. Бухбиндер Н.А. История еврейского рабочего движения в России. По неизданным архивным материалам. - Л.: Акад. изд-во, 1925. - 388 с.
29. Василевский Л. Современная Польша и ее политические стремления. - СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1906. - 220 с.
30. Вебер М. Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии. - Киев: Тип. И.И. Чокалов, 1906. - 149 с.
31. Великие реформы в России (1856-1874): Сб. ст. / Моск. гос. ун-т; Под общ. ред. Л.Г. Захаровой. - М.: Изд-во МГУ, 1992. - 333 с.
32. Вестник Западной России: Ист. - лит. журн. - 1865. - Т. 1. - Кн. I, II, III.
33. Вестник Западной России: Ист. - лит. журн. - 1866. - Т. 2. - Кн. VII.
34. Виленский вестник. - 1882. - 22 дек.
35. Виленский вестник. - 1881. - 21 февр.
36. Виленский вестник. - 1882. - 2 июня.
37. Виленский вестник. - 1883. - 5 марта.
38. Виленский вестник. - 1884. - 24 июня.
39. Виленский вестник. - 1885. - 28 февр., 1 марта.
40. Виленский вестник. - 1890. - 23, 24 авг.
41. Виленский вестник. - 1891. - 8 дек.

42. Віткоўскі М. «Зямля і воля» 60-х гадоў і яе сувязь з паўстаннем 1863 года // Польшча. - 1930. - № 4. - С. 117-143.
43. Віткоўскі М. Рэвалюцыйныя гурткі 70-х гадоў на Беларусі // Польшча. - 1924. - № 4. - С. 110-180.
44. Вихляева М.А. Гражданское общество и государство: историко-философская традиция. – М.: Наука, 1989. - 125 с.
45. Внутреннее обозрение // Рус. мысль. - 1896. - № 4. - С. 185-195.
46. Воинов Ф. Путевые записки, или воспоминания о пребывании в Минской губернии с февраля 1865 года по 1 мая 1866 года. – СПб., 1891. - 85 с.
47. Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et contra. - 1997. - № 4. - С. 77-91.
48. Вопросы теории и истории общественных организаций: Сб. ст. / Отв. ред. Ц.А. Ямпольская и А.М. Щиглик. – М.: Наука, 1971. - 258 с.
49. Воронов Н.И. Воспоминания Николая Ираклиевича Воронова о путешествии по Западному краю. - Владимир: Тип. губ. правл., 1906. - 266 с.
50. Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х годов // Минувшие годы. – 1908. - № 10. - С. 167-197.
51. Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг.: Сб. документов / Под общ. ред. В. Дьякова. – М. - Вроцлав: Наука, 1965. - 586 с.
52. Восстание 1863 года и русско-польские революционные связи 60-х годов: Сб. ст. и материалов / Акад. наук СССР. Ин-т истории; Под ред. В. Королюка и С. Миллера. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. - 731 с.
53. Вятр Е. Социология политических отношений. – М.: Прогресс, 1979. - 463 с.
54. Габидулина Н. Либерализм в России (историко-философский анализ) // Вест. высш. шк. - 1992. - № 7-9. - С. 72-78.
55. Гаджиев К.С. Концепции гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопр. философии. - 1991. - № 7. - С. 19-35.

56. Галкин А., Рахшимир П. Консерватизм в прошлом и настоящем. – М.: Ин-т социологии РАН, 1997. – 230 с.
57. Глинский Б.А. Революционный период русской истории (1861-1881 гг.): Ист. очерки: В 2 ч. – СПб.: Т-во А.С. Суворина «Новое время», 1913. – Ч. 1. – 528 с.; Ч. 2. – 554 с.
58. Гогель Н.В. Иосафат Огрызко и петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа. – Вильно: Тип. Р.М. Ромма, 1866. – 79 с.
59. Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX - начала XX века. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 156 с.
60. Государственный исторический архив Литвы.
61. Гражданское общество: Сб. ст. / Редкол.: В. Карбалевич (гл. ред.) и др. – Минск: Грамадзян. альтэрнатыва, 1995. – 92 с.
62. Григорьев А. Русские общества трезвости, их организация и деятельность в России. – СПб., 1904. – 35 с.
63. Гусев В. Консервативные идеологии // Социолог. исслед. – 1994. – № 11. – С. 80-87.
64. Дарашэвіч Э.К. М.Ф. Карповіч // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. давед. – Мінск: БелЭн., 1995. – С. 224.
65. Дарашэвіч Э.К. І.М. Яленскі // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. давед. – Мінск: БелЭн., 1995. – С. 332-333.
66. Деборин А.М. Социально-политические учения нового и новейшего времени: В 3 т. – М.: Наука, 1967. – Т. 1. – 628 с.; Т. 2. – 403 с.; Т. 3. – 355 с.
67. Дело петрашевцев. Материалы и документы: В 3т. / Акад. наук СССР. Ин-т истории; Под общ. ред. С.Н. Валка. – М.- Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937-1951. – Т. 2. – 460 с.
68. Дзюрасэль Ж.Б. Еўропа з 1815 года да нашых дзен. Палітычнае жьцце і міжнародныя адносіны. – Мінск: Беларус. фонд Сораса., 1996. – 384 с.
69. Добрянский С.Ф. Масонские ложи в Литве // Зап. Северо-зап. отд-ния Рус. императ. географ. о-ва. – Вильно. – 1911. – Кн. 2. – С. 230-258.
70. Добрянский С.Ф. Масонские ложи в Литве // Зап. Северо-зап. отд-ния Рус. императ. географ. о-ва. – Вильно. – 1913. – Кн.4. – С. 103-135.

71. Довженко И. Сельскохозяйственные общества в дореволюционной России // Историческая география России XII-начала XX века: Сб. ст.; Редкол.: А.Л. Нарочницкий (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1975. – С. 33-43.
72. Довнар-Запольский М.В. Из истории общественных течений в России. – Киев: Изд-во И.И. Самоненко, 1910. – 333 с.
73. Дорошевич Э.К. Философия эпохи Просвещения в Беларуси. – Минск: Наука и техника, 1971. – 246 с.
74. Драго Н. Записки старого народника // Каторга и ссылка. – 1923. – № 6. – С. 10-22.
75. Драгоманов М.П. Политические сочинения: В 2 т. / Под ред. И.М. Гревса и Б.А. Кистяковского. – М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1908. – Т. 1: Центр и окраины. – 486 с.
76. Дыла Я. Сацыялістычны рух на Беларусі да Лютаўскае рэвалюцыі і расійская Сацыял - Дэмакратычная Работніцкая Партыя // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху: Зб.; Саст. А.Сташэўскі, З.Жылуновіч, Ё.Ігнатоўскі. – Менск: Цэнтр. Выкан. Кам. БССР, 1924. – С. 124-140.
77. Жылуновіч З. Менскае таварыства Прыгожых мастацтваў // Польша. – 1924. – № 3. – С. 160-166.
78. Закон 4 марта 1906 года о союзах и обществах. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1906. – 57 с.
79. Зіміонка А. Сацыялістычны рух на Беларусі. Партыя сацыялістычных рэвалюцыянераў // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху: Зб.; Саст. А.Сташэўскі, З.Жылуновіч, Ё.Ігнатоўскі. – Менск: Цэнтр.Выкан. Кам. БССР, 1924. – С. 148-168.
80. Зубов А. Современное гражданское общество и civil society: границы наложения // Pro et contra. – 1997. – № 4. – С.22-37.
81. Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Беларуси (дооктябрьский период) / Акад. наук БССР. Ин-т философии и права; Редкол.: К.П. Буслов (гл. ред.) и др. – Минск: Наука и техника, 1972. – 279 с.

82. Идеи материализма и диалектики в Беларуси (дооктябрьский период) / Акад. наук БССР. Ин-т философии и права; Редкол.: К.П. Буслов (гл. ред.) и др. - Минск: Наука и техника, 1980. - 344 с.

83. Идеиная борьба вокруг истории домарксистских социалистических учений: Сб. обзоров / Редкол.: А.Б. Каплан и др. - М.: ИНИОН, 1985. - 152 с.

84. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей: В 3 т. / Акад. наук СССР. Ин-т славяноведения и балканистики; Под ред. И.С. Миллера, И.С. Нарского. - М.: Госполитиздат, 1956. - Т. 1. - 784 с.; Т. 2. - 884 с.; Т. 3. - 1156 с.

85. Интеллигенция и либерализм в России: Сб. ст. / Сарат. гос. техн. ун-т; Редкол.: В.Б. Устьянцев (отв. ред.) и др. - Саратов: СГТУ, 1995. - 74 с.

86. Ионова Г. Воскресные школы в годы первой революционной ситуации // Ист. зап. - 1956. - № 57. - С. 177 - 209.

87. Иорданский Н.И. Конституционное движение 60-х годов. - СПб.: [С.Н.Салтыков], 1906. - 158 с.

88. Исследования по истории польского общественного движения XIX - нач. XX в.: Сб. ст. и материалов / Под ред. В.А. Дьякова и др. - М.: Наука, 1971. - 400 с.

89. Историко-революционный сборник: В 3 т. / Под ред. В.И. Невского. - М. - Пг.: Гос. изд-во, 1924-1926. - Т. 3. - 1926. - 312 с.

90. История белорусской дооктябрьской литературы / Под общ. ред. В.В.Борисенко. - Минск: Наука и техника, 1977. - 639 с.

91. История политических и правовых учений XIX века: Сб. ст. / Российск. Акад. наук. Ин-т гос-ва и права; Под ред. П.С. Грацианского и др. - М.: Наука, 1993. - 389 с.

92. К 100-летию героической борьбы «за нашу и вашу свободу»: Сб. ст. и материалов о восстании 1863 года / Под ред. В. А. Дьякова и др. - М.: Наука, 1964. - 448 с.

93. Калинин В.Б. Организация предпринимателей России (XIX - нач. XX вв.) - М.: ИЭ РАН, 1993. - 69 с.

94. Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия / Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии; Сост. Р.П. Платонов и др. – Минск: Беларусь, 1988. – 208 с.
95. Кан С.Б. История социалистических идей (до возникновения марксизма). – М.: Высш. школа, 1963. – 279 с.
96. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время: В 7 т. - СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908 – 1913.- Т. IV: Первая треть XIX века. Консульство, империя и реставрация. - 1913. - 653 с.
97. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время: В 7 т. - СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908 – 1913. - Т. V: Средние десятилетия XIX века (1830-1878). - 1908. – 888 с.
98. Кириллова Е.А. Очерки радикализма в России: Философско – исторические концепции 40-50-х гг. - Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1991. - 201 с.
99. Китаев В.А. От фронды к охранительству: Из истории русской либеральной мысли 50-60-х гг. XIX в. – М.: Мысль, 1972. – 288 с.
100. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. – М.: Наука, 1977. – 335 с.
101. Коган Л.А. К вопросу о предмете истории общественной мысли // Вопр. философии. - 1977. - № 5. - С. 133-145.
102. Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России: Избранные труды. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 767 с.
103. Козьмин Б.П. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Ист. зап. - 1959.- № 65. - С. 191-248.
104. Консерватизм в России («круглый стол») // Социолог. исслед. – 1993. - № 3. - С.43-61.
105. Констан Б. О свободе у древних в сравнении со свободой у современных людей // Полит. исслед. - 1993. - № 2. - С. 97-106.
106. Кооперация. Страницы истории: Сб ст. / Российск. Акад. наук. Ин-т экономики; Отв. ред. Н.К. Фигуровская. – М.: Ин-т экономики РАН, 1996. - 361 с.

107. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России (1861-1904 гг.): Состав, численность, корпоративные организации. – М.: Наука, 1979. – 304 с.
108. Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела. – СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1905. – 472 с.
109. Корнилов И.П. Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-западном крае (По рассказам генерал-адъютанта Гонецкого). – СПб.: Тип. В. Команова, 1900. – 52 с.
110. Корф А. Записки // Рус. старина. – 1900. – № 3. – С. 33-37.
111. Котляревский Н.А. Канун освобождения (1855-1861): Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. – Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. – 560 с.
112. Котляревский С.А. Ламенне и новейший католицизм. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левинсон, 1904. – 628 с.
113. Красин Ю. Кризис марксизма и место марксистской традиции в истории общественной мысли // Свободная мысль. – 1993. – № 1. – С. 20-30.
114. Кузьняева С. Пачатак фарміравання нацыянальнай інтэлігенцыі // Мастацтва Беларусі. – 1994. – № 1. – С. 2-4.
115. Кульчицкий Л. (Мазовецкий) История русского революционного движения: В 2 т. – СПб.: Тип. Я. Ливенштейна, 1908. – Т. 1. – 394 с.; Т. 2. – 241 с.
116. Лаверычев В.Я. О некоторых либеральных тенденциях в политике царизма по рабочему вопросу в начале 70-х годов XIX века // Ист. зап. – 1985. – Т. 15. – С. 43-50.
117. Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917). – М.: Мысль, 1972. – 340 с.
118. Ланда С.С. Дух революционных преобразований: Из истории формирования идеологии и политики организации декабристов (1816-1825). – М.: Мысль, 1975. – 381 с.
119. Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60-70-х годы XIX в. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 512 с.

120. Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX - начало XX века. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. - 442 с.
121. Лемке М.К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По неизданным документам и материалам. - СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1908. - 505 с.
122. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. - М.: СП «Русский путь-Полиграфресурсы», 1995. - 548 с.
123. Либерализм в России: Сб. статей / Российск. Акад. наук. Ин-т философии; Сост. А. Медушевский и др. - М.: ИФРАН, 1996. - 451 с.
124. Линков Я. Воскресные школы и русское революционное движение // Ист. архив. - 1956. - № 6. - С. 176 - 179.
125. Ломачевский А.И. Из воспоминаний жандарма: В 2 ч. – СПб.: Тип. В. Грацианского, 1880. - Ч. 1: Виленская драма с прологом. - 1880. - 160 с.
126. Лосинский Н.Б. Революционно-народническое движение Белоруссии (1870-1884). - Минск: Наука и техника, 1983. - 223 с.
127. Луговцова С.Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII - первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бел. гос. ун-т. - Минск, 1999. – 18 с.
128. Лушчыцкі І.М. Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі Беларусі ў другой палове XIX ст. - Мінск: Выд-ва Бел. ун-та, 1958. - 367 с.
129. Мальдзіс А.І. Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII ст. - Мінск: Маст. літ., 1982. - 256 с.
130. Мальдзіс А.І. На скрыжаванні славянскіх традыцый. - Мінск: Навука і тэхніка, 1980. - 352 с.
131. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. - 700 с.
132. Маркс К. Из экономимических рукописей 1857-1858 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: В 42 т. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1954-1974. - Т. 12. – 1958. – С. 709 – 728.

133. Мартов Л. (Ю.) Общественные и умственные течения в России 1870 - 1905. - Л. - М.: Книга, 1924. - 202 с.
134. Маслыка Г.А. Дамінік Манюшка // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік. - Минск: БелЭн., 1995. - С. 487.
135. Медушевский А. Либерализм как проблема современной западной историографии // Вопр. истории. - 1992. - № 8-9. - С. 170-175.
136. Меркис В.Ю. Развитие промышленности и формирование пролетариата Литвы в XIX веке. - Вильнюс: Минтис, 1969. - 477 с.
137. Меркулов В.И. Вопросы кооперативного движения в России, его история и теория. - М., 1918. - 121 с.
138. Мигранян М. Переосмысливая консерватизм // Вопр. философии. - 1990. - № 11. - С. 114-125.
139. Миллер А. О дискурсивной природе национализма // Pro et contra. - 1997. - № 3. - С.141-151.
140. Миловидов А.И. Западно-русские православные братства, их современное значение и заслуги. - Вильна: Тип. «Рус. почин», 1912. - 36 с.
141. Минские губернские ведомости. - 1880. - 22 окт.
142. Минские губернские ведомости. - 1881. - 15 янв.
143. Минские губернские ведомости. - 1889. - 22 окт.
144. Минские губернские ведомости. - 1890. - 16 янв.
145. Минский листок. - 1887. - 6 янв.
146. Минский листок. - 1888. - 10 июня.
147. Минский листок. - 1889. - 18 июня.
148. Минский листок. - 1892. - 3 янв.
149. Минский листок. - 1893. - 20 апр.; 6 июня; 19 нояб.
150. Минский листок. - 1894. - 25 янв.; 22 нояб.
151. Минский листок. - 1895. - 14 февр.; 7 апр.
152. Минский листок. - 1897. - 27 февр.

153. Минский листок. – 1898. – 9 июля; 22 окт.
154. Минский листок. – 1900. – 27 янв.
155. Минский листок. – 1901. – 4 февр.; 27 февр.
156. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. – М.: Наука, 1989. – 238 с.
157. Михайловский Н.М. Полное собрание сочинений: В 10 т. – СПб: Рус. богатство, 1906-1914. – Т. 2. – 1906. – 886 с.
158. Михельсон А. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. – Б. м., 1865. – 718 с.
159. Могилевские губернские ведомости. – 1898. – № 84.
160. Монтескье Ш. Избранные произведения / Общ. ред. и вступ. ст. М.П. Баскина. – М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.
161. Московские ведомости. – 1863. – 5 мая.
162. Мосолов А.Н. Виленские очерки. 1863-1865 (Муравьевское время). – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1898. – 253 с.
163. Мохнач Н.Н. Идеиная борьба в Белоруссии в 30-40-е годы XIX века. – Минск: Наука и техника, 1971. – 157 с.
164. Мохнач Н.Н. Общественно-политическая и этическая мысль Белоруссии начала XIX века. – Минск: Наука и техника, 1985. – 94 с.
165. Мохнач Н.Н. От просвещения к революционному демократизму (Общественно-политическая и философская мысль Белоруссии конца 10-х-начала 50-х гг. XIX в.). – Минск: Наука и техника, 1976. – 183 с.
166. Мошковский К. Рукопись в тюрьме // Рус. архив. – 1909. – № 4. – С. 483-564.
167. Муравьев М.Н. Четыре политические записки 1830, 1831, 1864, 1865 // Рус. архив. – 1885. – № 6. – С. 161-199.
168. Назимов (Очерк из новейшей истории северо-западной России) // Рус. старина. – 1885. – № 3. – С. 555-580.
169. Намавичюс З. Лелевель. – М.: Юрид. лит., 1991. – 110 с.

170. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. / Акад. навук Беларусі. Ін-т гісторыі; Рэдкал.: М.П. Касцюк (гал. рэд.) і інш. - Мінск: Беларусь, 1994-1995. - Ч. 1. - 1994. - 527 с.
171. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания: В 3 т. / Под. ред. Ф. Толля. - СПб.: Тип. и литогр. Паульсона и комп., 1863-1864.- Т. 2. - 1863. - 1132 с.
172. Национальный исторический архив Беларуси.
173. Наши либералы: Сб. ст. - Вильна: Печатня М.Р. Ромма, 1867. - 35 с.
174. Нещеретний П.И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. - М.: Союз, 1993. - 31 с.
175. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858-76 гг. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. - 273 с.
176. Нифонтов А.С. Россия в 1848 г. - М.: Учпедгиз, 1949. - 316 с.
177. Новикова Л., Сиземская И. Идейные истоки русского либерализма // Обществ. науки и современность. - 1993. - № 3. - С. 124-135.
178. Обзор Виленской губернии за 1883 - 1911 г. - Вильно: Губ. типогр., 1884-1912.
179. Обзор Витебской губернии за 1881 - 1915 г. - Витебск: Губ. типогр., 1882-1916.
180. Обзор Гродненской губернии за 1879 - 1913 г. - Гродно: Губ. типогр., 1880-1914.
181. Обзор Минской губернии за 1874 - 1913 г. - Минск: Минск. Губ. стат. ком., 1875-1914.
182. Обзор Могилевской губернии за 1878 - 1915 г. - Могилев: Могил. губ. стат. ком., 1879-1915.
183. Общества сельских хозяев в деревне. - М., 1903. - 35 с.
184. Общественно-политические институты и движения: Проблемы теории и истории: Сб. науч. тр. / Ленингр. фин.- экон. ин-т; Под ред. О.А. Позднякова. - Л.: ЛФЭИ, 1991. - 163 с.

185. Общественно-политическое развитие феодальной России: Сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР; Под ред. А.А. Преображенского. – М.: Ин-т истории СССР, 1985. – 209 с.
186. Общественное движение в пореформенной России: Сб. ст. к 80-летию со дня рождения Б.П. Козьмина / Редкол.: Л.М. Иванова (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1965. – 382 с.
187. Общественное движение в России в XIX веке: Сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР; Редкол.: Н.М. Пирумова (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1986. – 219 с.
188. Общественное движение на польских землях: Основные идейные течения и политические партии в 1864-1914 годах / Акад. наук СССР. Ин-т славяноведения и балканистики; Отв. ред. А.М. Орехов. – М.: Наука, 1988. – 334 с.
189. Озеров Н.А. Письма к тетеньке. – Могилев: Тип. губ. правл., 1905. – 56 с.
190. Отчет Витебской женской воскресной школы. – Витебск, 1893. – 35 с.
191. Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии до 1917 года / Редкол.: К.П. Буслов (гл. ред.) и др. – Минск: Наука и техника, 1973. – 557 с.
192. П.С. Из воспоминаний о 50-60-х годах // Былое. – 1902. – № 1. – С. 210-227.
193. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газ., 1993. – 421 с.
194. Пайпс Р. Русский консерватизм во второй половине XIX века. – М.: Наука, 1974. – 11 с.
195. Памятная книжка Виленской губернии на 1851 - 1915 г. - Вильна: Губ. тип., 1851-1915.
196. Памятная книжка Витебской губернии на 1864 - 1914 г. - Витебск: Губ. тип., 1864-1914.
197. Памятная книжка Минской губернии на 1845 - 1916 г. - Минск: Губ.тип., 1845-1916.

198. Памятная книжка Могилевской губернии на 1861 - 1916 г. - Могилев: Губ. тип., 1861-1916.
199. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России, 1783-1883 гг. - М.: Мысль, 1986. - 341 с.
200. Пантэм Р. Чтобы демократия сработала. - М., 1996. - 263 с.
201. Пічэта У. Формы нацыянальнага і апазіцыйнага руху на Беларусі // Польшыя. - 1924. - № 2. - С. 142-162.
202. Погодин А.Л. Главные течения польской политической мысли. - СПб.: Просвещение, 1898. - 662 с.
203. Политическое обозрение // Рус. вестник. - 1858. - Февр. - С. 210-223.
204. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 1-е с 1649 по 12 дек 1825 г.: В 45 т. - СПб: Тип. отд. Его Имп. Вел-ва канцелярии, 1830-1849. - Т. 21. - 1830.- 1085 с.; Т. 38. -1847. - 1355 с.
205. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2-е с 12 дек. 1825 г.: В 55 т. - СПб: Тип. 11 отд. Его Имп. Вел-ва канцелярии, 1830-1885. - Т. 36. - 1866. - 1059 с.; Т. 37. - 1867. - 833 с.; Т. 41. - 1871. - 941 с.
206. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е: В 33 т. - СПб.: Гос. тип., 1885-1913. - Т. 13. - 1899. - 1353 с.
207. Проблемы формирования гражданского общества в Беларуси: Сб. ст. / Редкол.: В.И.Карбалевич (гл. ред.) и др. - Минск: НЦСИ «Восток-Запад», 1996. - 80 с.
208. Протокол заседания общества минских врачей по случаю 25 летнего юбилея. - Минск: Губ тип., 1893. - 19 с.
209. Протокол полугодового общего собрания членов общества витебских сельских хозяев. - Витебск: Типогр. насл. Неймана, 1891. - 81с.
210. Протоколы заседаний общего собрания Могилевского общества сельских хозяев. - Могилев: Типолитогр. Я.Н. Подземского, 1893. - 8 с.
211. Протоколы заседаний общества врачей Могилевской губернии: В 14 вып. - Могилев-на-Днепре: Скоропеч. и литогр. Ш. Фридлянда, 1888-1911. - Вып. 1. - 1888. - 58 с.; Вып. 2. - 1891. - 147 с.; Вып. 6. - 1903. - 61 с.; Вып. 7. - 1904. - 94 с.; Вып. 8. - 1905. - 154 с.; Вып. 9. - 1906. - 179 с.;

Вып. 10. – 1907. – 109 с.; Вып. 11. – 1908. – 83 с.; Вып. 12. – 1909. – 268 с.;
Вып. 13. – 1910. – 190 с.; Вып. 14. – 1911. – 84 с.

212. Протоколы общества врачей гродненской губернии за 1895-1896 гг. - Гродно: Губ. тип., 1897. - 101 с.

213. Публицистика белорусских народников: Нелегальные издания белорусских народников (1881-1884): Сб. док. / Бел. гос. ун-т.; Сост. С.Х. Александрович, И.С. Александрович. - Минск: Изд-во БГУ, 1983. - 134 с.

214. Пушкарев Л.Н. Содержание и границы понятия «общественная мысль» // Отеч. история. – 1992. – № 3. – С. 73-80.

215. Пширков Ю.С. А.Е. Богданович. - Минск: Наука и техника, 1966. - 128 с.

216. Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I: Ист. очерки. - СПб.: Вестник Европы, 1871. - 543 с.

217. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. - СПб.: Колос, 1913. - 189 с.

218. Пыпин А.Н. Русское масонство. – Пг.: Огни, 1916. - 574 с.

219. Революционеры и либералы России: Сб. ст. /Акад. наук. СССР Ин-т истории СССР; Отв. ред. Б.С. Итенберг. – М.: Наука, 1990. - 334 с.

220. Революционная Россия и революционная Польша (Вторая половина XIX в.): Сб. ст. / Под общ. ред. В.А. Дьякова. – М.: Наука, 1967. - 464 с.

221. Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.: Деятели и историки: Сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР; Отв. ред. М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1960. - 544 с.

222. Революционное народничество 70-х годов XIX в.: В 2 т.: Сб. док. и материалов / Редкол.: С.Н. Валк, С.С. Валк и др. – М. – Л.: Наука, 1965. - Т. 1. - 530 с.; Т. 2. - 472 с.

223. Революционный подъем в Литве и Белоруссии. 1861-1862 гг.: Сб. док. / Редкол.: В.Дьяков и др. - М.: Наука, 1964. - 708 с.

224. Резник Ю.М. Идея гражданского общества в ее развитии // Социальная философия в конце XX века. – М.: Изд-во МГУ, 1991. - С. 157-168.

225. Реформы в России XVI-XIX в.: Сб. науч. тр. / Российск. Акад. наук. Ин-т рос. истории; Редкол.: И.А. Булыгин (отв. ред.), А.В. Демкин и др. – М.: Ин-т рос. истории, 1992. - 222 с.

226. Реформы или революция? Россия, 1861-1917: Материалы междунар. коллоквиума историков (4-7 июня 1990 г.): Сб. ст. / Редкол.: В.С. Дякин (отв. ред.) и др. - СПб.: Наука, 1992. - 394 с.

227. Российская Национальная библиотека. Отдел рукописей.

228. Российский государственный исторический архив.

229. Рубинштейн С.Ф. Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии за 240 лет, с 1652 по 1892 год. – Вильно: Губ. тип., 1894. - 919 с.

230. Русская социально- политическая мысль XIX века: Сб. ст. / Моск. гос. ун-т; Под ред. А.А. Ширинянца. – М.: МГУ, 1995. - 119 с.

231. Русская империя. Польский взгляд на русские государственные вопросы // Вольное слово. - 1883. - № 55 - 56. - С. 3-4.

232. Русско-польские революционные связи: В 2 т. / Редкол.: В. Дьяков и др. - М. - Вроцлав: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 1. - 583 с.; Т. 2. - 793 с.

233. Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года: Сб. ст. и материалов / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР; Под. ред. В.А. Дьякова. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 611 с.

234. Руссо Ж.Ж. Сочинения: В 9 т. - М.: Наука, 1964. - Т. 1. – 851 с.

235. Сакалова М. Брэшка - Брэшкоўская К. // Энцыкл. гісторыі Беларусі: У 6 т. - Мінск: БелЭн, 1994. - Т. 2. - С. 111.

236. Сакалова М. Вільбушэвіч М. // Энцыкл. гісторыі Беларусі: У 6 т. - Мінск: БелЭн, 1994. - Т. 2. - С. 291.

237. Сакалова М. Да метадалегіі аналізу грамадзка-палітычных рухаў // Беларус. гіст. агляд. - 1995. - Т. 2. - Сш. 1. - С. 3-14.

238. Сакалова М.А. Да пытання аб змесце тэрмінаў «гістарычная свядомасць» і «гістарычная памяць». – Наш Радавод.- Гродна, 1996.- Кн. 7. – С. 97-100.

239. Сакалова М. Забастоўка // Энцыкл. гісторыі Беларусі: У 6 т. - Мінск: БелЭн, 1996. - Т. 3. - С. 390.
240. Сакалова М. «Зямля і воля» // Энцыкл. гісторыі Беларусі: У 6 т. - Мінск: БелЭн, 1996. - Т. 3. - С. 459-460.
241. Сакалова М. Інтэлектуальная гісторыя як навуковая дысцыпліна // Беларус. гіст. агляд. - 1999. - Т. 6. - Сш. 1-2. - С. 125-130.
242. Сакалова М. Кансерватызм // Энцыкл. гісторыі Беларусі: У 6 т. - Мінск: БелЭн, 1997. - Т. 4. - С. 85-86.
243. Сакалова М. Кансерватызм на Беларусі ў XIX ст. // Беларус. гіст. часопіс. - 1997. - № 1. - С. 22- 34.
244. Сакалова М. Кансерватызм у сучасных грамадствах // Адкрытае грамадства. - 1998. - № 5. - С. 37-40.
245. Сакалова М.А. Легальныя грамадскія арганізацыі Беларусі ў 70-90-х гадах XIX ст. // Беларус. гіст. часопіс. - 1999. - № 3. - С. 29-39.
246. Сакалова М. Лібералізм // Энцыкл. гісторыі Беларусі: У 6 т. - Мінск: БелЭн, 1997. - Т. 4. - С. 361.
247. Сакалова М. Магілеўскія народніцкія гурткі // Энцыкл. гісторыі Беларусі: У 6 т. - Мінск: БелЭн, 1999. - Т. 5. - С. 30.
248. Сакалова М. Мінскія народніцкія гурткі // Энцыкл. гісторыі Беларусі: У 6 т. - Мінск: БелЭн, 1999. - Т. 5. - С. 202.
249. Сакалова М. «Народная воля» // Энцыкл. гісторыі Беларусі: У 6 т. - Мінск: БелЭн, 1999. - Т. 5. - С. 284.
250. Сакалова М., Біч М. Народніцтва // Энцыкл. гісторыі Беларусі: У 6 т. - Мінск: БелЭн, 1999. - Т. 5. - С. 287-288.
251. Сакалова М. Паўночна-Заходні край // Энцыкл. гісторыі Беларусі: У 6 т. - Мінск: БелЭн, 1999. - Т. 5. - С. 441.
252. Сакалова М. Пачатак ліберальнага руху на Беларусі // Штогоднік Ін-та гісторыі НАН Беларусі: Зб; Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. - Мінск: Выд. Ін-та гісторыі, 1999. - С. 48-56.
253. Сакалова М. Польскае дэмакратычнае таварыства // Энцыкл. гісторыі Беларусі: У 6 т. - Мінск: БелЭн, 1999. - Т. 5. - С. 545-546.

254. Сакалова М. Пралетарыят // Энцыкл. гісторыі Беларусі: У 6 т. - Мінск: БелЭн, 1999. - Т. 5. - С. 562-563.
255. Сакалова М.А. Роля С. Трусевіча ў развіцці сувязей сацыял-дэмакратаў Беларусі, Польшчы і Літвы // Весці Акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. - 1989. - № 5. - С. 56-63.
256. Самбук С.М. Общественно-политическая мысль Беларуси во второй половине XIX века. - Минск: Наука и техника, 1976. - 183 с.
257. Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. - Минск: Наука и техника, 1980. - 223 с.
258. Самбук С.М. Революционные народники Белоруссии. - Минск: Наука и техника, 1972. - 247 с.
259. Сборник материалов об артелях в России. - М., 1875. - 394 с.
260. Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700-1895). - Ростов-на-Дону: Донская речь, 1905. - 197 с.
261. Свод законов Российской империи: В 16 т. / Под ред. А.Ф. Волкова, Ю.Д. Филиппова. - М., 1897. - Т. 13. - 514 с.
262. Связи революционеров России и Польши конца XIX - начала XX века: Сб. ст. / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР; Под ред. В.А. Дьякова. - М.: Наука, 1968. - 420 с.
263. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. - М.: Высш. шк., 1995. - 235 с.
264. Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. - М.: Высш. шк., 1993. - 254 с.
265. Семашкевіч Р.М. Беларускі літаратурна-грамадскі рух у Пецярбурзе (канец XIX - пачатак XX ст.). - Минск: Выд. БГУ, 1971. - 134 с.
266. Середонин С.М. Исторический обзор деятельности комитета Министров: В 3 т. - СПб, 1902. - Т. 1. - 607 с.; Т. 2. - 366 с.; Т. 3. - 375 с.
267. Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-начале 60-х годов XIX века. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. - 286 с.
268. Смирнов А.Ф. Революционные связи народов России и Польши: 30-60-е годы XIX века. - М.: Соцэкгиз, 1962. - 427 с.

269. Смірноў А.Ф. Франц Савіч. З гісторыі беларуска-польскіх рэвалюцыйных сувязей. 30-4-е гг. XIX ст. - Мінск: Дзяржвыд. БССР, 1961. - 57 с.

270. Сміт Э. Нацыяналізм у дваццатым стагоддзі. - Мінск: Эўрофорум, 1995. - 272 с.

271. Снытко Т.Г. Русское народничество и польское общественное движение. 1865- 1881. - М.: Наука, 1969. - 478 с.

272. Соколова М.А. К вопросу о теориях среднего уровня в исторической науке // Тезисы I международной конференции по логике и методологии науки «Смирновские чтения». - М.: Ин-т фил. РАН, 1997. - С. 111-112.

273. Соколова М.А. Теоретико-методологические проблемы исторической науки // Современная мировая историческая наука: Информ.-аналит. обзор; Редкол.: А.Н. Алпеев и др. - Минск: НТООО «Тетра Системс», 1996. - С. 12- 40.

274. Соколова М.А., Руденко Е.Н. Системное движение и гуманитарные науки. - Минск: МГЛУ, 1996. - 88 с.

275. Сокольский С. Консерватизм, либерализм, социализм // Мировая экономика и международ. отношения. - 1992. - № 8. - С. 88-94.

276. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. - Л.: Наука, 1973. - 383 с.

277. Солошенко В.И. От народничества к марксизму. Распространение марксизма и образование социал-демократических организаций в Белоруссии. - Минск: Беларусь, 1971. - 151 с.

278. Сосіс І. Асноўныя моманты ў гісторыі жыдоўскага руху на Беларусі // Беларусь. Нарысы гісторыі эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху: Зб.; Саст. А.Сташэўскі, З.Жылуновіч, Ё.Ігнатоўскі. - Менск: Цэнтр. Выкан. Кам. БССР, 1924. - С. 141-147.

279. Социология: Словарь – справочник: В 3 т. / Акад. наук СССР. Ин-т социологии; Отв. ред. Г.В. Осипов. - М.: Наука, 1990-1991. - Т. 1. - 1990. - 203 с.; Т. 2. - 1991.- 231 с.

280. Спасович В.Д. Сочинения: В 10 т. - СПб.: Кн. Магазин Бр. Рымович, 1889-1902. - Т. 10.- 1902. - 230 с.

281. Список сельскохозяйственных обществ. – СПб.: Тип. М. Неркушева, 1905. – 32 с.
282. Станкевич А.А. Первые шаги крестьянской реформы в Северо-Западном крае. - Вильно: Губ. тип., 1911. - 23 с.
283. Степанский А.Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. – М.: МГИАИ, 1987. - 86 с.
284. Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. – М.: МГИАИ, 1979. - 81 с.
285. Степанский А.Д. Общественные организации России на рубеже XIX - XX веков. – М.: МГИАИ, 1982. - 91 с.
286. Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации в России на рубеже XIX - XX веков. – М.: МГИАИ, 1980. - 96 с.
287. Струве П.Б. Сборник статей. 1893-1901. – СПб.: Тип. А.Е. Колопинского, 1902. - 555 с.
288. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. – М.: Наука, 1978. - 279 с.
289. Токвиль А. Демократии в Америке. - М.: Прогресс, 1992. – 559 с.
290. Токвиль А. Старый порядок и революция. – М.: Моск. филос. фонд, 1997. - 252 с.
291. Троицкий Н.А. Большое общество пропаганды, 1871-1874 гг. (так называемые «чайковцы»). - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1963. - 102 с.
292. Улащик Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 года в Литве и Западной Белоруссии. - М.: Наука, 1965. - 479 с.
293. Устав Гродненского Софийского православного братства. - Гродно, 1882. – 14 с.
294. Устав Минского общества любителей изящных искусств. – Минск: Типолитограф. Тасьмана, 1892. - 24 с.
295. Устав Могилевского церковно-православного Богоявленского братства. - Могилев, 1886. – 14 с.
296. Устав общества витебского товарищества сельских хозяев. - Витебск: Губ тип., 1876. - 24 с.

297. Устав общества взаимного вспоможения литовцев. - Вильна: Губ. тип., 1904. - 15 с.
298. Учительские общества, кассы, курсы и съезды. - СПб, 1901. - 33 с.
299. Фалькович С.М. Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50- 60 гг. XIX в. - М.: Наука, 1966. - 333 с.
300. Федор Яковлевич Миркович. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. - СПб.: Воен. тип., 1889. - 424 с.
301. Философская и общественно-политическая мысль Беларуси и Литвы: Дооктябрьский период / Под. ред. А.С. Майхровича, Р.М. Плечкайтиса. - Минск: Наука и техника, 1987. - 336 с.
302. Фонды рукописей Института литературы Национальной Академии Наук Беларуси.
303. Фроленко М. Липецкий и воронежский съезды // Былое. - 1907. - №1. - С. 65-78.
304. Хартановіч М., Карзенка Г. Навуковыя установы і таварыствы на тэрыторыі Беларусі у канцы XIX-пачатку XX ст. // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. - 1982. - № 4. - С. 40-42.
305. Хейсин М.Л. История кооперативов в России. Все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени. - Л.: Время, 1926. - 389 с.
306. Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х годов до начала 80-х годов XIX века. - Л.: Наука, 1978. - 248 с.
307. Черных А. Долгий путь к гражданскому обществу // Социолог. исслед. - 1994. - № 8-9. - С.173- 181.
308. Шалькевич В.Ф. Кастусь Калиновский: Страницы биографии. - Минск: Университет., 1988. - 240 с.
309. Шалькевич В.Ф. Общественно-политическая и философская мысль Беларуси в первой половине XIX века: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук: 09.00.03 / Бел. гос. ун-т. - Минск, 1993. - 66 с.
310. Шебунин А.Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. -Л.: Сеятель, 1925. - 232 с.

311. Щепаньский Я.Ю. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969. - 240 с.
312. Яжборовская И.С. У истоков польского освободительного движения. – М.: Наука, 1976. - 412 с.
313. Яжборовская И.С. Идейное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX – первая треть XX века). – М.: Наука, 1973. - 415 с.
314. Aiken H. The Age of Ideology. - New York, 1956. - 123 p.
315. Aleksandr Oskierko // Bibl. Warszawska. - 1911. - T. 1. - S. 609-610.
316. Arato A., Cohenn J. Civil Society and Political Theory. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992. - 256 p.
317. Archiwum filomatów. Cz. 1: Korespondencja filomatów. 1815-1823: W 5 t. – Kraków: Wyd. J. Czubek, 1913. - T. 1. – 486 s.; T. 2. – 435 s.; T. 4. – 441 s.; T. 5. – 490 s.
318. Archiwum filomatów. Cz. 2: Materiały do historii Towarzystwa filomatów: W 3 t. - Kraków: Wyd. Szpotański i S. Pietraszkiewiczówna, 1920 - 1934. - T. 1. - 1920.- 336 s.; T. 2. - 1921.- 432 s.; T. 3. - 1934.- 579 s.
319. Archiwum filomatów. Cz. 3. Poezja filomatów: W 2 t. - Kraków: Wyd. J.Czubek, 1932. - T. 1. – 359 s.; T. 2. – 416 s.
320. Aszkenazy Sz. Łukasinski: W 2 t.– Warszawa: Druk. Wł. Łazarskiego, 1929. - T. 1. – 439 s.; T. 2. – 499 s.
321. Atheneum. - 1883. - № 9.
322. Barczewska-Krupa A. Generacja powstańcza 1830-1831. - Łódź: Wyd-wo Łódzkie, 1985. - 380 s.
323. Bieliński J. Uniwersytet Wileński: W 3 t. – Kraków: Druk W. L. Anczyca i S-ki, 1900.- T. 3. – 734 s.
324. Beavois D. Inteligencja bez wyjścia (1803-1832) // Inteligencja polska XIX i XX w.: W 4 t. – Warszawa: Panstw. Wyd-wo nauk., 1978. - T. 1. - S. 12-64.
325. Bochwic F.Obraz myśli mojej.- Wilno: Nakł. i druk. J. Zawadskiego, 1839. - 164 s.

326. Bochwic F. Pomysły o wychowaniu człowieka. - Wilno: Gluksberg, 1847. - 134 s.
327. Chmielowski P. Liberalism i obskryrantyzm na Litwie i Rusi (1815 - 1823). - Warszawa, 1898. - 163 s.
328. Demokracja polska w powstaniu styczniowym: Wyb. źródeł / Oprac. I. Halicz i i. - Wrocław: PAN, 1961. - 168 s.
329. Domeyko I. Pamiętniki moje i podroza: W 3 t. / Przyg. E.H. Niecowa. - Wrocław: Zakł. im. Ossolińskich, 1962-1963. - T. 1. - 1962.- 256 s.; T. 2. - 1962. - 560 s.; T. 3. - 1963. - 338 s.
330. Dunajowa M. T. Zan: Lata uniwersyteckie. 1815-1824. - Wilno: T-wo przyjacół nauk, 1933. - 282 s.
331. Dunajowa M. Filomaci na prowincji. - Wilno: Pol. Druk. Nakł. "Lux", 1931. - 32 s.
332. Dybowski B. Pamięci Jozefata Ohryzki // Bibl. Warszawska. - 1907. - T. 2. - S. 209-260.
333. Dybowski B. Przed półwiekiem, wspomnienia z przeszłości gimnazjalnej // Bibl. Warszawska. - 1908. - T. 2. - S. 510-534.
334. Dziennik Wileński. - 1816. - T. 4. - № 24.
335. Fajnhauz D. Ruch konspiracyjny na Litwie i Białorusi. 1846-1848. - Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk., 1965. - 402s.
336. Gieisztort J. Pamiętniki z lat 1857-1865. - Wilno: Nakł. Now. Udz. Kurjer Litewski, 1913. - 420 s.
337. Grabowski M. Korespondencja literacka: W 2 t. - Wilno: Druk. Gluksberga, 1842-1843. - T. 1. - 1842. - 224 s.; T. 2. - 1843. - 244 s.
338. Groniowski K. Problem rewolucji agrarnej i ideologii obozow politycznych w latach 1846-1847. - Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk., 1957. - 154 s.
339. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. - Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989. - 258 s.
340. Hall J.A. Nationalisms: Classified and explained // Daedalus. - V. 122. - № 3. - P. 1-28.

341. Hass L. Wolnomularstwo w Europie Środkowo-Wschodniej w XVIII - XIX wieku. - Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź: Zakł. Nar. Im. Ossolińskich, 1982. - 572 s.
342. Helenjusz E. (Eustachy Iwanowski). Wspomnienia lat minionych: W 2 t. - Kraków: Nakł. autora, 1876. - T. 1. - 717 s.; T. 2. - 601 s.
343. Hobsbaum E. The Age of Revolution. 1789-1848. - New York: Random House, 1996. - 356 s.
344. Huntington P. Conservatism as an Ideology // Amer. Polit. Science Rev. - 1957. - № 2. - S. 78-96.
345. Inglot M. Polskie czasopisma literackie ziem litewsko-ruskich w latach 1832-1851. - Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk., 1966. - 375 s.
346. Iwaszkewicz J. Litwa w przededniu wielkiej wojny roku 1812 // Bibl. Warszawska. - 1904. - T.4. - S. 417-465.
347. Jedlicki J. Jakiej cywilizacji polacy potrzebują. - Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk., 1988. - 379 s.
348. Kamiński A. Polskie związki młodzieży (1831-1848). - Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk., 1968. - 287 s.
349. Kamiński A. Polskie związki młodzieży (1804-1831). - Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk., 1963. - 554 s.
350. Kamiński A. Prehistoria polskich związków młodzieży. - Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk., 1959. - 243 s.
351. Kieniewicz St. Dramat trzeźwych entuzjastów. O ludziach pracy organicznej. - Warszawa: Wiedza powszechna, 1964. - 237 s.
352. Kmiecik Z. "Kraj" z czasów redaktorstwa Erazma Piltza. - Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk., 1969. - 502 s.
353. Koźmian K. Pamiętniki: W 3 t. - Wrocław: Zakł. Nar. Im. Ossolińskich, 1972. - T. 1. - 345 s.; T. 2. - 440 s.; T. 3. - 339 s.
354. Kalembka S. Wielka emigracja. - Warszawa: Wiedza Powszechna, 1971. - 476 s.
355. Lelewel J. Pamiętnik z roku 1830-1831. - Warszawa: Inst. Wydawniczy "Bibl. Polska", 1924. - 165 s.

356. Limanowski B. Historia ruchu społecznego w XIX stuleciu. - Lwow: Ksieg. Polska, 1890. - 435 s.
357. Ludwikowski R. Konserwatyzm polski w okresie mędzypowstaniowym. - Warszawa - Kraków: Nakł. Uniw. Jagellońskiego, 1976. - 126 s.
358. Małachowski-Lempicki S. Wolnomularstwo na ziemiach dawnego Wielkiego Księstwa Litewskiego 1776-1822. Dzieje i materiały. - Wilno, 1930. - 213 s.
359. Marxism and Liberalism. - Oxford: Oxford Univ. Press, 1986. - 435 s.
360. Materiały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych. - Kraków: Druk Anczyca i S-ki, 1906. - 288s.
361. Materiały do dziejów literatury i oświaty. Z archiwum drukarni i księgarni Zawadskiego w Wilnie: W 3 t. - Wilno, 1935-1937. - T.1.- 1935.- 424 s.; T. 2. - 1937. - 316 s.; T. 3. - 1937.- 324 s.
362. Mochnacki M. Dzieła Maurycego Mochnackiego: W 5 t. - Poznań, 1863.- T. 1. - 388s.; T. 2. - 387 s.; T. 4. - 290 s.; T. 5. - 154 s.
363. Morawski St. Kilka lat młodości mojej w Wilnie. 1818-1825. - Warszawa: Inst. Wydawniczy "Bibl. Polska", 1924. - 541 s.
364. Morawski St. W Petersburgu. 1827-1838. - Poznań: Wyd-wo Polskie, 1927. - 370 s.
365. Mościcki H. Sprawa włościańska na Litwie w pierwszej ćwierci XIX stulecia. - Warszawa: Druk. A.Ginsa, 1908. - 38 s.
366. Mościcki H. Dzieje porozbiorowe Litwy i Rusi: W 11 z. - Wilno: J. Zawadski, 1911-1913. - Z. 11. - 1913. - 31 s.
367. Odyniec A.E. Wspomnienia z przeszłości opowiadane Deotyme. - Warszawa: Nakł. Gebethnera i Wolfa, 1884. - 460 s.
368. Orzeł Biały. - 1820. - T. 2. - № 11.
369. Pawłowicz E. Wspomnienia z nad Wilji i Niemna. - Lwow, 1895. - 399 s.
370. Peplowski F. Słownictwo i frazeologia polskiej publicystyki okresu Oświecenia i Romantyzmu. - Warszawa: Państw. Inst. wydawniczy, 1961. - 365 s.

371. Pigon S. Głosy sprzed wieku. Szkice z dziejów procesu filareckiego. - Wilno: W-wo księg. stow-nia nauszycelstwa pol., 1924. - 236 s.
372. Pipes R. Narodnichestvo: A Semantic Inquiry // Slavic rev. - 1964. - № 3. - P. 441-457.
373. Pipes R. Social Democracy and St. Petersburg Labour Movement, 1885-1897. - Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1978. - 206 s.
374. Powstanie 1831 r. Wspomnienia uczestników / Wyd. H. Mościcki. - Wilno: J. Zawadski, 1931. - 174 s.
375. Prawda. Księga zbiorowa dla uczczenia 25 letniej działalności A. Świętochowskiego. - Lwow: Nakł. księg. H. Altenberga, 1899. - 525 s.
376. Puzynina G. W Wilnie i w dworach litewskich. 1815-1843. - Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1990. - 389 s.
377. Regional and National Identities in Europe in the XIXth and XXth Centuries / Ed. H.G. Hupt, M.G. Miller, S. Wolf: In 2 v. - The Hague, 1998. - V. 1. - 225 s.; V. 2. - 231 s.
378. Res (Perl F) Dzieje ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim do powstania PPS. - Warszawa: Książka i wiedza, 1958. - 529 s.
379. Robertson S. The Meaning of Liberalism. - Washington: Washington Press, 1971. - 325 s.
380. Rzewuski H. Mieszaniny obyszajowe: W 2 t. - Wilno: Druk. T. Gluksberga, 1841-1843. - T. 1. - 1843. - 293 s.; T. 2. - 1843. - 220 s.
381. Rzewuski H. Pisma: W 6 t.- Petersburg, 1851. - T. 3: Wędrowki umysłowe. - 235 s.; T. 4: Wędrowki umysłowe. - 256 s.
382. Scruton R. The Meaning of Conservatism. - Toronto, 1985. - 286 s.
383. Seligman A. The Idea of Civil Society. - New York: Maxwell Macmillan Intern., 1992. - 241 p.
384. Sidorowicz-Czerniewska K. Sprawa emissarjusza Wołłowicza. - Grodno: Wyd-wo zarządu miejskiego, 1934. - 113 s.
385. Skarga B. Praca organiczna a filozofia narodowa i konserwatywna katolicka przed 1864 r. // Archiwum historii, filozofii i myśli społecznej. - 1962. - № 8. - S. 177-214.

386. Sliwinski A. Joachim Lelewel. – Warszawa: Arct, 1918. - 455 s.
387. Sliwowska W. Polskie kółka studenckie w Moskwie i Petersburgu w czterdziestych latach XIX wieku // Przegląd Hist. - 1961. - № 1. - S. 231-235.
388. Smith D. Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth century Russia. – Illinois: Northern Illinois Univ. Press, 1993. – 257 s.
389. Smoleński S. Towarzystwa naukowe i literackie w Polsce wieku XVIII. – Warszawa: Księg. T. Potockiego i S-ki, 1887. – 43 s.
390. Sobolewsky M. Partie i systematy partyjne swiata kapitalistycznego. – Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk., 1977. - 525 s.
391. Sokolova M. Nationalismus und Geslecht. Das weissrussische Beispiel // Geschlecht und Nationalismus in Mittel- und Osteuropa. 1848-1918 / Hrsg. von S. Kemlein (Hg.). – Osnabruk, 2000. - S. 153 –162.
392. Społeczeństwo polskie XVIII i XIX wieków. Studia o grupach elitarnych / Pod red. J. Leksiewiczowej. – Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk., 1982. - 262 s.
393. Stearns P.S. Liberalism in Historical Perspective // The Journal of the Rutgers Univ. Libr. - 1976. - № 2. - P. 42-65.
394. Stolzman M. O wileńskiej inteligencji. 1830 - 1863 // Inteligencja polska XIX i XX w.: W 4 t.- Warszawa: Państw. Wyd-wo nauk., 1983. - T. 3. - S. 10-65.
395. Szacki J. Ojczyzna, naród, rewolucja. – Warszawa: Państw. Inst. Wydawniczy, 1962. - 257 s.
396. Szumski S. W walkach i więzieniach. Pamiętniki. - Wilno: J. Zawadski, 1931. - 206 s.
397. Thaden E.C. Conservative Nationalism in 19th Century Russia. - Seattle, 1964. – 271 p.
398. The European Right / Ed. by H. Rogger, E. Weber. – California, 1974. - 550 p.
399. The Conservative Tradition in European Thought. - New York: Macmillan Intern., 1970. - 256 s.

400. The Wisdom of Conservatism: In 3 v. - New York: Macmillan Intern., 1971. - V. 1. - 321 s.; V. 2. - 265 s.; V. 3. - 298 s.
401. Urbaniak J. Konserwatyzm w poglądach społeczno-filozoficznych Henryka Rzewuskiego. - Poznań: Wyd-wo nauk. Uniw. im. A. Mickiewicza, 1979. - 115 s.
402. Weeks T. Nation and State in Late Imperial Russia. - Northern Illinois: Univ. Press, 1996. - 297 p.
403. "Wiadomości Brukowe": Wybór artykułów / Wybr. i oprac. Z. Skwarczynski. - Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1962. - 369 s.
404. Wierzgowski M. Z dziejów polskich organizacji spiskowych w zaborze rosyjskim (1837-1841) // Przegląd Hist. - 1961. - N 1. - S. 23-42.
405. Wierzgowski M. Z dziejów polskich organizacji spiskowych na terenie Litwy, Białorusi i Ukrainy w latach 1848-1849 // Rocz. Białostocki. - 1962. - T. 3. - S. 73-96.
406. Wojniłowicz E. Wspomnienia. 1817-1828: W 2 cz. - Wilno: J. Zawadski, 1931. - Cz. 1. - 125 s.
407. Wołodzimerz Spasowicz // Bibl. Warszawska. - 1906. - T. 4. - S. 371-372.
408. Wroczyński R. Pedagogika pozytywizmu warszawskiego. - Wrocław: Wyd. PAN. - 1958. - 300 s.
409. Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863-1864: W 3 t. - Lwów: Nakł. druk. Ludowej, 1888-1890. - Tom wstępny. - 1888. - 278 s.
410. Z filareckiego świata: Zbiór wspomnień z lat 1816-1824 / Wyd. H. Moscicki. - Warszawa: Inst. Wydawniczy "Bibl. Polska", 1924. - 373 s.
411. Związki rewolucjonistów polskich i rosyjskich w XIX w.: Materiały sesji naukowej / PAN. Zakład Historji Stosunków Polsko-Radzieckich. - Wrocław i i.: Wyd. PAN, 1972. - 268 s.